

ДЖОЙС
КЭРОЛ
ОУТС

18+

НОЧЬ,
СОН,
СМЕРТЬ
И
ЗВЕЗДЫ

И СНОВА ОУТС ЗАНИМАЕТСЯ ПОТРЯСАЮЩЕЙ ЧЕРНОЙ МАГИЕЙ.
THE WASHINGTON POST

Джойс Кэрол Оутс

Ночь, сон, смерть и звезды

Серия «Большой роман»

текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67917825

*Джойс Кэрол Оутс. Ночь, сон, смерть и звезды: Иностранка, Азбука-Аттикус; Москва; 2022
ISBN 978-5-389-21751-5*

Аннотация

В новой семейной саге современного классика Джойс Кэрол Оутс (неоднократного финалиста Пулицеровской премии, лауреата премии имени О. Генри, Национальной книжной премии США и множества других престижных наград) внезапная трагедия проверяет на прочность казавшиеся нерушимыми фамильные узы. Когда патриарх семейства, бывший мэр городка в штате Нью-Йорк, становится жертвой полицейского насилия, его жена и все пятеро детей реагируют самым неожиданным образом, и давние фамильные тайны становятся явными, и глубоко закопанные психологические катастрофы дают всходы, и ни один скелет в многочисленных шкафах не остается непо потревоженным. Старший сын готов на все, лишь бы призвать «стражей порядка» к ответу, одна дочь ищет утешения в бутылке, другая – в научной работе, а младший сын – в художественной коммуне. Но самым

неожиданным, если не сказать скандальным, образом реагирует
безутешная вдова...

«Поистине монументальный труд – и до чего же
своевременный»

(Star Tribune).

Впервые на русском!

Содержание

Пролог	9
I. Бдение	17
Музыка ветра	17
Ударен молнией	19
Жестокая сестра	21
Еще живой	58
Рукопожатие	65
Бдение	81
«Наследник»	102
Семя	109
«Свидетельство»	139
Пловец	142
Вечеринка	144
Мутант	155
Возвращение Уайти	168
Благословение уже не действует	170
Твердая рука	175
Возвращение домой	203
II. Осада	207
«Что ты сделала с папой?»	207
Сильная	210
Последняя воля и завещание Джона Эрла	251
Маккларена	

Джойс Кэрол Оутс

Ночь, сон, смерть и звезды

Joyce Carol Oates

NIGHT. SLEEP. DEATH. THE STARS.

Copyright © 2019 by The Ontario Review, Inc.

Published by arrangement with Ecco, an imprint of
HarperCollins Publishers

All rights reserved

Издание подготовлено при участии издательства «Азбука».

© С. Э. Таск, перевод, 2022

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2022

Издательство ИНОСТРАНКА®

* * *

Проза Оутс всегда кажется написанной без усилий; она своевременна, бесстрашна, бурна. Как будто ее автор решительно шагает по бездорожью и не оглядывается.

New York Times

И снова Оутс занимается потрясающей черной

магией.

The Washington Post

Поистине монументальный труд – и до чего же современный. Блестящее препарирование всей нынешней культуры от, пожалуй, величайшего американского автора наших дней; незаменимый путеводитель сквозь бушующий вокруг хаос.

Star Tribune

Мастер острых диалогов и ярких портретов, Оутс наводит мощные чары.

People

Эта писательница всегда изобретательна, умна, любознательна и созидательна.

Гиллиан Флинн

* * *

ЯСНАЯ ПОЛНОЧЬ

Вот он, твой час, о Душа, твой полет за пределы слова,
Прочь от книг, от ремесла, день стерт, и выучен урок,
Полным ходом вперед, молча, зорко, любимые темы
лелея.

Ночь, сон, смерть и звезды.

Уолт Уитмен
(Перевод Владимира Бойко)

*** * ***

*Посвящается Чарли Гроссу,
моему первому читателю и любимому супругу*

Пролог

18 октября 2010

Почему? Потому что он увидел нечто, показавшееся ему неправильным, и в его власти – как минимум его долгом – было исправить ситуацию или хотя бы попытаться.

Где? По пути домой, на автостраде Хенникотт, в 3:15 пополудни. Сразу за грязной, разрисованной граффити эстакадой, ведущей к бульвару Питкерн, где в начале семидесятых воздвигли трехметровый сетчатый забор, дабы оградить автомобилистов, направлявшихся в северные пригороды, от школьников-хулиганов, скатывавших по склону большие камни. Один водитель тогда погиб и многие получили ранения, не говоря уже о серьезных повреждениях транспорта.

Откуда? Из публичной библиотеки (там состоялся ланч с попечительским советом), которую Джон Эрл Маккларен (тогда мэр Хэммонда, штат Нью-Йорк) помог перестроить в середине девяностых, собрав в результате благотворительной кампании несколько миллионов долларов. С тех пор Джон Эрл, он же Уайти, за пятнадцать лет не пропустил ни одной ежегодной встречи с попечителями.

Он ехал на «тойоте-хайлендер» новой модели, по правой полосе трехполосного хайвея, на дозволенной скорости

пятьдесят пять миль в час. Лучше не рисковать, если ты выпил за ланчем бокал белого вина (хотя Джон Эрл не считал, что такая доза алкоголя влияет на его вождение или что сторонний наблюдатель сможет нечто подобное заподозрить).

И тут, перед съездом на Меридиан-парквей (по которой через двадцать минут он благополучно добрался бы до своего дома на Олд-Фарм-роуд, где счастливо прожил вместе с дорогой женой бóльшую часть взрослой жизни), он увидел припаркованную на обочине патрульную машину с включенной красной мигалкой, и еще одну машину рядом. Двое полицейских в форме вытащили (молодого? смуглого?) мужчину из машины и, выкрикивая какие-то угрозы, стали со всего маху тыкать его лицом в капот. Джон Эрл сбавил скорость в шоке от увиденного, потом осмелился затормозить сразу за патрульной машиной, вышел и направился к копам, продолжавшим заниматься рукоприкладством, хотя молодой смуглолицый мужчина очевидно (для Джона Эрла) не оказывал никакого сопротивления, если не считать сопротивлением попытки закрыть лицо и голову от ударов. Подойдя к патрульным, Джон Эрл вскричал: «Хватит! Что вы делаете?», с вызовом, бесстрашно, как это делал бы сам в свою бытность мэром еще в прошлом веке, кричал в этом глухом, поросшем кустарником месте, в бедном районе Хэммонда, где царил полицейский произвол, о чем не догадывались даже такие белые американцы, казалось бы все знающие, как Джон Эрл Маккларен. А дальше произошла горя-

чая перепалка, сохранившаяся в его памяти смутно, как и образ смуглого стройного водителя, сильно запуганного, не афроамериканца, а (скорее) индуса, в костюме, разорванной, заляпанной кровью белой рубашке и очках в тонкой оправе, которые с него сбили ударом.

Полицейские заорали на непрошеного зрителя:

– Полезай в свою машину и дуй нахер отсюда, мистер!

Но Джон Эрл осмелился еще приблизиться.

– Вы избиваете беззащитного человека. В чем его вина? –

Адреналин зашкаливал. Он сразу дал им понять, что *просто так* не уйдет. – Я хочу знать, в чем его вина. Я сообщу куда следует, что вы применили избыточную силу.

Он как-то забыл, что ему шестьдесят семь и он уже добрых четверть века не мэр Хэммонда. Забыл, что у него двадцать фунтов лишнего веса (как минимум), что он легко заводится и принимает сильнодействующее лекарство от давления. В своем тщеславии он полагал, что, так как «Уайти» Маккларен был популярным мэром, всегда на стороне граждан, умеренным республиканцем, способным к политическим компромиссам, а также преуспевающим бизнесменом, другом и партнером по покеру предыдущего начальника полиции и многолетним донором Ассоциации содействия полиции, верившей (и не раз заявлявшей об этом публично) в то, что эта работа опасна и трудна и потому заслуживает общественной поддержки, а не критики, – в общем, офицеры его узнают, раскаются и извинятся. Как бы не так.

Вместо этого Джон Эрл оказался лежащим навзничь на грязной мостовой. Среди обломков стекла и запахов дизельного топлива. Упал так упал. Самостоятельно встать не получится. Невероятно, но копы обрушили на него всю силу своих кулаков (оба в перчатках), всю свою ярость и ненависть. Эмоциональный шок, физическая беспомощность. *Еще никогда с Уайти Макклареном не обращались с такой жестокостью! Ни малейшего уважения к человеку, которым все восхищались...*

Он попытался встать. Сердце колотилось как бешеное. Нога в ботинке саданула его в живот, в пах. Джон Эрл, истинный стоик, частенько отказывающийся от укола новокаина у зубного, скрючился от боли. Обычно бесстрашный, не думающий о предосторожностях, сейчас он смертельно напуган. Валяется на земле в твидовом костюме «шотландского дозора», который он когда-то купил на свадьбу родственника и из уважения всегда надевает на встречи с попечителями. *Американская публичная библиотека – основа нашей демократии. Мы все гордимся нашей прекрасной библиотекой.* Он поступил необдуманно, сняв подарок жены – голубой шелковый шейный платок от Диора по окончании официального ланча; этот платок мог бы произвести впечатление на офицеров, а так он выглядит растрепанным, дерганым и краснощеким (уж не пьяный ли? хотя какой пьяный с одного бокала вина); еще на офицеров могла бы произвести впечатление «тойота-хайлендер» (недешевый автомобиль), вот

только он его вовремя не помыл, за что заслуживает отдельного наказания, и сейчас машина вся покрыта тонким слоем пыли. В общем, ничто не сработало в пользу Джона Эрла, беда обрушилась на него как лавина, и вот уже он валяется на каменистой обочине. Может, если бы он представился надлежащим образом как друг начальника полиции, знающий его по имени, это бы остановило бешеных копов, хотя вряд ли, все уже отрепетировано: *Вмешался в действия правовых органов, поставил под угрозу безопасность полицейских, сопротивлялся аресту, вел себя агрессивно.*

И что же дальше? Один из орущих офицеров склонился над беспомощным, невооруженным седовласым стариком и в бешенстве ткнул его электрошокером раз пять, отчего у лежащего сердце заработало с перебоями. Неужели такое возможно? Доктор Азим Мурти, молодой врач в детской больнице Сент-Винсент, впоследствии прикрепленной к Колумбийской пресвитерианской больнице, стал свидетелем этой жести, и хотя в обычных обстоятельствах он говорил бегло по-английски, сейчас из-за животного страха забыл все слова. Позже доктор Мурти будет говорить: я был испуган, растерян и не понимал, что полицейские мне кричали, а они это (видимо) интерпретировали так, будто я отказываюсь подчиняться их приказам. Он не понимал, почему они заставили его съехать на обочину, хотя он не превышал скорость на своей «хонде-сивик»; зачем его выволокли из машины с такой силой, что вывихнули левое плечо; почему, когда по

их требованию он, превозмогая боль, полез за бумажником в карман пиджака (зря, наверно), один из полицейских покрыл его матом и ткнул лицом в капот так, что рассек ему лоб и сломал нос. Он угрожал его «поджарить», и Мурти даже в голову не пришло, что речь идет об электрошокере, а не об огнестрельном оружии. В тот момент двадцативосьмилетний Мурти, рожденный в индийском Кочине и переехавший в Нью-Йорк в девятилетнем возрасте вместе с родителями, был уверен, что неизвестно по какой причине взбешенные полицейские его убьют без всякого повода. Мурти не хотелось думать, что его остановили на автостраде из-за цвета кожи, которую он не без гордости не считал «черной», хотя и «белой» ее, понятно, не назовешь. Глядя на его костюм, белую рубашку и галстук, нетрудно было предположить, что он (скорее всего) не наркодилер и не бандит, так что вряд ли представляет угрозу для полицейских, если они пожелают увезти его в отделение без применения насилия. Мурти изображал из себя «невиновного», впрочем он и в самом деле не понимал, какие обвинения собираются ему предъявить. Наркотики? Убийство? Терроризм? Он с беспокойством вспоминал о массовых убийствах, беспорядочной снайперской стрельбе и «террористах» в Соединенных Штатах за последнее время, о чем говорили заголовки газет и новостные телевизионные выпуски, из чего можно было сделать вывод, что хэммондская полиция искала людей, имеющих при себе или в машине арсенал оружия, опасных

личностей, по которым копы готовы открыть огонь без предупреждения. Бездомные, психически больные, с оружием или (на первый взгляд) без, могут представлять опасность, по мнению полиции, но доктор Мурти явно не выглядит как психически больной или массовый убийца. Даже если смуглый цвет кожи и очень темные глаза могли внушить особо внушаемым, что они имеют дело с «террористом», ламинированное удостоверение личности подтверждало, что он, Азим Мурти, доктор медицины, работает в детской больнице Сент-Винсент. И при нем, как и в его «хонде», не обнаружили ни наркотиков, ни оружия.

В полицейском отчете офицеры утверждали, что автомобиль доктора Мурти «вилял», а когда патрульная машина приблизилась сзади и включила красную мигалку, он прибавил скорость, словно пытаясь «уйти». Возникли подозрения, что в автомобиле есть наркотики или что водитель пьян, поэтому из соображений общественной безопасности они его остановили. По свидетельству обоих полицейских, водитель «оказывал сопротивление», «выкрикивал оскорбления и проклятия на иностранном языке», «совершал угрожающие телодвижения». Из соображений личной безопасности они вытащили его из автомобиля, но он сопротивлялся, и им пришлось применить силу и даже «надеть наручники». И тут рядом затормозила «подозрительного вида» «тойота-хайлендер». В водителе заподозрили сообщника арестованного, он представлял «явную опасность»: кричал на офи-

церов, размахивал кулаками, грозил их застрелить и сунул руку под пиджак, как будто за оружием. Опять же из соображений личной безопасности им пришлось бросить его на землю, усмирить с помощью электрошокера (пятьдесят тысяч вольт, двадцать пять ватт) и надеть на него наручники.

Этот «агрессивный, представляющий угрозу» водитель, изначально воспринятый офицерами как сообщник Азима Мурти, позже был идентифицирован как Джон Эрл Маккларен, 67 лет, проживающий на Олд-Фарм-роуд, в Хэммонде, Нью-Йорк.

Как впоследствии выяснится, ни Азим Мурти, ни Джон Эрл Маккларен не состояли на учете в полиции. У доктора Мурти и в его машине не было обнаружено ни наркотиков, ни оружия. Как и в случае с мистером Макклареном. Связи между ними не было установлено. Выяснилось, что электрошокер был применен к обоим мужчинам «из соображений безопасности», вот только доктор Мурти не потерял сознание и не впал в кому, как Джон Эрл Маккларен. Возможно, просто потому, что был на сорок лет моложе.

І. Бдение

Октябрь 2010

Музыка ветра

Легкий прохладный дождик, но уходить в дом ей пока не хочется.

Порыв ветра, и сразу дзынь-дзынь-дзынь.

Как приятно слушать убывающий перезвон колокольчиков, развешенных на деревьях за домом.

Испытывать такое счастье – можно ли это считать эгоизмом?

Что-то в этом октябрьском ветре, в насыщенном запахе мокрых листьев, в неясном небе, в серебряном звоне колокольчиков пробуждает в ней головокружительное желание, как будто она (снова) юная девочка и у нее вся жизнь впереди.

Все, что у тебя есть, было тебе дано. За какие заслуги?

Она (осторожно) засыпала корм в висящие над террасой кормушки для птиц. Кукурузные зерна, семена подсолнечника. В соседних ветвях уже притаились синицы.

Задача из простых. Но ее еще нужно должным образом отработать.

Не сразу расслышала телефонные звонки в доме.

Ударен молнией

Его посадили на электрический стул? Ударило молнией?

Причем не один раз. Не сосчитать.

Помнит чей-то торс, лицо. И собственные руки, поднятые для защиты.

Электрические разряды. Оглушающие, огненные. Запах поджаренной плоти (точно?).

Ошибка. Он совершил ошибку.

Неправда. У него не было выбора.

Не ошибка. Скорее оплошность.

Но оплошность – это тоже ошибка, пусть и не такая серьезная.

Необдуманные слова. Безрассудные действия, предпринятые без поправки на возраст (а ты уже немолод!). Неосторожные шаги, которые тебя завели в самое неподходящее место – и теперь пути назад нет.

Уайти жаждет оспорить. Доказать свою правоту.

Но он онемел. Язык заполнил весь рот, гортань слиплась. Не может из себя выдать ни слова.

Горло пронзила молния. Сожгла голосовые связки.

И это *он*, Джон Эрл Маккларен, Уайти, который всю жизнь был само красноречие!

Уайти готов протестовать. Он найдет слова, слоги, звуки, они слетят с его (влажного, а не сухого, как сейчас) языка, и свершится чудо речи... *вот только бы вспомнить – как...* он обратится – нет, не к присяжным, а к своему электорату, и выборы все покажут. Уайти Маккларен докажет свою правоту, в этом он не сомневается.

Какая боль! В области сердца.

Может, поставили шунт или клапан, а может, там, где было сердце, теперь стоит насос.

Блестящая серебристая проволока тянется (через артерию?) в мозг, странным образом по форме и текстуре напоминающий грецкий орех.

Запах горелой плоти, жженных волос.

Черепные кости. Кожные лоскуты.

Не спрашивает себя, почему все онемело в этом месте, где он оказался, весь как будто туго перебинтованный, почему здесь так темно и тихо, только громко бьется быстрый пульс или так струится вода... не спрашивает себя, пока.

Не хочет думать о том, что после удара молнии ты конечный человек.

Он должен доказать: оплошность исправима, не фатальна, не смертельна.

Дурацкая оплошность – это еще не последнее, что Уайти Маккларен собирает совершить в этой жизни.

Жестокая сестра

– Ой! Не пугай меня.

Она проходила мимо окна на втором этаже своего дома на Стоун-Ридж-драйв и случайно глянула вниз.

И кого же она увидела? Существо в чем-то ярко-желтом, в блестящем шлеме, на велосипеде, всю крутящее педали и быстро приближающееся к дому. Торчащие в разные стороны локти и колени делают его похожим на большое насекомое, освоившее на редкость уродливый велик, ржавый, заклеенный здесь и там черным скотчем.

В движениях этого существа столько отчаянной гонки, что пропадает всякое желание узнать причину, хочется отшатнуться к стене и спрятаться, не слышать топота ног на крыльце и громкого стука в дверь и отдаленного голоса: *Беве́рли, это я!*

Точно он?.. (Беве́рли отступила от окна, авось не заметил.) Вирджил?

Ее младший брат, пять лет разницы. Бродяга. Сколько они не виделись? Несколько месяцев? Год? У Вирджила Маккларена нет мобильного телефона, нет компьютера, нет машины, связаться с ним можно только через родителей, ну или написав ему письмо и наклеив марку на конверт, чего никто давно уже не делает.

Вирджил, кто ж еще. Хвастающийся своим старым урод-

ливым великом, который никому не придет в голову украсть.

В дурацком скользком желтом дождевике. Как можно в нем ездить на велосипеде?

Не иначе как плохие новости. Иначе зачем Вирджил к ней примчался?

Он стучит в дверь, прямо под ней. Громко, грубо. Нет бы вежливо нажать на дверной звонок, как это делают нормальные посетители. *Бев'ли? Х'лло?* Она должна все бросить и побежать открывать дверь.

Сердце у нее протестующе заколотилось. *Не побегу. Так и стой под дверью, черт бы тебя побрал.*

Имей Вирджил здравый смысл и хорошие манеры (но откуда им у него взяться?), он бы одолжил телефон и предварительно ей позвонил. Ну почему он не может себя вести, *как нормальные люди?*

Беверли затаилась, с тревогой прислушиваясь. Уж не дергает ли он ручку двери, проверяя, закрыта ли она?

Конечно закрыта. Двери, окна. Все закрыто.

Сам Вирджил жил в общине с такими же оборванцами (как представляла себе Беверли), в большом доме-развалюхе на бывшей ферме, и двери там никогда не запирались просто потому, что нечего было украсть. А вот семья Беверли жила в Стоун-Ридже, где у всех не меньше двух акров земли, дома в колониальном стиле с четырьмя-пятью спальнями, аккуратно подстриженные лужайки.

Никаких заборов. Никакой «сегрегации». Хотя Вирджил

утверждал обратное, и поэтому ему было некомфортно среди множества желтых табличек с предупреждениями: 15 МИЛЬ В ЧАС, ЧАСТНЫЕ ВЛАДЕНИЯ, ТУПИК.

Вирджил, видимо, знал, что сестра дома, и продолжал кричать и колотить в дверь.

(Но откуда такая уверенность? Чтобы увидеть ее внедорожник за гаражом, надо было обогнуть дом на велосипеде. Или он ее все-таки засек выглядывающей из окна?)

Чем-то похоже на детскую игру в прятки, которая когда-то их так возбуждала, они были все мокрые от пота.

Интересно, если бы входная дверь была открыта, подумала Беверли, он бы вошел? Скорее всего. Никакого уважения к границам дозволенного. У меня нет личной жизни, нередко повторял он, то ли хвастаясь, то ли просто говоря правду. И считал, что и у других ее не должно быть.

Она вспомнила: если маленький Вирджил не мог найти старшую сестру, он начинал канючить: *Бев'ли! Бев'ли!*, и, когда эти детские страхи и жалобы ее уже совсем доставали, она выходила из укрытия со словами: *Я здесь, малыши-глупыши! Никуда я не пропала.*

Какое счастье быть кому-то нужной. И с такой легкостью успокаивать испуганного ребенка.

Но сейчас другое дело. К черту Вирджила. Он опоздал лет на двадцать.

Ей не нужны его плохие новости. Его ажитация, его эмоции. Все в прошлом.

Она все сильнее ожесточалась, убеждая себя в том, что он ее *предал*.

Она не собирается вытаскивать его из долгов или из отчаянного положения. Это не к ней!

Она прошла через гостевую комнату в ванную со скошенной крышей. И заперла дверь на засов, как будто существовала серьезная вероятность того, что Вирджил вломится в дом и станет ее разыскивать.

Да что с тобой? Зачем ты прячешься от родного брата?

Потому что прятаться от Вирджила было приятно. Быть такой же эгоисткой, как он. Без всяких извинений.

Но почему она тяжело дышит? Признак паники? Все те же детские прятки. На выживание.

Она видит в зеркале раскрасневшееся лицо, волосы взъерошены, как лепестки пиона. Неужели это *она*?

Крышка унитаза – не пластиковая, деревянная, с мягкой пушистой накладкой пастельно-розового оттенка – опущена. У Беверли ослабели ноги, и она присела.

Ей тридцать шесть. Ноги растолстели, как и бедра, как и живот. И ведь не сказать, что у нее избыточный вес. Стив по-прежнему называет ее *моя роскошная жена. Моя Олимпия*. (Иногда, уходя в экзотику, он величает ее своей *одалисской*, но Беверли не уверена, что ей это по душе.) После долгого стояния, да еще в напряжении, ноги побаливают.

Братец, кажется, переместился к боковой двери, ведущей в кухню.

Бев'ли? Это я, Вирджил... Голос почти неразличим.

Ее посетила дикая мысль: что, если Вирджил «отвязался»? Сейчас в Америке много таких «отвязанных». Вдруг он пришел с оружием, чтобы ее застрелить... Может, дзен-буддист и миролюбец взорвался изнутри и превратился в потенциального убийцу.

Бев'ли? Х'лло?

Еще несколько секунд, и стук прекратился.

Она напряженно вслушивалась, но слышала только, как стучит кровь в ушах.

Это безопасно? Выйти из ванной?

Брат точно не ворвался в дом? Может, уже поднялся на второй этаж и где-то рядом ее подкарауливает?

Никого! Какое облегчение.

В окно она увидела, как желтенький Вирджил уезжает на велике. Угроза как внезапно возникла, так же и пропала.

Руки трясутся! Ну зачем она...

Зачем пряталась от брата, который в ней нуждался... хотел ей сообщить что-то важное...

– Зачем?

Она быстро спустилась вниз проверить, не оставил ли он ей записку в дверях. Парадная дверь, боковая. Ничего.

Еще одно облегчение. (Ты уверена?)

Она сразу позвонила матери.

Почему Джессалин не берет трубку? Это на нее не похоже.

Если она дома.

Пять тоскливых гудков.

После чего включился торжественный голос Уайти на автоответчике.

Привет. Это резиденция Маккларенов. К сожалению, ни Джессалин, ни Уайти... то есть Джона Эрла Маккларена... сейчас нет дома. Если вы оставите подробное сообщение вместе с вашим номером телефона, то мы вам перезвоним при первой возможности. После звукового сигнала.

И Беверли оставила сообщение:

– Мама, привет! Жаль, что я тебя не застала. Догадайся, кто сейчас сюда приезжал на своем дурацком велосипеде. Вирджил! Я была наверху, не успела спуститься, и он уехал обиженный. Ты не в курсе, что там у него?

Хотела сказать, *что с ним, блин, происходит*. Но Беверли с матерью вела себя как хорошая девочка – такие сверкающие пузырьки на воде, однако если присмотреться, то увидишь в речке острые камни и всякий мусор.

Повесила трубку. Подождала с полминуты. Снова набрала.

Никто не отвечает, хотя Джессалин в такое время должна быть дома.

Записанный голос Джона Эрла Маккларена звучит словно из мавзолея.

Если вы оставите подробное сообщение... После звукового сигнала.

Да, в такое позднее время мать должна быть дома. Беверли знала ее расписание практически по часам.

Мать держала ее в курсе расписания отца (куда более насыщенного). Сегодня у него встреча с попечителями хэмптондской публичной библиотеки.

У него есть мобильный телефон, но он предпочитает не отвечать на личные звонки в рабочее время.

Тогда Беверли позвонила сестре, Лорен Маккларен, директору средней школы. Пришлось разговаривать с секретаршей. Сама Лорен на звонки не отвечает, а если бы и ответила, то грубо: *Да? Бев, что тебе надо?*

– Передайте ей, пожалуйста, чтобы позвонила Беверли. Срочно.

Повисла пауза. Слышно было дыхание секретарши.

– Ой.

– Что такое?

– Вы родственница доктора Маккларен? Она уехала из офиса на весь день.

– На весь день? Но почему?

– Кажется... кажется, она сказала «чрезвычайные семейные обстоятельства».

Беверли опешила:

– Какие еще чрезвычайные семейные обстоятельства?

Но секретарша уже струхнула, выложила больше, чем следовало. Она пообещала передать доктору Маккларен, кто ей звонил.

Чрезвычайные семейные обстоятельства. Теперь уже стухнула Беверли.

Позвонила отцу в «Маккларен инкорпорейтед». И здесь получила такой же ответ от секретарши: его нет в офисе.

– А когда вернется, не знаете?

– Мистер Маккларен не сказал.

– Это его дочь Беверли. Можно ему передать...

– Я постараюсь, мэм.

Ну почему Уайти не жалуется мобильный телефон? Хотя компьютером пользуется, он принадлежит к поколению американцев, которые втайне ждут, что «электронная революция» закончится.

Беверли в спешке покинула дом, успев только прихватить вельветовую куртку, большую наплечную сумку и мобильник. Она повернула ключ зажигания в своем внедорожнике. Скорее на Олд-Фарм-роуд!

Прямой дороги нет, только объездными путями. Она знала каждый поворот, каждый перекресток, каждую остановку на четырехполосном и двухполосном шоссе, любой тупик и дорожный знак на протяжении трех миль между ее и родительским домом. Могла проехать тут с закрытыми глазами.

Попробовала дозвониться младшей сестре Софии, которая сейчас работает в биологической лаборатории, так что ее мобильный (скорее всего) выключен. Позвонила (еще раз) матери, но ее по-прежнему нет дома. Лорен по сотовому почти всегда недоступна.

Набрала домашний номер Тома, *большого брата*.

Не отвечает. Все телефоны одновременно перешли в режим автоответчика.

Загадочно, жутковато. Похоже на конец света.

Как будто вся семья Маккларен вознеслась на небо, оставив Беверли одну.

Срочные сообщения до Уайти всегда доходят. В течение дня он справляется в офисе, кто ему звонил.

Он обещал уйти на пенсию в семьдесят лет – и вот они уже не за горами. Но никто не верит, что это случится даже в семьдесят пять. Вообще когда-нибудь.

Секрет вашего отца состоит в том, что он находится в постоянном движении.

Джессалин говорила это с восхищением. Сама она была той точкой, вокруг которой вращалась вся семья.

Их красавица-мать с тихим голосом и неиссякаемым оптимизмом.

Беверли взывала к тишине на том конце провода:

– Мама, ты дома? Возьми трубку! Пожалуйста!

Чрезвычайные обстоятельства – как это прикажете понимать?

Почему ей никто не позвонил? Вот Лорен, судя по всему, позвонили.

Тот, кто этого не сделал, вызывал у нее возмущение. Да и Лорен могла бы с ней связаться. Или поручить это своей секретарше.

В детстве Беверли мучилась вопросом: кого из родителей она любила больше? Если бы случилась автомобильная авария, или извержение вулкана, или пожар, то кому следовало бы выжить, чтобы растить дочь?

Мамочке.

Ответ напрашивался сам собой: *мамочке*.

Так ответили бы и другие дети. По крайней мере, в незрелом возрасте.

Они любили маму больше всего. Как и все, кто ее знал. Но им очень важны были уважение и восхищение отца, а заслужить это было не так-то просто.

Мама их любила безоговорочно. А вот папа их любил со множеством оговорок.

Существовал один Маккларен, Уайти, добрый и отзывчивый. Но был и другой, Джон Эрл, который смотрел на тебя, наморщив лоб и прищутив глаза, словно не понимая, кто ты такой и как посмел отвлечь его от важных дел.

Три сестры и два брата боролись за отцовское внимание. Каждое семейное торжество превращалось в своего рода испытание, и избежать его ты не мог, даже если знал, как это сделать.

Уайти словно бросал тебе золотую монетку с улыбочкой, в которой читалось: *Ты же знаешь, дружок, как папа тебя любит*.

– О боже!

Зачем она грузит себя этими мыслями?

Дело не в том, что их отец богат, – это так, приятный сюрприз. Даже если бы у него не было ни гроша за душой или он был весь в долгах, их отношение к Уайти нисколько не изменилось бы, не сомневалась Беверли.

Память нахлынула на нее, как поток грязной воды. Ужин, который она устроила в честь дня рождения Вирджила. Точнее, постаралась устроить, но получила отказ.

Тогда она впервые поняла, что он ее не любит, в его жизни она ничего не значит. Грубый, безразличный. Как же неловко, когда тебе дают от ворот поворот.

Бедная Беверли! Все усилия впустую.

Бедная мама! Дети строили друг другу рожи и валяли дурака у нее под носом.

Красиво украшенный стол – и пустой стул, где должен был сидеть Вирджил.

Как отсутствующий зуб во рту, который язык все время пытается нащупать.

– Я только вчера с ним говорила. Специально ему напомнила, а он...

Мать накрыла ее дрожащую руку своей мягкой убаюкивающей ладонью:

– Это какое-то недопонимание, я уверена. Вирджил никогда бы себе не позволил... ничего такого...

И тут Лорен, как человек, готовый нанести смертельный удар, подалась вперед, опираясь локтями на стол, и с жесткой

улыбочкой произнесла:

– Никогда бы себе не позволил... чего? Ты всегда находишь ему оправдания, мама. Классический потакатель.

– Потакатель... кажется, я понимаю, что ты имеешь в виду.

Но голос Джессалин звучал неуверенно. Как-то не принято, чтобы близкие ее критиковали. Поэтому смысл сказанного до нее не вполне доходил.

– Да! Это тот, кто дает другому карт-бланш на аддиктивное и саморазрушительное поведение. Кто желает ему «только добра» и тем самым провоцирует катастрофу. И такого человека не переубедишь.

Лорен говорила с напором. Ее стихия – указывать на чужие изъяны. Серые глаза цвета цинка блестят. Личико эльфа, лишённое всяких сантиментов: жесткое, маленькое, словно кем-то сжатое.

Когда Лорен открыто выражала свою суть, остальные Маккларены тушевались. Даже Уайти предпочитал не лезть в драку.

София предложила поехать в его хижину. Она готова взять на себя эту миссию.

Лорен откликнулась с негодованием:

– Именно этого он и добивается. Чтобы мы все перед ним прыгали с горящими обручами.

– Ты хотела сказать: «Прыгали через горящие обручи».

– Не придирайся, София. Что действительно ранит ду-

шу, так это подростковая задиристость, которую я наблюдаю каждый день. Ты прекрасно поняла, что я имела в виду и что я права.

Наконец, без особого желания, вмешался Уайти:

– Нет, София. Ты не поедешь за своим братом, а это четырнадцать миль в оба конца. Ты не сторож брату своему. И не будем больше прерывать нашу трапезу. Лорен права: мы не должны поощрять хамство.

Лорен улыбнулась торжествующе. Вроде ты уже в зрелом возрасте, а все равно радуешься, когда твой родитель ставит на место младшую сестру, да еще при всех.

Беверли внутренне тоже порадовалась. Ее позиция! Семья – это поле битвы, где у тебя постоянно меняются союзники и противники.

На другом конце стола (заметила Беверли) Джессалин прижала руку к сердцу. Она попыталась отреагировать на все это храброй улыбкой. Хотя ей, конечно же, было больно, оттого что отец семейства отзывается об одном из детей так нелицеприятно.

Ведь любое недовольство отца общими детьми подразумевает вину матери.

Ну, может, не стопроцентную... Это устаревшие представления.

И все же это так, никуда не денешься. И если стол хоть чуть-чуть накренился, будет брошен укоряющий взгляд в

противоположный конец, и Джессалин придется выставить ладонь в свою защиту.

(Интересно, Беверли тоже испытывает чувство вины, когда Стив жалуется на поведение их детей?)

(И ведь не крикнешь ему: *Это и твои дети! Если с ними что-то не так, половина вины ложится на тебя!*)

– Но папа... а вдруг с Вирджилом действительно что-то случилось? – предположила София.

На что Том, подмигнув ей, заметил:

– С Вирджилом «в действительности» никогда и ничего не случается, если ты не заметила.

Том, названный так в честь старшего брата Уайти, погибшего на войне во Вьетнаме, давно был определен отцом в наследники. Даже в свои тридцать с гаком он оставался задиристым, ершистым, словно подросток, самый смысленный в семье, уж точно самый харизматичный, хорош собой, крепыш, с жесткой ухмылкой. Даже Джессалин побаивалась его сарказма, хотя трудно было припомнить случай, когда бы он себе позволил колкость в адрес кого-либо из родителей.

– Будем есть эти прекрасные блюда, приготовленные Беверли, без Вирджила. Если он появится, мы будем только рады. А нет – так нет. Давайте же начнем.

Уайти говорил ровным голосом, без обычного подъема. Раздрай за столом то ли достал его, то ли просто утомил. Беверли украдкой взглянула на отца.

Видный мужчина, ширококостный, мускулистый, быв-

ший атлет. После шестидесяти пяти он начал съезживаться, и дети не переставали удивляться, что он уже не такой высокий, как раньше, – сто восемьдесят с гаком, и весит за двести фунтов. В расслабленном состоянии его хорошо очерченное привлекательное мальчишеское лицо, крупное и широкое, напоминало старую, несколько изношенную монету медноватого оттенка, словно подогреваемую пульсацией горячей крови. Чудесные глаза: шустрые, живые, настороженные, подозрительные и при этом добродушные, насмешливые, с морщинками в уголках от лукавого прищура. Некогда каштановые волосы превратились в чудо какие белоснежные, став его отличительной чертой. В любой толпе ты сразу выделял Уайти Маккларена.

Но с Уайти не все было так ясно, как многим хотелось думать. Его неподдельное радушие было своего рода маской, не позволявшей разглядеть внутреннюю суровость, а его игривость и проказливость скрывали задумчивую меланхолию, далеко не всегда приятную.

В глубине души он пуританин. Нетерпимый к недостаткам мироустройства. И в частности, ко всей этой болтовне вокруг младшего сына.

Джессалин перехватила его недовольную гримасу, и выражение его лица мгновенно изменилось.

Уайти, дорогой, не хмурься! Я тебя люблю.

Беверли не переставала удивляться этой внутренней связи между родителями.

Пожалуй, она им завидовала. И не она одна.

– Уйти прав, – сказала Джессалин. – Вирджил нормально отнесется к тому, что мы сели ужинать без него.

Они приступили к еде. И все хором ее расхваливали.

Беверли посмеивалась, изображая радость. Или не изображая.

Вот к чему свелась моя жизнь. Надо мной посмеивается родня!

Меня жалеют собственные дети. Я не образец для дочерей!

Но пусть так. Посмеиваться (и жалеть) – это лучше, чем игнорировать.

– Мама? Ау?

Что может быть более обескураживающим, чем войти в незапертый пустой дом?

Беверли еще не раз потом будет вспоминать, как она в тот день вошла в их дом на Олд-Фарм-роуд. *В тот самый день.*

Хотя родительский дом был ей лучше знаком, чем ее собственный, выглядел он нелюдимым и незнакомым, как в искаженном сне.

– Мама? – Ее голос, всегда такой уверенный, сейчас звучал как у испуганной девочки.

Похоже, никого нет. Беверли заглянула на кухню, куда можно было войти через боковую дверь, чем все нередко пользовались.

То, что дверь не заперта, еще не означало, что мать дома. Джессалин, уходя, частенько забывала запереть дверь, что вызывало неудовольствие Уайти... если он об этом узнавал.

– Мама? Папа?

(Если матери нет дома, то и отца, скорее всего, тоже нет. А уж если отец дома, то чтобы матери не было – вообще неслышанно.)

Плохие новости. Чрезвычайные обстоятельства. Но в чем они заключаются?

Из трех дочерей Маккларенов Беверли была самой беспокойной. Самая старшая, никуда не денешься.

Отец ее упрекал:

– Это никому не идет на пользу – вечно рисовать в голове худший из возможных сценариев.

Худший из возможных сценариев. В детстве она толком не понимала, что это значит. С годами выражение приобрело особый вес: Худший из Возможных Сценариев.

В представлении Джессалин дочь воображала себе Худший вариант, чтобы свести его эффект к нулю. Ведь самое страшное мы не можем себе даже представить, не так ли?

У папы случился инсульт, инфаркт. Попал в автокатастрофу.

Мама заболела. Потеряла сознание. Среди чужих людей, не знающих, что она особенная. Ну где же они?

Беверли пошла проверить парадную дверь. Заперта.

В дом Маккларенов есть несколько входов. И почти все

по большей части – на замке.

Дом, «исторический памятник», был построен в 1778 году из плитняка и алебаstra.

Изначально это была ферма. Квадратное двухэтажное каменное строение, куда по окончании службы революционный генерал Форрестер перебрался вместе с семьей и (по рассказам местных жителей) по крайней мере одним рабом.

Мало-помалу «дом Форрестера», как его стали называть, существенно расширился.

К 1850-м к нему добавили два крыла, каждое величиной с сам дом, восемь спален и «классический» фасад с четырьмя величественными белыми колоннами. К тому времени владения раскинулись на сто с лишним акров.

К началу 1900-х деревня Хэммонд превратилась в целый городок, а фермы окружил баржевой канал Эри. К 1929 году большая часть владений Форрестеров была продана и возделана, а местность, ныне известная как Олд-Фарм-роуд, стала наиболее престижным районом Хэммонда, таким отчасти деревенским пригородом.

Маккларены переехали в этот дом в 1972 году, когда только родился Том. Семейные предания сохранили подробности восстановления несколько запущенной собственности – они-то и дошли до будущих детей.

Если верить папе, он своими руками красил потолки и клеил обои, совершая комически-эпические усилия. Высохшая краска оказалась слишком яркой и слепила глаза. Ри-

сунки на цветастых обоях не совпадали, и казалось, что это у тебя не стыкуются полушария мозга.

Мебель выбирала мама. И она же, «можно сказать, в одиночку», разбила цветочные клумбы вокруг дома.

Все дети Маккларенов, выросшие в этом доме, полюбили его и никогда не называли домом Форрестера. Джессалин и Уайти, жившие в нем годами – десятилетиями! – не могли себе представить детей вне этого дома, как и сам дом с другими обитателями.

У Беверли сжималось сердце, стоило ей только себе представить стареющих и болеющих родителей. Но где-то в голове сидела мыслишка, что когда-нибудь она поселится в этом доме и вернет ему изначальное название, повесит над дверью историческую плашку: «ДОМ ФОРРЕСТЕРА».

(Уайти убрал ее как претенциозную и «глупую», когда они сюда въехали. Разве генерал Форрестер не был рабовладельцем, как и его достопочтенный союзник Джордж Вашингтон? Нечем тут гордиться!)

Они со Стивом вступят в хэммондский загородный клуб по соседству, членами которого так и не стали ее родители. Уайти не пожелал тратить деньги, все равно ему не до гольфа, а Джессалин не одобряла правила вступления в клуб – тогда, в семидесятых, туда не принимали евреев, негров, латиноамериканцев и «узкоглазых».

В наши дни представители этих категорий могут стать членами, если кто-то их номинирует и за них проголосуют.

Ну и если они в состоянии себе позволить вступительный взнос и регулярные отчисления. Насколько Беверли известно, сейчас в клубе есть несколько евреев. Считанные афроамериканцы и латиносы. А вот азиаты – да. Половина местных врачей.

Этот дом снился Беверли. Иногда в виде сценической площадки.

Стоп. Плохой знак: газетные страницы разбросаны по всему кухонному столу. В отличие от Уайти, не пропускающего ни одной подробности, Джессалин быстро листала страницы, порой даже не присаживаясь. Обычно новости на первой полосе ее так расстраивали, что пропадало всякое желание погружаться в детали и разглядывать фотографии раненых, убитых и пострадавших в катастрофах где-то за тридевять земель. В любом случае она бы никогда не разбросала газетные страницы, как не оставила бы в мойке грязную посуду. Сейчас же наблюдалось и то и другое.

Видимо, произошло что-то неприятное, или она что-то ВНЕЗАПНО узнала и спешно покинула дом.

Беверли проверила: материнская машина в гараже, а отцовская, само собой, отсутствует.

Из чего следует, что мать уехала на чьей-то машине.

Беверли поискала записку. В детстве она постоянно оставляла им персональные записки, даже если отлучалась ненадолго.

Скоро вернусь!

♥♥♥ *Твоя мама*

Не просто «мама», а «твоя мама».

Сколько Беверли себя помнила, на стене за обеденным столом висела пробковая доска объявлений, украшенная семейными фотками, кадрами с выпускных вечеров, пожелтевшими вырезками из местной газеты. С тех пор как дети выросли и уехали, эта экспозиция менялась все реже.

Беверли семейная доска объявлений была по душе, еще бы, ее так выгодно подавали на семейных снимках и в заголовках школьной стенгазеты: *Чирлидеры выбрали капитана: Бев Маккларен. Королева бала: Бев Маккларен. Самая популярная девушка выпуска 1986 года: Бев Маккларен.*

Как давно это было, с трудом вспоминается. Она испытывала не столько гордость, сколько неприязнь к улыбающейся во весь рот девушке на фотографиях: в розовом, как сахарная вата, шифоновом выпускном платье без бретелек, которое ей до утра приходилось то и дело незаметно подтягивать. Чертов лифчик без бретелек врезался в тело. Лицо гламурное, но чуток приунывшее, после того как отрезали (уже не вспомнить, за какую провинность) часть фотографии со стоящим с ней рядом красавцем и королем бала.

На более поздних фотографиях лицо у нее раздалось, но все еще миловидное... если особенно не приглядываться. Яркая блондинка, какой в юности она никогда не была. (И не хотелось.)

Теперь она уже не рискнет надеть что-то без бретелек. Не станет демонстрировать мясцо под мышками и вокруг коленок. Ее дочери-подростки в ужасе завизжали бы при виде таких излишеств. Может, она бы и вызвала восхищение у мужчин на улице, особенно определенного возраста, но уж точно не у дочек.

В те далекие годы Беверли считалась хорошенькой (а в каких-то кругах даже и сексапильной), Лорен умной, ну а София еще не могла с ними соперничать по молодости лет.

В старших классах Лорен носила короткую мальчишескую стрижку, очки в проволочной оправе и постоянную ухмылочку. Не сказать чтобы некрасивая, но без милоты, однако некоторые парни (Беверли это поражало) находили ее привлекательной, в отличие от старшей сестры (что последнюю сильно озадачивало). Каждая фотокарточка Лорен на доске объявлений год за годом демонстрировала скалящуюся улыбку или улыбчивый оскал; она не менялась, как это ни удивительно. «Мордаха как у питбуля, и характер такой же», – подло выразился Стив. Но Беверли это только рассмешило.

Ну и София. Бледная, но красивая, хрупкая, с вечно озабоченным лицом. Трудно воспринимать всерьез сестру, которая на девять лет младше тебя.

А где Вирджил? Ни одной его фотографии, надо же.

Зато доску объявлений украшал Уайти в разных видах. Семейные фотки, публичные. Вот папа замер над именин-

ным тортом с зажженными свечами, в окружении детей. А вот осанистый Джон Эрл Маккларен, мэр Хэммонда, в черном галстуке, празднует годовщину открытия шлюзов на канале, стоя на барже вместе с политиками местного и федерального значения.

Дурачащийся, смешной папка и рядом строгий Джон Эрл Маккларен, пожимающий руку Марио Куомо, губернатору штата Нью-Йорк, на сцене, украшенной гигантскими гладиолусами, похожими на торчащие грозные шпаги.

А где тут Джессалин?

Бeverли оторопела: ни одной фотографии, только на групповых снимках, где она кажется периферийной фигуркой. Беверли с младенцем... Том с сидящим у него на плечах малышом... и Джессалин, глядящая на них с улыбкой счастливой бабушки.

И только на фотографиях двадцатилетней давности и больше.

– Нынешней мамы как будто не существует.

До сих пор Джессалин была безупречной женой и матерью. Невидимкой. Счастлива жить для других, а сама словно и не существует.

Муж ее боготворил. Детей ввергало в смущение то, как отец целует матери руку, как обнимает ее и зарывается носом в ее шею, вроде такая игра. А с какой нежностью они приветствовали друг друга! Пожилые, и так нехорошо себя ведут...

Уайти, как и дети, принимал Джессалин со всеми потрохами. Они даже не задумывались. Это данность.

Они пытались убедить мать тратить деньги на себя, а не только на подарки другим людям.

– А что я м-могу себе купить? – заикаясь, вопрошала она.

– Одежду, новую машину.

– Но у меня столько одежды, включая меховые шубы, до конца дней не сносить, – протестовала она. – И машина у меня еще совсем новая.

– Мам, ну что за глупости ты говоришь. Какая же она новая?

– За этим, как вы знаете, следит ваш отец. Машина мне нужна, чтобы проехать несколько миль и вернуться домой. Я же не лягушка-путешественница.

Лягушка-путешественница. Все посмеялись. Иногда Джессалин умела их развеселить.

– И зачем мне новые тряпки? У меня прекрасная одежда. Ваш отец настоял на том, чтобы подарить мне норковую шубу, которую я не ношу. У меня дорожные сапожки – и куда их носить? В Хэммонде? А сколько ненужной обуви! Что поделаешь, я такая, какая есть.

Но они ведь не над ней смеялись, а просто смеялись – ласково, как бы ее защищая.

Все домашние расходы лежали на плечах Уайти. Несколько лет назад он настоял на роскошной реновации кухни, хотя Джессалин сопротивлялась: гранитные рабочие столики,

испанский плитняк на полу, утопленное освещение, плита из нержавеющей стали – настоящее произведение искусства, новый холодильник, новая раковина. Получилось как на картинке в глянцевоm журнале и за большие деньги.

– Это для нас? Для *меня*? Я т-та еще повариха... – Джессалин от смущения начала заикаться.

Уйти отвечал за все: состояние крыши и труб, подъездная дорожка, уборка снега, стрижка газона, подрезка кустов и старых деревьев. «Излишние траты» в понимании Джессалин распространялись на покупку цветов для ее сада, на музыку ветра для террасы и на «самый лучший» птичий корм, включая темные зерна подсолнуха, помимо обычных кукурузных зерен, для привлечения редких птиц вроде красных кардиналов.

Уйти нередко говорил с протестующим видом: *Мы, прямо скажем, люди небогатые.*

Это стало популярной шуткой не только в семье, но и в узком кругу. Да уж.

С выражением лица Граучо Маркса. *Мы люди небогатые!*

А на самом деле? Соседи полагали, что Маккларены не беднее других жителей Олд-Фарм-роуд, поскольку фирма «Маккларены инкорпорейтед» – «прибыльная». А для подрастающих детей это была такая же деликатная тема, как сексуальная жизнь родителей, и они предпочитали это не обсуждать.

Беверли вздрагивала от одной мысли. Нет!

Но было известно, что Уайти, еще будучи молодым человеком, возглавил семейный бизнес Маккларенов, коммерческое издательство на тот момент в упадке, и за десять лет сумел увеличить компанию вдвое, втрое, вчетверо и ее прибыль, отказавшись печатать допотопную малотиражную ерунду (меню, календари, объявления местных предпринимателей, материалы для Совета по образованию) и начать специализироваться на ярких брошюрах для профессиональных учебных заведений, бизнеса, фармацевтических компаний. Сам далекий от «хай-тека» (всего, что связано с компьютерами), Уайти расчетливо нанял молодых айтишников и специалистов по цифровым публикациям. Он запустил линейку школьных учебников и книг для подростков с христианским уклоном, которые неожиданно стали пользоваться успехом.

Старшего сына Тома отец (негласно) назначил руководить типографией еще до того, как тот окончил Университет Колгейт с ученой степенью «бизнес-администратор». Именно Том начал выпускать серию «Сёрчлайт букс» со штаб-квартирой в Рочестере.

– Как идет бизнес, Том? – могла спросить Лорен сквозь зубы. И получала ответ с лицемерной улыбкой: *Спроси у папы.*

Но спрашивать у папы не полагалось.

Уайти вкладывался в недвижимость и в торговые комплексы, процветавшие на месте захиревших центров индустрии.

стриальных городов (Буффало, Порт-Орискани). И хотя он принципиально не верил в разные пилюли и таблетки, которые (в этом он не сомневался) не лучше, чем плацебо, Уайти купил акции фармацевтических компаний и выпускал их яркие брошюры.

Другие инвесторы в последние годы теряли деньги во время потрясений на Уолл-стрит, а Уайти Маккларен процветал.

Но он не хвастался. Уайти никогда не говорил о деньгах.

А дети гнали от себя мысли о родительских завещаниях. Даже не знали, составлены ли они.

– Алло? Стив... – После нескольких неудачных попыток Беверли удалось дозвониться до мужа в банке Чатоквы. Не давая ему вклиниться, она с горячностью стала рассказывать, что родителей нет дома и непонятно, где они, что Вирджил приезжал на велосипеде, но она не успела выяснить, не случилось ли чего...

– Бев, сейчас не самое подходящее время. Я иду на важное совещание...

– Подожди... это тоже важно. Кажется, что-то случилось. Все куда-то разом пропали.

– Перезвони мне через пару часов, о'кей? Или я тебе позвоню.

Стив был старшим кредитным инспектором и очень серьезно относился к своей работе или, по крайней мере, создавал такое впечатление для домашних.

– Постой. Я же говорю, все куда-то пропали.

– Скорее всего, ничего особенного. Позднее все выяснится. До вечера.

В духе Стива. Ему звонит переполошенная жена, а он отвечает с небрежностью школьного тренера. Ты глотаешь слезы, а он протягивает тебе жвачку.

Ненавижу! На него ни в чем нельзя положиться.

Раз за разом Стив от нее отмахивался, как от надоедливового комара. Без гнева и даже без раздражения... просто комар.

Бeverли постоянно намекала Лорен на то, как хорошо быть замужем. *Иметь семью.* Не дай бог ее ехидной младшей сестре узнать, насколько Стив не уважает свою супругу.

Они женаты семнадцать лет. Иногда она себя спрашивала: может, уже хватит?

Неблагодарный муж вспомнит о ней, если останется без ужина. Вся дорогая семейка тогда о ней вспомнит.

Она обходила все комнаты. *Мама?*

В кухне никакой еды. Как такое может быть?

Бeverли решила сделать второй заход, позвонить Лорен. Но по рабочему бесполезно, трубку возьмет секретарша, поэтому она попробовала на мобильный. Обычно тоже пустой номер, но в этот раз, как ни странно, сестра тотчас отозвалась:

– Алё? А, это ты, Бев...

Озабоченная, рассеянная. Сидит в городской клинике, где

папу срочно оперируют после удара.

Первая реакция – удивление. Лорен ответила на звонок, редчайший случай.

Но что она говорит? *Какой такой «удар»?*

Беверли нащупала стул. Ее кошмар сбывается.

Предвосхищая плохие новости, она попыталась их отдалить. Как часто она прибегала к этому испытанному суеверному трюку. Несчастье с отцом, с матерью, с обоими. *Чрезвычайные обстоятельства.* Она старалась не верить в вероятность Самого Плохого Сценария.

– Беверли, успокойся. Он не умер.

– Господи! Лорен...

– Говорю же тебе, успокойся. Хватит завывать! Папа уже час в хирургии. У него случился удар на автостраде, но он, слава богу, успел съехать на обочину. Где его увидел полицейский патруль и вызвал «скорую». Они спасли ему жизнь.

Беверли пыталась постичь смысл, но ее всю трясло, и она с трудом воспринимала речь сестры.

Но кое-что она четко услышала:

– Здесь собрались все, кроме тебя. Хотя ты живешь ближе всех к клинике.

И еще:

– Я пыталась до тебя дозвониться, но телефон не работал.

Ее обвиняют? О каком телефоне идет речь? Беверли попробовала протестовать, но сестра ее перебила:

– Хорошо, что мимо проезжала полиция. И слава богу, что

папа успел припарковаться на обочине, прежде чем потерять сознание.

– Но он... он поправится?

– *Он поправится?* – Лорен вдруг взвилась. – Как ты можешь задавать такие идиотские вопросы? Я тебе что, предсказательница? Ну, Беверли! – После паузы она заговорила уже спокойным тоном, как будто кто-то рядом (Джессалин?) ее попрекнул. – Ему сделали МРТ. Инфаркт вроде бы не обширный, и это хороший знак. Папа, можно сказать, уже сам дышит.

Можно сказать, уже сам дышит. Это как понимать?

– Я... я... я в шоке...

У Беверли закружилась голова. Только не упасть в обморок!

– Мы все в шоке, Бев. Или ты у нас особенная?

Как же она ненавидела высоколобую среднюю сестру. Всегда такая уверенная в себе, самодовольная, этакая начальница. Не звонила она ей ни по какому телефону, можно не сомневаться.

– Мама рядом? Я хочу поговорить с мамой.

– Ладно. Только не расстраивай ее своими истериками, пожалуйста.

Да пошла ты. Ненавижу. Беверли была готова утешить мать (которая наверняка трясется от страха), а в результате та стала утешать ее.

– Беверли! Как хорошо, что ты позвонила. Мы уже волно-

вались, куда ты пропала. Вирджил пытался с тобой связаться. Есть хорошие новости... я хочу сказать, врачи настроены оптимистично. Уайти получает всю необходимую помощь. Его хороший друг, главврач Мортон Каплан, распорядился, чтобы ему сразу сделали МРТ и прооперировали. Все так быстро. Мы с Лорен только успели приехать. Нас заверили, что им занимаются лучший нейрохирург и лучший невролог...

Джессалин говорила замедленно, с осторожностью канатоходца, боящегося глянуть вниз. Беверли мысленно увидела обескураженную мать, выдавливающую из себя подобие улыбки. Это в стиле Джессалин Маккларен – успокаивать других, что все хорошо.

Она произнесла «Мортон Каплан» так, словно каждый слог волшебным образом свидетельствовал о связях Уайти Маккларена с медицинской элитой... в подобных обстоятельствах сам Уайти говорил бы точно так же.

– Сегодня медицина творит чудеса. Уайти доставили в неотложку, сразу сделали скрин головного мозга и обнаружили лопнувший сосуд, который хирург обещал привести в порядок... Ой, извини. Лорен тут меня поправляет: не скрин, а *скан*. *Скан головного мозга*.

Беверли передернуло от одной мысли о нейрохирургической операции. Отцу вскрыли черепную коробку, обнажили мозг...

– Мама, тебе нужно что-нибудь из дому? Какая-то одеж-

да?

– Беверли, приезжай сама! И молись за отца! Он, когда отойдет от наркоза, захочет увидеть всю семью. Он вас всех очень любит...

Молись за отца. Странно слышать такое от Джессалин.

Лорен забрала телефон у матери, чей голос задрожал, и принялась перечислять:

– Захвати для отца нижнее белье, зубную щетку с пастой, расческу, туалетные принадлежности, а маме – свитер и шерстяную кофту ручной вязки... она выскочила из дому легко одетая, когда я за ней приехала.

В голосе Лорен звучал упрек. Так она разговаривала со своими подчиненными в школе.

Беверли спешно покидала все в маленький чемодан в родительской спальне. Руки дрожат. Глаза на мокром месте. *Господи, помоги отцу. Сделай так, чтобы операция прошла успешно.* Вообще-то, в аварийных ситуациях она чаще обходилась без Бога.

Кто знает, как долго Уайти пробудет в больнице! Неделю? Даже если удар несильный, ему (вероятно) потребуются терапия, реабилитация. Пожалуй, стоит захватить его (фланелевую) пижаму. Он будет категорически против больничной одежды и потребует только свою. Бедный Уайти, как же он не любит казаться слабым.

Джессалин будет настаивать на том, чтобы оставаться рядом с ним как можно дольше, и Беверли планировала нахо-

даться при ней.

Господи, прошу Тебя!

Она быстро покинула дом. Но, уже подойдя к машине, вспомнила, что кухонная дверь не заперта, и вернулась исправлять ошибку.

А еще зажгла свет на первом этаже. В двух комнатах. Должно выглядеть так, что в доме кто-то есть. Что он не пустой, этот прекрасный старый каменный дом Форрестера с покатой шиферной крышей, стоящий в глубине от дороги, по адресу: Олд-Фарм-роуд, 99, и посторонним вход воспрещен.

– Дедушка заболел. Мы с ним в больнице.

– Ой, – произнесла девочка голосом тонким, как шпилька. Обычный ее сарказм сразу куда-то улетучился.

– Мы не знаем, насколько это серьезно. И когда он вернется домой, неизвестно.

Брианна позвонила матери на мобильный с раздражением, ее терпение лопнуло. Она прождала сорок минут у подруги, когда же ее заберут домой, а Беверли (как такое возможно?) просто забыла про дочь.

– Прости, милая. Это ЧП. Разморозь себе еду на ужин. Хорошо?

– Ох, мама. Ну дела.

Беверли уже забыла, когда в последний раз ее дочери-подростки говорили с ней так серьезно, с уважением. Ее захлестнула туманящая голову волна облегчения.

Ей захотелось обнять Брианну. Люблю тебя!

Любовь распространяется даже на проказниц. На них в первую очередь, потому что если кто и прижмет их к сердцу, то только родная мать.

Вскоре мобильник Беверли снова зазвонил, и она вышла из отделения интенсивной терапии, чтобы поговорить в коридоре.

Снова Брианна. Озабоченным голосом спрашивает:

– Нам проведать дедушку?

– Наверно, милая. Но не сейчас.

– У него инфаркт, да?

– Нет. Инсульт.

– Инсульт. – Голос опять тоненький, испуганный.

– Ты знаешь, что такое инсульт?

– Д-да. Не совсем...

– Дедушке сделали операцию на мозге. Он пока без сознания.

– А насколько это серьезно?

– Насколько серьезно? Мы не знаем, милая. Мы ждем вердикта врачей.

Очень серьезно. Кровоизлияние в мозг.

Не очень серьезно. Дедушка «приходит в себя».

– А бабушка Джесс в порядке?

– Бабушка Джесс в порядке.

Беверли заговорила утешающим материнским голосом:

– Ты же знаешь дедушку, он никогда не жалуется на здо-

ровье. И уж точно не захочет, чтобы его держали прикованным к дурацкой больничной койке. Он предпочтет поскорее вернуться домой.

Она это выпалила на одном дыхании. И приготовилась услышать ответ: *Мама, ну что ты несешь пургу? По-твоему, я ребенок, которому можно вешать на уши всякую лапшу?*

Но вместо этого Брианна смело выпалила:

– Скажи дедушке, что мы его любим. Пусть поскорее поправляется и приезжает домой.

Беверли как будто увидела поблескивающие слезы в глазах девочки. *Все-таки я мать!*

Прошло семь часов и сорок минут, прежде чем Беверли вернулась домой к своему тверезому, судя по лицу, мужу и дочкам-подросткам, которые дожидались ее за полночь.

Уйти после операции поместили в отделение интенсивной терапии, живого, но (все еще) в бессознательном состоянии. Прогноз «умеренно оптимистичный», состояние «критическое, но стабилизировалось».

Как он выглядит? На себя не похож.

То есть узнать его, конечно, можно. Но Уйти себя (вероятно) не узнал бы.

Весь в синяках, изрядно потрепанный. На лице и на шее как будто ожоги. Он (по свидетельству полицейских) врезался на «тойоте-хайлендер» в отбойник, и подушка безопасности оставила следы ожогов.

Жив. Папа жив!

Мы его так любим.

Сначала Беверли и компания, все пятеро детей, проводили мать до дому – семья должна быть вместе. Она уже падала от усталости, но при этом мозг оставался ясным, ярко освещенным, словно его промыли, превратив в инструмент устрашающей определенности.

Она отчаянно нуждалась в отце. Они все, но она особенно.

Без Уайти, этого надежного якоря, во что превратится ее жизнь? Он был якорем, на котором стоял и ее брак. Стив нахваливал и побаивался своего тестя. Без Уайти, без поддержки и одобрения обоих родителей семья Беверли, включая любимых детей, казалась ей (страшно подумать) *недостойной*.

Ой, что она несет! Это все от усталости и страха.

Она снова умоляла Бога: *Сохрани жизнь отцу. Ну пожалуйста!*

На следующее утро, в 6:30, второпях покидая дом, Беверли заметила валяющуюся рядом с гаражом записку. О боже, от Вирджила.

Видимо, прикрепил к двери, а ее отнесло ветром.

ПАПА В ГОРОДСКОЙ БОЛЬНИЦЕ

КАЖЕТСЯ, ЭТО УДАР

ПОЧЕМУ ТЫ ОТ МЕНЯ ПРЯЧЕШЬСЯ, БЕВЕРЛИ?

С ОТЧАЯНИЕМ И НАДЕЖДОЙ

ТВОЙ БРАТ ВИРДЖИЛ

Еще живой

Эй! Я вам все объясню.

Но как Уайти объяснит?

Горло горит. Голос пропал. Ничего не видит. Глаза как будто забиты золой.

А дыхание? Он вообще дышит?

Кто-то дышит за него. Похоже на насильственное кормление. Такие звуки, словно в легкие загоняют воздух жуткие кузнечные мехи.

Что-то произошло...

...удар молнии.

Смутно помнит, как его автомобиль, дергаясь и подпрыгивая, съезжает с хайвея на обочину. Выбоины из тех, которые осознаёшь, когда уже проколота шина, только ты этого пока не видишь, воздух с шипением медленно выходит, и через какое-то время (довольно скоро) тебе придется менять (недешевую) покрышку.

Старается припомнить, что заставило его остановиться. Съехал с хайвея на большой скорости. А что было дальше?

От напряжения покалывает в мозгу.

(Но почему что-то непременно должно было произойти? Может, он теперь... *такой?*)

(Он всегда любил порассуждать «от противного», если была такая возможность. Еще подростком. В школе учителя-

ля, глядя на Джонни Маккларена, с улыбкой покачивали головами. Уйти на протяжении всей жизни выслушивал комплименты: ты прям как адвокат. Хотя он не был таковым.)

Последнее воспоминание: лицо на расстоянии, словно увиденное в перевернутый телескоп.

Смуглое лицо. Темная кожа.

Незнакомец. Как показалось.

(Или даже не один?.. *лица.*)

Способность узнавать лица дана нам с младенчества. Он об этом читал. При виде знакомого лица наши нейроны «выстреливают».

Ведь от этого может зависеть наша жизнь. Да, точно зависит.

А в конце – тоже?

В конце чего?

Вспомнил. Про это он прочел в журнале «Сайентифик американ» классе в восьмом. «Устойчивая Вселенная».

Звучало успокаивающе. Не надо озабочиваться тем, какой ты был до и будешь после. Вселенная просто *есть*.

В этом было больше смысла, чем в концепции мира, который Бог сотворил за несколько дней, как фокусник на сцене, извлекающий из шляпы то одно, то другое. Даже будучи подростком, он не воспринимал это всерьез.

А потом (как правильно сказать?) появилась теория Большого взрыва.

То есть Вселенная не является чем-то «устойчивым», в

«определенном состоянии» – нет, она вырвалась из ничего раньше, чем начался отсчет времени, и даже спустя миллиарды лет продолжает расширяться. Будут ли эти компоненты отрываться и дальше от центра мироздания и друг от друга бесконечно долго или только до поры до времени?

Нет, это не теория, а доказанный факт. Телескоп «Хаббл».

Джессалин смеялась и затыкала уши. *Ох, Уайти. У меня от этих мыслей кружится голова.*

От каких мыслей?

О вечности.

Уайти удивился. Вот уж не ожидал, что его молодая жена может вслух произнести это слово и лицо ее примет мучительно серьезное выражение.

Он и не думал, что они рассуждают о вечности.

Просто пересказывал ей газетную статью. Типичный Уайти Маккларен. Любая безумная идея должна прокрутиться в его мозгу и высечь некую искру.

Типичная Джессалин, его молодая жена. Любая, даже невзначай брошенная фраза в ее глазах обретает значение, силу притяжения.

С другими девушками он мог пошутить. А они посмеяться.

Но только не с Джессалин Сьюэлл.

У него вдруг вырвалось: *Слушай, может, нам пожениться?* Другая бы посмеялась – не иначе как шутит, а Джессалин подняла на него свои чудесные глаза: *Да. Я согласна.*

Взгляд, поразивший его в самое сердце, и это не фигура речи. Он почувствовал укол, и всякие сомнения сами собой отпали.

И ведь он знал (не так ли), с самого начала. В его жизни есть только Джессалин Сьюэлл, которая может сделать его, Джона Эрла Маккларена, лучше, чем он есть, а не (просто) принять как данность, которая полюбит его глубинную, пока еще не реализованную суть. Ее сила притяжения не позволит его гелиевой душе вознестись к облакам и пропасть из виду.

Проблемы с речью, так странно, ведь у него хорошо подвешен язык. Он никогда за словом в карман не лез, даже в детстве. *Ох уж этот Уайти! Разговорит кого угодно, даже совершенно незнакомого человека.*

Увы, не сейчас. Горечь обиды, словно его щелкнули по носу.

Или получил удар под дых.

От тех, кому он не понравился. Кого не сумел обаять. Постарел.

И продрог.

Зубы стучат. Даже кости, кажется, стучат. Такие звуки издают длинноногие и длинноклювые цапли. Озноб по спине.

Кто-то безголовый (сиделка?) оставил здесь окно открытым.

А здесь — это где?

Гуляет ветер. Капли дождя брызжут как слезы.

С койки, к которой его приковали какие-то негодяи, из-за

респиратора, загнанного ему в горло, он не может дотянуться и закрыть окно.

Он поймал взглядом жену. Молодую жену с лицом, светящимся изнутри.

Его дорогая жена. Как же ее звать?

Жена – слово исходит изо рта в виде невнятного мычания.

Артикулировать невозможно. Пытается выплюнуть слова-репейники, забившие гортань.

Говори. Уже забыл как.

Пытается дотянуться до ее руки... никак.

Дорогая... люблю...

Гуляет ветер, ничего не слышно.

Проще всего сдать! Вот оно, искушение.

Навалилась усталость, отяжелели ноги.

Но Уайти Маккларен не привык сдаваться. Нет, он не сдастся.

Он никогда не был хорошим пловцом, а тут еще эта тяжесть в ногах. Но он пытается плыть.

Приходится бороться с бурунами. С сильным течением. С холодом.

Кое-как держится на поверхности. Из последних сил держит голову над водой. Один вдох за раз.

Плавание не его вид спорта. Не то телосложение, чтобы скользить по воде. Слишком погружен в себя. Все анализирует, ничего хорошего.

Американский футбол, это – да. Пробежки, стычки, ку-

ча-мала... *Блокировка* – вот его любимое слово.

Запахи пота, своего и чужого. Запахи земли и травы.

А пловцы пахнут хлоркой, и они слишком чистенькие. Тот еще запашок!

Не дай бог кого-то коснуться или задеть. Фу! Гладкие, как кожа ящерицы.

Бассейн весь пропитан тошнотворными запахами химикатов, антисептика.

Никаких микробов. Никаких бактерий.

Что говорит его ученая дочь? *Жизнь – это бактерии, папа.*

Как же быстро дети растут! Не успел обернуться, как Том уже покинул город. А Беверли забеременела. Вот кто заслужил подзатыльник. Нет, нехорошо так думать.

Уайти, возьми себя в руки.

Нельзя ее ревновать к родному зятю.

И вон уже сколько внуков! Поди запомни все имена. Проскальзывают между пальцев, как струйки воды.

Да, жизнь – борьба. Тот, кто скажет вам, что это не так, элементарно соврет.

Какие усилия, чтобы просто *дышать*...

Елозит, барахтается. Пытается освободиться и задышать нормально. Ему кричат в лицо, бьют его ногами в тяжелых ботинках. Двое.

Это в самом деле происходит? Не мерещится?

Удар тока. То ли наступил, то ли упал на оголенный про-

вод...

Лицо. Горло. Весь в огне.

Он уже *мертв?*

Глупости. Это невозможно.

Бурный поток, пронизывающий ветер. Отчаянно выбрасывает руки, ноги. Плечи, еще недавно такие сильные, не выдерживают нагрузки. Руки-лопасти пока держат его на плаву.

Не сдамся. Не утону. Люблю...

Всех вас люблю. О боже.

Рукопожатие

Час поздний, она очень устала.

Я тебя люблю, дорогой. У нас тут все в порядке.

Несколько раз повторила его имя, полагая, что он ее услышит, даже если не способен ответить.

Ее губы шевелятся почти беззвучно.

Но она не сомневается, что дорогой муж ее слышит.

Что он осознает ее присутствие.

Он выглядит таким старым! Бедный Уайти, он гордился своей молоджавостью начиная (по крайней мере) с пятидесяти лет. А сейчас ему шестьдесят семь.

Его красивое лицо стало почти неузнаваемым. Кожа напоминает мятый пергамент. Порезы и гематомы от удара о руль или выбитое ветровое стекло в результате столкновения с отбойником.

И еще insult перед аварией. Или после?

Кажется, ей про это что-то говорили. Наверно, запомняла.

Полицейские вызвали «скорую». Спасли ему жизнь.

На месте аварии не было ни одного свидетеля.

В интенсивной терапии сказали, что на лице, горле и руках пациента видны следы ожогов. Обожженная одежда.

Есть предположения, что взорвалась подушка безопасности. Оттуда могла брызнуть кислота. Такое иногда случается.

Травмы от подушки безопасности бывают значительными. Людям тонкокостным, хрупкого телосложения, детям и пожилым лучше не садиться на переднее кресло рядом с водителем. Взорвавшаяся подушка способна убить.

Дорогой, ты меня слышишь? Ты поправишься...

Она склонилась над ним, боится дышать. Все ее силы направлены на то, чтобы удержать мужа.

Держит его за правую руку, всю в синяках. Без ответного рукопожатия.

Впервые такое на ее памяти. Впервые за пятьдесят лет Уайти не сжимает ее ладонку своей большой и сильной теплой пятерней.

Если бы он понимал ее состояние, он бы ее успокоил. Защитил. *Моя главная задача на земле, Джесс, – это забота о тебе.*

Шутит, но лицо серьезное. Каждое второе слово сдобрено иронией и одновременно имеет серьезный подтекст. Такой человек кого угодно собьет с толку.

Еще живой. Все еще живой.

Последствия удара ей пока непонятны. Чем это ему грозит.

Какие участки мозга затронуты.

Она услышала слово «стабилизировалось». Оно точно было произнесено, а не ею придумано.

После хирургической операции на (лопнувших) кровеносных сосудах. Шунт для откачки жидкости. Вставили ка-

тетер через отверстие в черепной коробке. Второй катетер, подкожный, тянется из нижней части живота и тоже отсасывает жидкость. Шунт в мозге спасает жизнь.

Торгуется с Всевышним. *Господи, сохрани ему жизнь. Мы все его так любим.*

Она зябнет. Одна из дочерей накинула ей на плечи свитер, но он постоянно сползает.

От лица отлила кровь. Губы холодные и онемевшие, как у покойницы.

Держит его за руку. Не отпустит. Как бы ни устала, как бы ни слипались глаза. Поскольку (она уверена) его рука ощущает ее руку, пусть даже пальцы вялые и пугающе ледяные.

Если выпустит, его рука безжизненно упадет на край кровати.

Холодное рукопожатие. Как это не похоже на Уайти Мак-кларена.

Вместо того чтобы стиснуть ее руку и прижать к своей груди защитным жестом, отчего она, потеряв равновесие, неловко подастся вперед.

Но нет. Рука все такая же беспомощная.

Уже сколько часов она сидит рядом с этой высокой кроватью, обставленной всякой медицинской техникой.

Все эти часы спрессовались в один, как растущий снежный ком.

Чем здоровее ком, тем больше поверхность. Чем больше поверхность, тем стремительнее ком обрастает снегом.

Здесь не так тихо, как должно бы. Все-таки интенсивная терапия.

Пусть поспит, отдохнет. Он обессилен.

Он снова придет в себя. Когда отлежится.

Кто-то ей это сказал. Она слушала вполуха, хотелось верить. Успокаивает то, что каждая нянечка, каждый врач с ней очень добры.

Нянечки особенно. Она запомнит их имена – Рода, Ли Энн, Кэти – и отблагодарит их, когда это бдение закончится.

Она навестила немало родственников и друзей в больнице за свою жизнь. Шестьдесят один год как-никак. Она была свидетельницей смерти, в основном умирали люди старые и немощные. Но о ее муже этого не скажешь.

Шестьдесят семь, еще не старый. И немощным его не назовешь!

Уайти не был в больнице десятилетиями. Хвалился этим. В тридцать удалили аппендицит; один раз попал, сломав кисть после падения, – оступился с тяжелым чемоданом на лестнице. В больницу лучше не попадать, как любит шутить Уайти. Там высокая смертность.

Его шуточки обычно встречают нервным смехом.

Это воспоминание вызывает у нее улыбку. Которой она сама удивляется.

Что-то сползает с плеч. Одна из дочерей ловит толстый шерстяной свитер, не давая ему упасть на пол.

Мамочка, ты устала. Не мучай себя. От этого ни папе,

ни нам нисколько не легче.

Я отвезу тебя домой. А утром вернемся.

С папой все будет хорошо. Ты же слышала, что сказал врач. Он в стабильном состоянии.

В голову приходит мысль: если они умрут в один час, может, это и нехорошо, но все же лучше, чем если один из них умрет раньше другого.

Страшно подумать, что будет, если Уайти умрет. Как она выдержит остаток жизни без него?

Еще хуже, если она умрет раньше и несчастный Уайти будет горевать...

Он часто утыкался лицом в ее горло. Обхватывал ее влажными теплыми ручищами. И неуклюже повторял, искренне, уже без всяких шуток: *Как же я тебя люблю.*

Она обращается к детям: может, они проживут у нее, пока папа в больнице? Уайти будет только рад, когда вернется домой.

Давай завтра. Или послезавтра. С учетом того, что его состояние стабильное.

Дочки уже такие взрослые. Беверли, Лорен. Только Софию в ее двадцать с хвостиком еще можно назвать «девочкой»...

(Она волновалась за Софию, которая все никак не созреет, как ее старшие сестры. В ней была прямота школьницы, какая-то вызывающая наивность, беспокоившая мать и раздражавшая [судя по всему] старших сестер.)

(Сколько же Софии лет? Она пыталась вспомнить, когда та окончила Корнеллский университет, куда перевелась из Хобарта-Смита.)

(В голове жуткая путаница... какой сейчас год, какой месяц... дети так быстро выросли, и вот уже они, как лихие саночники, летят с горы сквозь ослепительные белоснежные завихрения собственной конечной жизни!)

Она заставляет себя улыбаться. Медсестрам, дочерям с напряженными лицами, дорогому мужу, чей опухший, растянутый рот не способен улыбнуться в ответ.

(А где Том? Он же был здесь раньше. Где Вирджил?)

(Хотя Вирджил на одном месте долго не засиживается. Как говорит София о своем младшем брате? *Дефицит внимания, душевный штопор.*)

Неудивительно, что мальчиков нет рядом. Может, где-то в больнице, но не здесь.

Оба сына Уайти не на шутку перепуганы. Их отец, совершенно беспомощный, какой-то скрюченный, лежит на высокой больничной койке, обставленный постоянно попискивающими аппаратами, в палате с сильным запахом дезинфекции, лицо как будто обожженное, побитое, распухшее, глаза полуоткрытые, невидящие. Страшное слово: *удар*. И не менее страшные: *интенсивная терапия, респиратор*. У Тома глаза помутнели, как от боли, а у Вирджила сузились, словно ему в лицо бил яркий свет.

От материнского взгляда не укрылось, что они сглатыва-

ют, чтобы сдерживать слезы.

Шок для (выросших, взрослых) детей – видеть родителя в таком жалком состоянии.

Как их от этого оградить? Она часто подумывала, можно ли скрыть от детей свою смертельную болезнь. Сделать так, чтобы они ничего не видели, ничего не знали, пока все не закончится – *fait accompli*¹.

Ее родная мать отослала детей, когда счет пошел на дни. Гордыня, отчаяние. *Не желаю, чтобы вы меня видели в таком состоянии.*

Но Джон Эрл-то не смертельно болен. Повреждения лица (кажется) никак не связаны с инсультом и вообще (кажется) не такие уж серьезные.

Припухлости на лице, горле, руках свирепо краснеют. Как будто его поклевала какая-то птица. Хорошо поклевала.

Могла бы задуматься, чем вызваны столь необычные следы. Но в ее нынешнем рассеянном состоянии она способна только на безотчетные улыбки.

Улыбки как проявление воли. Как акт мужества, при всем отчаянии.

Она слегка сжимает его руку – так подбадривают ребенка. *Дорогой, мы все здесь... почти все. И останемся с тобой, пока нас не прогонят.*

(А что, могут прогнать? Когда закончится дневная смена? Как-никак отделение интенсивной терапии.)

¹ Свершившийся факт (*лат.*).

Случайная переключка.

Вчера она подняла такую тему с мужем.

Ну, «тема» – это громко сказано.

Уайти (как всегда) отреагировал гримасой. Устроил (комическое) представление у кофейной машины. Сделал вид, что ничего не слышит.

Они остались вдвоем в огромном доме, который некогда был центром... всего! В любой момент где-то рядом носилась ватага. Пятеро детей, и у каждого еще куча дружков-подружек. (Хотя это требует уточнения. К тому времени, когда у Вирджила завелись дружки, взрослый Том уже перестал приводить домой своих приятелей, не говоря уже о подружках.) Сколько собиралось за ужином? Столько! Уайти изобразил на лице ужас, но (на самом деле) ему нравилось, что в доме кипит жизнь.

Казалось, так будет всегда. Звонили родители одноклассников, потерявшие своих детей, а они в это время развлекались в огромном доме на Олд-Фарм-роуд.

И куда все исчезло? Дети, шумная жизнь?

Последней съехала София, у которой было всего две или три близкие подруги. Вирджил, вращавшийся в кругу самых разных и весьма чудных приятелей, то приезжал, то уезжал, так что он не в счет. Словом, убыль и потери происходили постепенно, не сразу.

Почему же она утирает слезы? Только пугает сидящих ря-

дом дочерей!

В конце концов, после всего переполоха и многочасовой операции, Уайти *жив*.

Хорошо бы дети жили далеко, приезжали в гости с внуками и хоть какое-то время пожили с родителями.

Ведь когда дети живут где-то рядом, они не остаются с ночевкой, это факт. Заезжают ненадолго. Поужинать. На пару часов.

И уезжают домой. Их дом не здесь.

Все это она пыталась объяснить Уайти. Так печально, так страшно, их общий дом утекает сквозь пальцы как вода.

(Шутка ли? Она стискивает безвольные холодные пальцы мужа, пытается вернуть их к жизни.)

Какая все-таки необычная пара. Джессалин, тихоня, и Уайти... этим уже все сказано.

Когда они одни, Джессалин нередко обращается к мужу со всей прямоотой и убедительностью. Постороннему человеку в это трудно поверить, но она тихим голосом объясняет супругу, что ему следовало бы пересмотреть импульсивно принятое решение. Звучит это примерно так: *Дорогой, пожалуйста, послушай меня. Мне кажется, было бы правильно...*

И он с ней не спорит. Никогда не говорит «нет». Притом что Уайти Маккларен бывает резким и пренебрежительным с другими, собственную жену за пятьдесят лет он ни разу не окоротил.

Ему даже нравится, когда она его поправляет. Принижает, ставит на место. Дорогая супруга доказывает, что он был не прав.

Ну что ж. Если ты так считаешь... наверно, ты права.

Ты моя лучшая половина, говорит он ей. Мой светлый ангел.

Во всем мире она была и остается его спасением. Не в ином мире, а в этом. Только Джессалин способна сделать Джона Эрла Маккларена таким, каким его задумала природа, – так он говорил ей и другим.

Часто ли такое бывает, что человек, столь напористый в отношениях с другими, так покладист в общении с женой? Речь, конечно, не идет о жестких сделках.

Он влюбился раз в жизни. Джессалин тогда было семнадцать. Робкая, тихая, скромная.

И невероятно хороша собой. Он посматривал на ее личико, ее аккуратно заплетенные косички. На ее грудь.

Она все видела. Эту беспомощность мальчишки, что проглядывала в его лице. Никакого морализаторства, никаких строгих правил.

Это мы и называем: *любовь*.

Они держались за руки. Джонни Эрл был явно смущен. Ему хотелось крепко сжать маленькую ладошку, но боялся (так он сказал) ее сломать.

Спустя столько лет это вызвало у нее смех. Запомнила на всю жизнь: *боюсь сломать*.

Можешь сейчас ее сломать, дорогой.

А вот она не сразу влюбилась в Джона Эрла Маккларена, мужчину с ярко выраженным характером, даже когда ему было двадцать с небольшим. Но со временем случилось. Она этому *не противилась*.

Как же ей сейчас хотелось, чтобы он сжал ее руку покрепче.

Впрочем, не в ее характере грузить человека тем, что она в нем нуждается.

Нет, она сама сожмет его руку.

На протяжении многих лет, без устали, она сжимала руку ребенка, иногда сразу двух, – переходя улицу, в публичных местах, на лестнице. «Дети!» – говорила она тихо, но бодро.

И ребенок без колебания протягивал руку матери. Это доверчивое рукопожатие – что может быть чудеснее?

Ее главный страх – что кто-то из детей вырвет ручонку и выбежит на проезжую часть... или угодит в какую-то другую передрагу, стоит ей только на секунду отвлечься.

Мамочка, мы отвезем тебя домой.

А утром вернемся.

Джессалин не спешит покидать палату. Как можно бросить бедного истерзанного Уайти! Когда он откроет глаза, первой, кого он увидит, должна быть она.

Конечно я здесь. Я всегда буду рядом.

В растерянности смотрит на часы – уже утро? Где, в сущности, она находится?

Уайти, кажется, занимает меньше места на больничной койке, чем на домашней кровати, где матрас комфортно проседает с его стороны. Ночь вместе с Уайти – это целое приключение. Он раскидывается, вздыхает, беспокойно переворачивается, забрасывает на нее руку, а если просыпается (или как будто просыпается), то издает горловой звук и тут же снова проваливается, словно уходит под воду, все глубже и глубже, а Джессалин, лежа рядом в некоем трансе, не перестает удивляться: сон приходит к нему так легко, а ей приходится ловить свой сон с помощью хлипкого сачка.

А на больничной койке лежащий на спине Уайти кажется... каким-то маленьким. Съежившимся. Случилось то, с чем он всю жизнь боролся, – *не дать себя умалить*.

Как же тяжело он дышит, с каким напряжением. Сейчас бы улечься с ним рядом и обнять, чтобы ему стало легче, как она часто обнимает его дома, когда он беспокойно ворочается во сне. Но койка слишком узкая для двоих, да и медицинский персонал не позволит.

О чем она думает! Мысли шуршат в голове, как сухие семечки в глиняном горшке. Или как случайные монетки, скотч и мотки ниток, когда резко открываешь выдвижной кухонный ящик.

Ее сморило. Она видит на полке рассыпавшиеся макароны. Как неприглядно. Это у нее-то, у образцовой хозяйки!

На рабочем столике разбросаны газетные страницы. В раковине грязные тарелки, которые она собиралась сполоснуть

и загрузить в посудомоечную машину.

Засыпает семена в птичьи кормушки, стараясь ничего не просыпать, дабы не привлечь белок. Уайти с ними воют: «А ну, проваливайте! Черт бы вас побрал!» Они смеялись над тем, как он, вне себя, бросался на белок, а те, отбежав на несколько ярдов, кричали на него и размахивали своими огромными хвостами – такие злобные крысы. София напоминала ему: *Папа, белки тоже голодные.*

Еще Уайти враждовал с канадскими гусями на задней лужайке. Каждый день их полку прибывало. Ничто так не раздражало Уайти, как гусиный помет.

Пошли все отсюда! Убирайтесь в свою Канаду вместе с пометом!

Он призвал на помощь мальчишек. Длинноногий Том, посмеиваясь, бросался на гусей с хоккейной клюшкой.

А шестилетний коротышка Вирджил шкандыбал за старшим братом.

Где Том проведет эту ночь? В семейном доме, в своей бывшей комнате?

А Вирджил? Где он, кстати?

Слишком много Маккларенов для больничной палаты. Больше двух гостей не положено. Остальные ждут в коридоре (по крайней мере, Джессалин хочется так думать).

В комнате ожиданий Вирджил долго не усидел. Мать видела, как он прохаживается туда-сюда по коридору. Как бе-

седует с ночной нянькой. Даже любопытно наблюдать за тем, как ее младшенький (худющий, сутулящийся, чтобы казаться ростом пониже, темно-русый, с конским хвостом и редкой бородкой – отцу бы точно не понравилось его появление в публичном месте! – в мешковатом комбинезоне, расшитой индейской рубахе, которую бы Уайти посчитал *хипповатой*, и неизменных заношенных кожаных сандалиях) разговаривает с незнакомкой, смотрящей ему в рот, – интересно, о чем он разглагольствует? – медсестрой (примерно его возраста или чуть старше), а та хлопает, кивает и улыбается так, словно впервые встретила столь красноречивого человека.

Вирджиловская ахиня, как любит презрительно повторять Том.

Это жестоко и несправедливо. Не всегда понятно, к чему Вирджил клонит, но он-то понимает и настроен серьезно.

Я должен очистить душу.

На это уйдет целая жизнь.

Только Джессалин ведомо, как ее младший сын спорил с отцом несколько лет назад, доказывая, что такие люди, как он, должны удваивать десятину². *Ты не должен тратить деньги, папа. Продолжай инвестировать.*

Вирджил, конечно, понятия не имеет о суммах, которые Маккларен-старший каждый год переводит благотворительным организациям.

² Отсылка к десятине израильтян, отчислению десятой доли дохода в пользу священников-левитов, которые были призваны отдавать ее Богу.

Уайти задело это бестактное *такие люди, как ты.*

Джессалин тоже задело. Как прикажете это понимать?

Она бы и сейчас сказала ему от имени Уайти: *Мы люди не идеальные, но стараемся жить достойно, насколько это возможно.*

А Вирджил ответил бы ей своей безумной улыбочкой и мог бы не добавлять: *Недостаточно просто жить достойно, мама. Уж извини.*

Ей привиделось или Уайти сжал ее ладонь? У Джессалин скакнуло сердце.

– Уайти! – У нее закружилась голова.

Вязаный свитер упал на пол. Старшая дочь взяла ее за плечи, чтобы привести в чувство.

Нет, вряд ли Уайти сжал ее ладонь. Скорее ей это привиделось.

Мамочка, мы отвезем тебя домой.

А утром вернемся.

Они уже все за нее решили? Средняя дочь, начальница по природе, школьная директриса, твердо берет мать за руку.

Папа в порядке. Он уже лучше выглядит, взгляни на цвет лица. Что бы сейчас сказал Уайти? «Никогда не говори „никогда“».

Обе дочери смеются. И Джессалин робко к ним присоединяется.

Никогда не говори «никогда». Уайти любил это повторять.

Страшная усталость, водянистый мозг, водянистые колени, зябко до дрожи. Придется сдаться, выбора нет. Оставить Уайти одного в этом ужасном месте (кого... что он увидит, если проснется?). Она наклоняется, чтобы коснуться губами его (вялой, холодной) щеки, ощущает его прерывистое дыхание.

Люблю, молюсь за тебя.

Будь он в порядке, изобразил бы смешливую гримасу. *Ты за меня молишься? Что, плохие новости?*

Нянечка дочерям: *Заберите вашу маму.* Она говорит это в присутствии Джессалин, как будто ее нет. Что это, свидетельство надвигающейся старости и беспомощности? И вот уже ее *ведут* по коридору, мягко, но твердо поддерживая, и глаз с нее не спускают – стоит ей только пошатнуться с риском потерять сознание, как сильные, молодые руки подхватят ее и поддержат, а Джессалин Маккларен не из тех, кто нарушает порядок в сколько-нибудь публичном месте, она человек миролюбивый, отзывчивый, ненавязчивый, милая женщина, всеми любимая жена, мать и бабушка, старающаяся не выказывать паники по поводу того, что ее муж в ближайшее время *не будет дома.*

Одна ночь без него. Страшно подумать.

Бдение

Один за другим они покидали родительский дом на Олд-Фарм-роуд, чтобы жить взрослой жизнью независимо от Маккларенов-старших.

И вот теперь, в эти тревожные октябрьские дни 2010 года, когда их отца госпитализировали после инсульта и все дети несли совместную вахту в больнице, чем-то напоминавшую неустойчивый плот на бурной реке, когда боишься поднять глаза от страха, что эти черные буруны сейчас тебя поглотят, они каждый вечер возвращались в общий дом, словно их волной прибывало к безопасной суше.

Все это было так странно, так жутковато и обескураживающе: дом несколько не изменился, в отличие от них.

А может, они, как и дом, почти не изменились (в душе, по сути).

– Я останусь с мамой ночевать.

– Зачем? Я живу рядом, я с ней и останусь.

– Я привезла ее в больницу. Стало быть, я останусь, а утром отвезу ее обратно. Так проще.

– И чем же это проще? Я тоже могу ее утром отвезти.

– Все готова к рукам прибрать! Ты ее только расстроишь! – Злобная Лорен изобразила, будто она доит корову.

Уязвленная Беверли за словом в карман не полезла:

– Тебе же рано утром на работу. Школа ведь не может функционировать без «начальницы гестапо»?

Лорен взглянула на сестру испепеляющим взглядом. Лорен не могла не знать, как ученики называют ее за глаза, но что об этом знают посторонние?..

– Разумеется, я не поеду на работу, пока мой отец находится в интенсивной терапии!

В конце концов было решено, что, кроме Беверли, которой необходимо вернуться к семье, все останутся ночевать в родительском доме вместе с матерью.

– Так будет лучше. На всякий случай.

Джессалин участия в обсуждении не принимала. Она не понимала, считать ли себя тронутой такой заботой со стороны взрослых детей или угнетенной. Почему они говорят о ней так, будто ее нет? Их послушать, так она настолько стара и беспомощна, что не в состоянии остаться одна в собственном доме.

Она пыталась слабо сопротивляться, мол, сама приедет в больницу. Там и встретятся.

– Медсестра сказала «в семь». К семи и приеду...

– Нет, мам. Папа никогда бы не согласился, чтобы в такое время ты оставалась в доме одна.

Никто ее не слушал. Бросалось в глаза, какие они высокие, как над ней нависают. Даже самая младшая. И когда они успели так вымахать?

В их глазах вызов. При всей усталости и озабоченности

это противостояние их возбуждает: они защищают интересы матери, и ей придется смириться. Она было открыла рот, чтобы протестовать, но силы ее внезапно покинули.

Да и приятно же, что ты не одна.

Когда-нибудь она скажет Уайти: *Дети взяли все в свои руки. Они так обо мне заботились. Ты бы ими гордился.*

Ее драгоценный Уайти! Он всегда так гордился своими детьми. Если его кто-то и раздражал иногда, так это Вирджил.

Да, и Вирджил тоже был с нами. Постоянно.

Накануне, когда на нее обрушилась страшная новость, ее мозг на несколько часов отключился. Но сейчас, когда Уайти уже *держится*, ей хотелось столько ему всего рассказать.

Обнадеживающее словечко, особенно из уст медсестер в интенсивной терапии, которые свое дело знают.

Держится. Так и представляешь себе Уайти ухватившимся за веревку или за штурвал. Палуба под ним качается, но он крепко держится.

Ему будет интересно все узнать! Как его нашли в машине на обочине автострады Хенникотт... или (возможно) он сумел выбраться из машины и потом упал на мостовую. Как хэммондские полицейские обнаружили его, лежащего без сознания. Как они вызвали «скорую», которая примчалась (говорят, через четыре минуты) и отвезла его в лучшее учреждение экстренной медицинской помощи в округе.

Она собирает подробности за сорок лет, чтобы ему пове-

дать.

Никому другому они не были бы интересны. Ничего не значащие, любопытные мелочи, которые ее муж, в принципе, как и все мужчины, не одобряющий всяких сплетен, будет смаковать. Точно так же он собирал разные подробности для нее.

Дорогая, я был так одинок. Но я слышал твой голос... и голоса наших детей... хотя и не мог тебе ответить... даже тебя разглядеть...

Она верила в то, что муж расскажет ей, где он был. Как только он к ней вернется.

– Мама, пойдем. Я отведу тебя наверх, в спальню.

Первым делом, приехав домой, они зажгли свет на кухне.

Беверли взяла мать за руку и уже не выпускала, несмотря на все ее протесты.

– Бев, не говори глупостей. Спасибо, но я сама могу «отвести» себя в спальню.

– Ты вся измученная. Мама, посмотри на себя в зеркало. У тебя лицо белее воска.

Беверли настаивала на своем, тем более ей скоро ехать домой. Лорен тоже настаивала. И София не могла остаться в стороне.

Аж шесть человек в кухне! Столько Маккларенов могло бы сойтись по какому-то торжественному поводу.

Джессалин продолжала слабо сопротивляться, пока три

сестры провожали ее наверх. Их голоса чем-то напоминали мелодичные перепевы слегка бранящихся птиц. На кухне остались Том и Вирджил.

Они сестер недолюбливали, скорее подсознательно. А в моменты кризиса, эмоционального раздрая, когда требовалось (физически) восстановить общий комфорт, на первых ролях всегда оказывались дочери, а не сыновья.

– Хочешь отцовское пиво? Эль? – Том открыл холодильник и вытащил две бутылки темного эля.

Вирджил равнодушно пожал плечами:

– Не хочу.

– Ах, я забыл. Ты же у нас не пьешь.

– Я пью. Иногда, – последовала сухая ремарка. – Но не сейчас.

Братьям Маккларен друг с другом было некомфортно.

Уже не вспомнить, когда они последний раз оставались наедине здесь или в каком-то другом месте.

Братья? Они не часто так думали о себе.

В этой кухне в любой момент мог зазвучать отцовский голос. Уайти (пожалуй) приятно удивился бы, увидев их вместе в столь поздний час.

Господи! Что вы тут делаете? Да вы садитесь, я вам что-нибудь налью.

Но Уайти хватило бы ума сообразить: должно было произойти нечто из ряда вон, чтобы эти братья, такие непохожие, оказались вместе в семейном доме в такое время.

Том глотнул немецкого эля, такого горького, что его даже передернуло. В буфете он нарыл открытую баночку с кешью.

Вирджил пил апельсиновый сок: нашел в холодильнике пакет.

Напряжение нарастало, но заводить разговор об отце ни тому ни другому не хотелось.

Их разделяли семь с половиной лет. Для Вирджила целая жизнь.

Если бы Вирджил зажмурился, он бы увидел со спины невнятный силуэт уходящего от него старшего брата.

В детстве он его обожал, но от этого чувства давно уже ничего не осталось.

Теперь он держался с ним настороже, прекрасно понимая эти косые взгляды, мрачноватые приветствия и дружеские обращения со скрытой издевкой: *Ну как дела, Вирдж?*

Вирдж. Не имя, не уменьшительное, а что-то вроде от-рыжки.

Переехав в Рочестер, Том стал совсем далеким. Вирджил почти ничего не знал про его жену и детей (двое? трое?). В семье по привычке называли Тома наследником, он наверняка продолжит отцовский бизнес.

(Уйти никогда не пытался привлечь к работе младшего сына. Ну разве что в давние времена, когда тот был в старшем классе, отец предложил Вирджилу написать рекламный проспект, после того как прочел его публикацию в школьном литературном журнале и отметил, что он «умеет складывать

слова». Вирджил, которому тогда было пятнадцать, с испуганным видом пробормотал: *Нет, не стоит!* Как будто отец толкал его на преступление.)

А вот на Тома Маккларена, высокого стройного красавца (сейчас он немного нарастил подкожный жирок) с шевелюрой песочного цвета, под сорок (Вирджил часто украдкой на него поглядывал), достаточно было взглянуть, чтобы понять: парень из тех, кто о себе высокого мнения, и эту оценку (в основном) разделяют другие.

Так считал младший брат. Испытывая укол зависти.

– Угощайся. Не буду же я их есть один. – С этими словами Том пододвинул брату банку с орешками.

Кешью были отцовской слабостью. Дети дружно смеялись, когда отец требовал, чтобы мать спрятала орешки, печенье и шоколадки в места, где ему будет трудно их найти.

Съев пригоршню орешков, Уайти начинал кашлять. Чем себя и выдавал.

Подсознательно братья про себя отметили непорядок. У такой щепетильной домохозяйки, как их мать, не могут газетные страницы в беспорядке валяться на рабочем столе, а в раковине лежать грязная посуда. Особенно с учетом того, что дети разъехались и веселый раскардаш остался в далеком прошлом.

Том стал рассказывать, как в детстве в его обязанности входило каждый вечер после ужина подметать пол на кухне.

А каждую пятницу, по утрам, выволакивать к обочине мусорные баки.

За эти и другие хозяйственные поручения Уайти платил ему десять баксов в неделю. А Джессалин еще добавляла от себя: «Томми, вдруг тебе на что-то понадобится».

Они выросли в благополучной семье. Что Маккларены – люди с достатком, не требовало доказательств. Иначе ты просто не мог бы жить в одном из шикарных домов на Олд-Фарм-роуд. Но при этом у детей не было ощущения, что *им положено*.

У Тома точно не было.

А тем временем Вирджил с издевательской старательностью человека, пытающегося не привлекать к себе внимание, аккуратно сложил разбросанные страницы и выбросил в корзину для бумажных отходов, проигнорировав газетные заголовки. Том с презрением вспомнил, как в годы учебы в Оберлине и позже его младший брат-хиппарь приходил в животный ужас при одной мысли, на что он может случайно наткнуться в газете; он считал бесстыдством разглядывать фотографию какого-нибудь страдальца.

Будучи не в силах усидеть на месте, Вирджил принялся споласкивать посуду в обжигающе горячей воде и составлять ее в посудомойке с такой прилежностью, что терпение Тома лопнуло.

– Ты можешь посидеть спокойно?!

Тому, как и сестрам, не нравилось, что в последние годы

Вирджил особенно сблизился с матерью. А все потому, что он жил неподалеку и часто заезжал к ней (на своем дурацком велике) в отсутствие Уайти. Возможно, даже чаще, чем они думали.

Вряд ли он просил у нее денег, так как это не в его правилах, но она наверняка ему что-то подкидывала, ибо это в ее правилах.

– Интересно, папа в курсе? – интересовалась Беверли.

– Мы не можем его об этом спрашивать, – напоминал ей Том.

В черном окне над мойкой Вирджил видел свое темное отражение. А за спиной его старший брат-красавец, развалившись в кресле, потягивал эль из бутылки.

Крепкое мужское тело – вот она, загадка для младшего брата, ощущающего себя неполноценным.

В свое время как он глазел на полуодетого и тем более голого Тома!

Даже сейчас сглатывает слюну. Гибкое мускулистое тело. Беззаботная грация. Густая поросль под мышками, на груди, на ногах. В паху.

Его пенис.

Слово, которое нельзя было произнести вслух, даже когда ты один, – *пенис*.

И аналогичные запретные слова: *хер*, *яйца*. Вирджил с содроганием вспоминал, в какой трепет они повергали его на протяжении многих лет.

А все потому, что ты младший.

Словно прочитав его мысли, Том сунул руку в карман пиджака за... ну-ка? Всего лишь за сигаретами.

Курить в таком месте!

– Том, ты чего? Мама утром почувствует запах.

– Я проветрю.

– Они учуют его даже наверху!

– Говорят тебе, я проветрю кухню.

– Ну... – Вирджил выразил свое неудовольствие, передернув плечами.

– Вот тебе и «ну».

Провоцировать старшего брата – последнее дело. В детстве Вирджилю за это нередко прилетало. Вот что значит поздний час.

Том выпустил сигаретный дым:

– Папа до сих пор покуривает.

– Seriously?

– Это его тайна. Особенно от мамы. Не так часто, как раньше, но хотя бы одна сигаретка в день. У себя в кабинете. Я видел пепел. – Том умолк, испытывая несказанное удовольствие оттого, что знает об отце нечто, о чем Вирджил даже не догадывается. А если младший братец начнет разглаживать, что отцу с его повышенным давлением, да еще после инсульта, курить противопоказано, то он получит оплеуху.

Но у Вирджила хватило ума держать дистанцию. Пожевы-

вая нижнюю губу, он раскладывал губки на краю раковины.

Мать всегда держала две (синтетические) губки наготове: одну для мытья посуды, вторую – протирать рабочие столы. Первую – слева, вторую – справа. Через неделю-другую губка для протирки выбрасывалась, лежащая на левом краю перекочевывала на правый, а из целлофанового пакета доставалась новая.

На сегодняшний день левая губка была ярко-желтая, а правая – пурпурно-красная. Вирджил постарался их не перепутать.

В коммунальном доме Вирджила за чистотой особенно не следили, и одной большой (натуральной) губки хватало надолго. В конце концов ее выбрасывали, но не потому, что она становилась грязной и неприятной, а просто начинала разваливаться на кусочки.

Джессалин пришла бы в ужас от образа жизни ее младшего сына. И он старался ограждать ее от отрицательных эмоций.

Однажды София заглянула в старый фермерский дом-развалюху и, увидев у брата в раковине губку, даже не сразу поняла, что это такое.

– Господи! Это похоже на цирроз печени. А на самом деле что?

Они посмеялись, но реакция сестры была понятна. Ужас и отвращение.

Жизнь состоит из патогенов, подумал тогда Вирджил.

Внутри нас и вовне.

– Он, конечно, пытается бросить. Не случайно он набрал вес, от которого неплохо бы избавиться.

Том продолжал говорить об отце, тайном курильщике. О чем было известно одному Тому.

Вот он, особый кайф, – уязвить (хоть чуть-чуть) младшего брата и выбить его из колеи (выпустив очередную струю сигаретного дыма, от которой Вирджил едва не закашлялся). А Том не уставал хвастаться:

– Папа делится со мной секретами, а я ему даю полезные советы: «Тренируйся в зале и бросай курить. Мужчины твоего возраста и даже старше ходят на тренировки и классно выглядят».

Том засмеялся, как будто выкладывал сущую правду. Пусть Вирджил рисует в своем воображении картины, как его старший брат и их отец шушукаются наедине о том о сем, а не только обсуждают бизнес.

– Ты только не говори маме. Что отец покуривает.

Вирджилю хотелось ответить: если кто-то и должен ей сказать, так это ты. И папиным врачам не мешало бы знать.

Какие сигареты в таком состоянии! А Том, кажется, еще улыбается.

У Вирджила сжалось сердце. Он подумал об отце, лежащем сейчас в интенсивной терапии и дышащем с помощью респиратора. Кто знает, сумеет ли Уайти еще когда-нибудь дышать самостоятельно.

Как сможет Вирджил пережить его смерть? Не дождав-
шись проявлений отцовской любви.

Так и не услышав от него: *Я тобой горжусь, Вирджил. Тем, какой ты стал. Важно ведь не то, что мы делаем, а какие мы есть.*

Важно не то, что о нас говорят другие, а что мы думаем о себе сами.

Уже не вспомнить, когда Уайти последний раз притрагивался к младшему сыну. А вот Тому он часто кладет руку на плечо, обменивается с ним рукопожатием, и лицо его при этом светлеет... а Вирджил чем хуже?

Никаких рукопожатий. (Ну да ладно. Дурацкая социальная привычка, в основе которой лежат примитивные мужские комплексы.)

Никаких объятий. (Уайти обнимает только дочерей!)

На Вирджила отец смотрит с характерной сдержанностью, с настороженной улыбкой и прищуренными глазами. *Что он выкинет на этот раз? Опять заставит меня краснеть?*

Не всегда удастся спрятать свои чувства. Хотя всякий родитель должен стараться, не в пример Уайти.

На пробковой доске объявлений в углу выставлена коллекция фотографий и открыток. За годы, десятилетия. Вперемежку с газетными вырезками, школьными программами, выпускными фотками. Джессалин любила добавлять новые, при этом сохраняя старые. Вот глянецовый снимок мэра Хэммонда, Джона Эрла Маккларена, пожимающего руку губер-

натору штата Нью-Йорк, оба приосанились и улыбаются в камеру. В девяносто третьем их отец выглядел таким молодым и розовощеким. Сейчас даже как-то больно смотреть.

Вирджил испытывал к этой доске объявлений неприязнь. Слишком много фотографий брата-атлета. И гламурной сестрицы Беверли.

Он не имел ничего против семейных фотографий. А также свадебных и кадров с новорожденными. Вот все Маккларены стоят в обнимку на заднем дворе. А вот где-то на пляже.

На самых ранних фотографиях он выглядел чудо-ребенком со светлыми волосами и лучистыми голубыми глазами. Много лет назад Вирджил настоял на том, чтобы их убрали.

Свои школьные фотки он прятал под чужими или просто удалял. Сохранил только одну, где он лет в десять держит маму за руку и глядит на нее с нескрываемым обожанием.

Вирджилю казалось, что это не он на старых снимках. В раннем детстве все кажутся невинными и очаровательными. Все начинает меняться лет в тринадцать.

Он смутился при виде газетных фотографий с собственными скульптурами из металлолома, выставленными на недавней ярмарке, где побывала его мать. Он даже не знал, что они были опубликованы в местном еженедельнике. Вообще про них забыл, после того как их тогда раскупили.

«Можете выдать секрет, почему ваши работы покупают?» – спросили у Вирджила. Он ответил: «Я снижаю це-

ны».)

(Нельзя сказать, что Вирджил был тронут, увидев на доске объявлений эти газетные фотографии, но убрать их он не решился.)

– Мама сохранила отличные фотографии. Мои отпрыски не перестают удивляться, что и мы когда-то были юнцами. – Том произнес это непринужденно и доброжелательно, видя, как Вирджил разглядывает коллекцию. Редкий случай: ему захотелось сделать младшему брату приятное. – У нас на кухне висит такая же доска, только поменьше. По-моему, хорошая идея. Особенно для детей. Иначе все быстро забывается. – Он на секунду задумался. – Ты же видел нашу доску? Или не видел...

Разумеется, нет. Вирджил не видел его дурацкую доску объявлений. Он ни разу не был в Рочестере.

Том открыл вторую бутылку темного немецкого эля. Черт, он же почти прикончил запас кешью! Десны и нёбо горели от соли.

Странная тишина. Где сестры? Куда они запропастились?

Том был раздосадован тем, что они увели мать и оставили его с братом, прекрасно зная, как Том к нему относится.

Но провожать ее в спальню с его стороны было бы неправильно. Это дело сестер – уложить полубессознательную Джессалин в постель. К тому же Вирджил почти наверняка увязался бы за ним, как приبلудный пес.

– Может, это и хорошо.

– Что – хорошо?

Вирджил заговорил после долгого молчания, и Том не врубился, о чем это он.

– Забыть.

– Забыть что?

В ярком кухонном освещении лица двух братьев были слишком резко очерчены. Как в телевизоре высокого разрешения. Ты видишь больше, чем тебе хотелось бы.

Младший брат застенчиво потупился. Даже в его скромности сквозило упрямство. Хорошо это зная, Том устроил ему маленькую засаду.

– Пора нам на боковую. Через несколько часов уже надо вставать.

Он рассчитывал на ответ, однако Вирджил впал в прострацию.

– Я уже не помню, когда последний раз ночевал в этом доме, – продолжил Том. – В заключительном семестре? По окончании университета? – (Его персональную комнату давным-давно переделали под другие нужды.) – А ты, Вирджил?

Брат вздрогнул, неожиданно выведенный из глубокого раздумья:

– Я, вообще-то, мало сплю.

– Да что ты! – воскликнул Том с усмешкой.

Вирджил своей инфантильностью его уже достал. Тому скоро стукнет сорок, давно не мальчик. Отец одиннадцатилетнего подростка. Лорен, София и Вирджил, у которых нет

детей, понятия не имеют, как быстро летит время, когда они растут на твоих глазах.

Том не одобрял *образа жизни* своего брата. Не понимал, в чем его смысл, и не хотел понимать. (В этом он полностью совпадал с Уайти.) И считал: вот пусть родители с Вирджилом и разбираются.

Все в младшем брате выводило Тома из себя: жидкая бороденка, запущенные грязные волосы, собранные сзади в конский хвост и перевязанные шнурком. Сутулость в тридцать один год. Неряшливо расшитая рубаха, поношенный и заляпанный краской комбинезон, сандалии, торчащие из них пальцы (корявые и неприглядные). Особенно же Тома раздражали эти теплые голубые глаза, смотревшие на всех с бесконечным состраданием, пониманием и симпатией, – такое *полноводье чувств*.

В них можно было утонуть.

Обсуждая семейные дела, Том как-то сказал Беверли, что у него порой руки чешутся дать братику в зубы. «А так как он меня простит, то захочется его убить».

Беверли посмеялась, хотя была шокирована этими словами. Ей нравилось слышать подобные страшилки от почитаемого ею старшего брата, но сама она никогда бы не поделилась тем, что испытывает в отношении Вирджила, отлично понимая низменную природу этих чувств, столь далеких от семейной любви и преданности, которые родители так старались им привить.

И все же она хихикнула, как если бы Том ее пощекотал.
– Кем он себя считает? Далай-ламой? – съязвила она.

Наконец послышались шаги на лестнице. Это была только одна сестра – Беверли.

Жаль, что она уезжает домой. Что касается Лорен и Софии, то они уже легли спать в своих детских комнатах.

От напитков Беверли отказалась.

Видно было, какая она всклокоченная, как потолстела. Ничто не напоминает светящуюся девочку со школьных фотографий. И глаза на мокром месте. (Неужели плакала? Надо же!) Отказавшись от напитка в холодильнике, она тем не менее сделала глоток из бутылки Тома и по-мужски вытерла губы тыльной стороной ладони.

– Нам все-таки удалось маму уложить. Она отказалась до конца раздеться. Вдруг, говорит, позвонят, и надо будет срочно ехать в больницу, лучше быть готовой. Причем так спокойно, даже странно. Как будто следуя папиным инструкциям... ты же знаешь, как он ей всегда говорит, что надо делать. Находиться в родительской спальне, где его нет, – тоже очень странно. Мы подождали, пока она уснет (или сделала вид, чтобы мы оставили ее в покое), а потом тихо вышли и закрыли дверь. В общем, я еду домой. Чувствую себя выжатой как лимон.

– Уже поздно. Почему бы тебе не заночевать здесь?

– Я позвонила Стиву. Меня все ждут, так что я поеду. Завтра останусь... если папе все еще грозит опасность.

Беверли выглядела испуганной, изможденной. *Все еще грозит опасность* – эта фраза врача засела у нее в голове.

Том спружинил длинными ногами, резко встал и обнял сестру, сдерживая накатывающие слезы. Беверли прижалась к нему.

– Эй, с папой все будет хорошо. Уйти Маккларен нас всех переживет.

Вирджил в растерянности замер в отдалении, словно в ожидании, что сестра сейчас обнимет *его*.

Но Беверли уже в дверях бросила обоим братьям:

– Спокойной ночи!

«Твою радость определяет твой самый безрадостный ребенок».

(То ли кто-то сказал, то ли она это услышала по телику.)

(Глупая банальность? Или это правда? Болезненная правда?)

Уйти так не считал. Уж он-то точно.

– Мы даем им жизнь и готовим к свободному плаванию, как такие лодочки. Но после, условно говоря, двадцати одного года они вправе сами выбирать свой маршрут. А наши дети давно прошли этот рубеж.

Уйти рассуждал так здраво, что в его правоте можно было не сомневаться.

И тем не менее она не соглашалась. Возражения сами собой напрашивались.

Часа не проходило без того, чтобы Джессалин не подумала о каждом из своих детей. Не важно, что они выросли, что они давно «взрослые». В каком-то смысле это делает их еще более уязвимыми. Ибо они теперь описывают удаленные от нее концентрические круги.

Это как базы на бейсбольном поле. Первая база: Том. Вторая: Беверли. Третья: Лорен.

(Мысленно она видит их детьми. Долговязый Том с надрезанной на глаза бейсболкой.)

На этом метафора заканчивалась. Потому что были еще Вирджил и София. Младенцы! Их мать меньше о них думала по той простой причине, что они занимали меньше лет в ее жизни. Как ни странно, но в ее снах *детей всегда не хватало*, она постоянно забывала кого-то из тех, кто у нее родился.

Это был невыразимый ужас. И одновременно бессмысленный, нелепый. Если бы Уайти узнал, он бы так хохотал! И дети тоже.

А Вирджил процитировал бы какого-нибудь древнегреческого философа-ворчуна³ – дескать, лучше было бы и вовсе не родиться. Бред!

– Может, у других матерей иначе. А я всегда буду чувствовать свою ответственность за них.

– Но дорогая... это же глупо. Просто *ты* такая.

Уайти поцеловал ее в прохладные губы. Собственные гу-

³ Отсылка к одноименному эссе американского писателя Амброза Бирса (1842–1913) «Философ-ворчун».

бы казались ему (излишне) горячими.

– Надеюсь, за меня ты не чувствуешь ответственности, – сказал он.

Джессалин отстранилась, как после легкого укола.

– Еще бы! Конечно чувствую, дорогой. «В болезни и здравии». Это свойственно любой жене.

– Не любой. Но мне приятно слышать это от тебя.

Они сидели, крепко держась за руки.

Джессалин подумала с каким-то диким восторгом: *Я должна его пережить, чтобы заботиться о нем в последние дни. Я не имею права уйти раньше.*

И вот она лежит одна в семейной кровати. На своей половине.

Как непривычно.

Усталая, оглоушенная, с открытыми глазами (на самом деле закрытыми), она проваливается в темную гибельную дыру, заранее опасаясь того, что там увидит.

Ничего. Ровным счетом ничего.

Порывы ветра сотрясают темные окна. Дождь пригоршнями ударяет в стекла. Перезвона музыки ветра почти не слышно, как она ни напрягает слух. Что-то отдаленное, серебристое, чудесное.

«Наследник»

Из всех Маккларенов только Том знал правду.

Не имел доступа к подробностям, но *знал*.

Приняли за другого. Все обвинения сняты.

Все очень тревожно. Запутанно. Похоже, отец был «арестован» – или, точнее, «задержан полицией» – за то, что, предположительно, «оказал сопротивление» на обочине автострады Хенникотт.

А затем он «потерял сознание» (не в собственной «тойоте», а на обочине), и полицейские вызвали «скорую».

В общем, произошла ошибка при опознании... но кого? Уайти Маккларена? И кто совершил ошибку?

Тома заверили, что его отец ни в чем не обвиняется.

В свете «дальнейшего расследования»... после «подтверждения свидетелей»... все обвинения были сняты.

Все это, насколько можно было понять, Тому рассказали по мобильной связи, пока он стоял в коридоре перед отцовской палатой в отделении интенсивной терапии хэммондской городской больницы. Связь то и дело прерывалась. *Алло? Алло?* – в отчаянии кричал Том.

Позвонил ему лейтенант полиции, который то ли был знаком с Уайти Макклареном, то ли просто знал, кто он такой. Кажется, знал и Тома Маккларена. (Может, они ходили в одну школу? Фамилия лейтенанта показалась ему смутно

знакомой.) Успокаивающим тоном лейтенант сообщил, что отцовскую «тойоту-хайлендер» 2010 года эвакуировали на штрафстоянку, откуда Том может ее завтра забрать. Том был не в том состоянии, чтобы выкрикнуть: «Что вы, сволочи, сделали с моим отцом?», вместо этого он выдал из себя пару уточняющих вопросов, как забрать «тойоту». Уйти наверняка озабочился бы тем, кто осмелился сесть за руль его автомобиля и где его держат.

Сначала Том должен приехать в полицейское управление за документами. Для этого ему потребуется удостоверение личности.

Том поблагодарил лейтенанта, выразившего надежду, что его отец «в порядке».

– Спасибо. Кажется... да.

После завершения разговора Том так и застыл в больничном коридоре, мимо сновали медработники, санитары толкали перед собой каталки и тележки с постельным бельем, проходили такие же, как он, посетители в уличной одежде, казавшиеся озабоченными, потерянными. А он снова прокручивал в голове слова, смысл которых ускользнул от него поначалу: *Приняли за другого. Все обвинения сняты.*

– Где папина машина?

– На штрафстоянке. Завтра я ее заберу.

– Ее эвакуировали?

Напористый тон Лорен не мог не раздражать Тома.

– А как иначе? Должны были оставить на обочине шоссе?

– Машина пострадала? Они что-нибудь сказали?

– Небольшие повреждения, похоже. Думаю, смогу на ней приехать домой.

– Если я тебе нужна, чтобы отвезти на штрафстоянку или поехать вместе с тобой, а потом пригнать твою машину...

Но Том от помощи отказался. Сам разберется. Возьмет такси. Штрафстоянка расположена в заброшенном квартале к югу от автострады. Завтра утром он туда отправится прямо из больницы.

В стиле Лорен: «Если я тебе нужна»... чтобы переложить ответственность на другого. Сам решай, да или нет.

Ей не откажешь в великодушии, когда дело касается чрезвычайных обстоятельств. Готова *проявить заботу*. Но в ее тоне угадывался подтекст (чтобы не сказать подколка): мол, ты, как самый старший в семье, несешь ответственность за отцовскую машину.

Ты же папин любимчик. Его «наследник». Хотя вслух эти подколки не произносилось.

Реакция Беверли была совершенно другой. Она сразу предложила отправиться вместе с Томом – в его или в ее автомобиле.

– Томми, ты не должен ехать туда один. Что, если в этом квартале...

С умоляющим видом положила руку ему на предплечье.

«Томми» – отсылка к их стародавней близости.

Но Том предпочел разобраться сам, без (старших) сестер. Ему уже хватило их настойчивого участия в этом семейном кризисе.

И он им ничего не сказал про телефонный разговор. И матери уж точно не скажет. *Не за того приняли. Все обвинения сняты.*

Потерял сознание.

– Как, вы говорите, ваша фамилия? Маккларен?

Наконец документы на владение нашлись. Надо заплатить шестьдесят пять долларов штрафа.

Покинул место происшествия. Припарковал транспортное средство в месте, где стоянка запрещена. Оставил ключи в замке зажигания.

Все проверки произведены. Галочки поставлены. А это что? В самом низу бланка стоит неразборчивая подпись.

В другой ситуации Том потребовал бы разъяснений, прежде чем оплачивать пошлину или штраф. Но сейчас его ждало такси, Уайти находится в больнице в критическом состоянии. У него не хватило духу на протесты.

Правда, он хотел переговорить с позвонившим ему лейтенантом, но не мог вспомнить его фамилию. Калдер? Коултер? Безучастный и безразличный, как (неподвижная) лягушка в саду, сержант в приемной ничем не мог ему помочь.

В то утро Уайти начал обнаруживать признаки жизни. Затрепетали веки, левый глаз как будто сфокусировался. Си-

нюшные губы, пока беззвучно, зашевелились.

Задвигались пальцы левой руки. Но не правой.

Пальцы левой ноги. Но не правой.

– Уйти? Мы все здесь с тобой...

Неутомимая Джессалин поглаживала ооченелые руки мужа.

Она все-таки поспала несколько часов. Продуманно оделась, расчесала волосы. Косметика, помада. Все для Уйти.

Надела жемчужное ожерелье, подаренное им на одну из годовщин. Из всех своих подарков это ожерелье он любил особенно. В уши вставила такие же сережки.

Глаза ее загорелись от радости при виде оживающего супруга.

Тома так и подмывало сказать ей: *Не обольщайся.*

Любовь родителей друг к другу была такой сильной, что, казалось, исключала лично тебя. Даже Том, самый старший, не избежал уколов ревности.

Медицинский прогноз в отношении Уйти: *благоприятный*. Вдаваться в подробности, связанные с инсультом, не очень-то хотелось.

Том заплатил пошлину. Или штраф. Черт их разберет. Здоровяк на штрафстоянке с подозрением изучил уполномочивающий документ и водительские права Тома Маккларена.

– По-вашему, я собираюсь ее угнать? Отцовскую машину? С какой стати? И как бы я узнал, что машина здесь, если бы

он мне сам не сказал? – Неожиданно Том пришел в ярость.

Вот он, результат больничных бдений. И ночью не выспался. Без хорошего сна он никакой. Жизнь кажется невыносимой. Отцовский «удар» его подкосил. Поймав на себе пристальный взгляд крепыша, он понял, что похож на обессиленного, раненого зверя. Другие звери сразу это видят и обращают это против тебя.

– Извините. Я понимаю, вы обязаны проявлять осмотрительность. Я сам ее найду.

Удивительно, сколько новых моделей и в хорошем состоянии. По какой такой причине они были эвакуированы? И некоторые, похоже, давно уже здесь прописались.

Автомобильное кладбище. Каких-то владельцев, возможно, уже нет на этом свете.

Беда в том, что отцовская «тойота-хайлендер» неприметного землисто-серого цвета совершенно сливалась с такими же внедорожниками, дорогими автомобилями стоимостью в сотни тысяч долларов.

В конце концов Том обнаружил машину в дальнем конце стоянки. Номера совпали.

Обследовал ее вдоль и поперек. Не такая чистая и сверкающая, как обычно, но без видимых вмятин или царапин на шасси или на ветровом стекле.

– Странно...

Ему сказали – разве нет? – что транспортное средство попало в аварию на автостраде. Сдетонировали подушки без-

опасности и покалечили отца... но ничего такого не видно.

Он поинтересовался, был ли произведен какой-то ремонт, и получил отрицательный ответ.

Не полиция же «отремонтировала» чужой автомобиль.

Позже, уже будучи дома на Олд-Фарм-роуд, где ему предстояло провести по крайней мере еще одну ночь, он позвонил в отделение хэммондской полиции и попросил соединить его с лейтенантом... Калдером? Коултером? Колманом? Он готов был сам себя выпороть за то, что не расслышал тогда фамилию и по рассеянности не переспросил.

Такого у них нет.

– А с похожей фамилией кто-нибудь есть? – Он старался говорить вежливо, проявляя терпение. – Я звоню по поводу инцидента на автостраде Хенникотт восемнадцатого октября. «Приняли не за того», «все обвинения сняты»... Джон Эрл Маккларен, проживающий по адресу: Олд-Фарм-роуд, девяносто девять, Северный Хэммонд...

– Не вешайте трубку.

Семья

В предрассветных сумерках раздались первые осторожные выкрики птиц.

В тумане обозначились призрачно-белые стволы берез.

А вот и холмистый соседний участок, где пасутся лошади.

У каждого из детей Маккларенов была своя комната с собственным видом. Их родной дом.

Пятеро детей.

Один, соответственно, *мальши* и один, само собой, *старший*, почти взрослый.

Чем-то похоже на забег: старший прибегает первым, затем второй, третий, четвертый и, наконец, последний.

И, глядя в окно, каждый думает: *Это мой дом! Я никуда не уезжал.*

Дети Маккларенов один за другим покидали родной дом, но уезжали они не слишком далеко.

Из пятерых только Том перебрался в другой город (с женой и детьми), Рочестер, что в семидесяти милях от Хэммонда. Возглавив подразделение «Маккларен инкорпорейтед», выпускающее школьные учебники, он поддерживал постоянную связь с отцом.

Дочери Маккларенов – Беверли, Лорен и София – жили в

радиусе восьми миль от семейного дома.

Вирджила-путешественника забрасывало на север аж до Фэрбенкса на Аляске и на юг до Лас-Круса в штате Нью-Мексико. Когда ему было двадцать с гаком, он исчезал на недели, а то и месяцы в неизвестном направлении, а когда родным приходила от него запоздалая открытка, он уже находился где-то в другом месте. Ему нравилось «летать как семечко».

Он говорил это без всякого тщеславия. Откуда оно у ребенка? Он такой, какой он есть.

– Семечко должно пустить корешок и пойти в рост. Чтобы превратиться в нечто большее и значительное, чем просто *семя*.

Чтобы пригасить его воодушевление, Уайти позволял себе посмеяться, а Вирджил хмурился:

– Что тут непонятного, папа? Почему ты полагаешь, что у явлений природы должна быть какая-то иная цель, кроме того, чтобы быть собой?

– Почему я полагаю... что?

– Вот видишь... это твое заблуждение. В данном конкретном случае.

Заблуждение. Такими словами в лицо Уайти Маккларену лучше не бросаться.

Остальные внимательно слушали. Даже София, обычно выступавшая союзником младшего брата, ждала, что отец

поставит его на место.

Младшие Маккларены с удивлением замечали, что Вирджил (похоже) не обижается на замечания отца. Он их встречает, стоически улыбаясь и поглаживая редкую бородку, а иногда фыркает, как домашний кот, которому случайно наступили на хвост.

– Разве заблуждение верить в то, что мы появились на этом свете, чтобы *быть полезными*? Здравый смысл! – Уайти начал терять терпение. Лицо покраснело, мышцы напряглись. Как многие публичные люди, отличающиеся добродушием и приятными манерами, завоевывающие аудиторию открытостью и прямоотой (или видимостью того и другого), он не терпел возражений.

– Но что значит «быть полезными»? В чем, для кого, какой ценой и с какой целью? Что-то полезно, а что-то бесполезно... как, например, искусство. – Вирджил говорил с наивным пылом, подавшись вперед на худых локтях и словно не видя поднимающегося в отце раздражения.

– Искусство бесполезно?

– Ну как сказать. Многие бесполезные вещи не являются искусством, а само искусство... да, не приносит пользы. Если бы приносило, то оно не было бы искусством.

– Чушь! Куча полезных вещей могут быть красиво поданы. Здания, мосты, автомобили... самолеты, ракеты... посуда, вазы. – От возбуждения Уайти начал заикаться. – Да взять хотя бы наши книжные издания. Первоклассные продукты,

которые *полезны* и при этом являются *искусством*.

Вирджил возразил:

– Красота не обязательно является искусством. Это два разных понятия, так же как польза и искусство...

– Повторяю, чушь! Сам не знаешь, что несешь, ты же никогда не работал. У тебя нет ни малейшего представления о том, что такое жизнь, что такое польза. Откуда, если у тебя никогда не было настоящей работы?

Джессалин мягко вмешалась:

– Ну что ты, Уайти. У Вирджила было много разных...

– ...временных подработок. Присмотреть за домом. Погулять с собакой. Но ничего постоянного, *стоящего*.

Как несправедливо и недостоверно! Вирджил уже собирался возразить, но предостерегающий взгляд матери его остановил. Она словно положила руку ему на плечо.

Для Уайти это была такая досада, что он не мог выиграть толком ни одного спора с хитроватым младшим сыном, хотя знал (и все знали), что он прав. Ему оставалось винить лишь самого себя (Уайти это признавал), что он согласился дать младшему сыну имя, выдуманное женой, вместо какого-нибудь традиционного – скажем, Мэттью.

С сыном, которого бы так звали, у него не было бы подобных стычек, как их никогда не было с Томом.

Вирджил всегда был задумчивым ребенком. Одиноким, упрямым. В школе – отстраненным. Среди сверстников –

темной лошадкой. Для брата и сестер – *мальшом*.

В одиннадцать лет Вирджил подпал под обаяние Уильяма Блейка, на стихи которого случайно наткнулся в старых школьных маминых антологиях на тесных книжных полках.

Если птица в клетке тесной —
Меркнет в гневе свод небесный⁴.

О! У Вирджила было такое чувство, будто через него пронесся поток, оставив его обессиленным.

Кто рождается на свет
Лишь для горести и бед.
Кто для радости беспечной,
Кто для ночи бесконечной⁵.

Материнские пометки на полях заинтриговали Вирджила. Раньше он себе не представлял мать юной девушкой, школьницей, сидящей в классе, обдумывающей стихотворение и делающей пометки от руки.

Он впадал в задумчивость, подобно матери, когда ей казалось, что она в комнате одна.

Имя Вирджил предложила Джессалин (кажется, так звали ее школьного учителя, молодого красавца, любителя поэзии?), и Уайти возражать не стал. Не так часто жена выра-

⁴ Уильям Блейк. Прорицание невинного. Перевод С. Маршака.

⁵ Уильям Блейк. Изречения невинности. Перевод Гоблина (псевдоним).

жала какие-то пожелания.

(Впоследствии он сожалел об уступке. Он считал почти всерьез, что все беды Вирджила проистекают от имени, полученного при рождении.)

Когда одиннадцатилетний Вирджил спросил мать про Уильяма Блейка, она поначалу даже не поняла, о ком идет речь. Поэзия – это было так давно. Она смутно помнила названия: «Изречения невинности», «Песни невинности и опыта». Когда Вирджил показал ей «Нортонскую антологию английской литературы», том второй, она не поверила, что это ее книга, пока он не продемонстрировал ей пометку на титульном листе: *Джессалин Ханна Сьюэлл*.

И только тогда она задумчиво произнесла:

– Ну да... теперь я кое-что вспоминаю.

Вскоре Вирджил открыл для себя пьянящую поэзию Уолта Уитмена, Джерарда Мэнли Хопкинса, Рембо, Бодлера. Его первыми литературными опытами стали подражания этим поэтам, так же как первыми попытками в рисовании стали подражания Матиссу, Кандинскому и Пикассо (цветные оттиски в «Искусстве европейских мастеров», еще одной книге, обнаруженной им в семейной библиотеке). Не по годам развитый юноша прочел (или попытался прочесть) «Илиаду» и «Одиссею», «Метаморфозы» Овидия, «Диалоги» Платона. «Энеида» его тезки Вергилия у него как-то не пошла.

Вирджил раздобыл подержанное пианино и настоял, что будет брать уроки. Позаимствовал у родственника старую флейту.

Он сочинял музыку к собственным стихам. А свои художественные замыслы называл визуализированной музыкой.

Хотелось думать о себе как о существе мифическом, этаком оракуле. А «Вирджил Маккларен» он воспринимал как западню, в которой Вирджил задыхался. Смысл жизни не сводился к записи в паспорте, он расширялся до безличного высшего «я». Он поставил перед собой великую цель – *очистить душу*. Свои стихи и художественные поделки он подписывал без фамилии: Вирджил (март 2005), Вирджил (сент. 2007).

Недоучившись в Оберлине и пару лет попутешествовав по стране, он вернулся в Северный Хэммонд и поселился в большом арендованном фермерском доме с постоянно меняющимся контингентом таких же художников-самоучек и политических активистов разного возраста. («Можно ли это считать коммунной хиппи?» – с тревогой спрашивала себя Джессалин.) Их идеал, говорил ей Вирджил, «морально безупречная» жизнь, без эксплуатации других людей или животных или окружающей среды, с приобретением пищи и услуг не за деньги, а путем естественного обмена. Ходили слухи, что они совершают ночные налеты на супермаркет «Дампстерс» и местные свалки. Однажды он принес в свое жилище слегка ободранный огнеупорный кухонный стол и че-

тыре стула, которые, как выяснилось, выбросила на помойку его старшая сестра. (Беверли была вне себя, ее родной братец превратился в «мусорщика», но он нисколько не смутился.)

Небольшие скульптуры Вирджила из бумаги, металлолома, изогнутой проволоки, веревок, бечевки и блесков выставлялись на передней веранде фермерского дома. Постепенно он снискал себе репутацию на местных художественных ярмарках, его работы хорошо продавались по низким ценам или «по бартеру». Изредка он даже получал какой-нибудь приз (не денежный). Муниципальный колледж пригласил его преподавать изобразительное искусство (*оплачиваемая должность*, и если бы он решил остаться, то это была бы постоянная работа со всеми бонусами), но после двух семестров он решил уйти по следующим соображениям: (1) а вдруг он занимает чужое место, в котором какой-то художник нуждается больше; (2) он предпочитает свободный график без обременяющих ограничений; (3) лучше иметь очень низкий годовой доход, чтобы не платить налоги.

Джессалин обрадовалась, когда он стал преподавать, и страшно огорчилась, когда он ушел из колледжа.

– Господи! Когда уже он начнет сам себя обеспечивать? – пробурчал Уайти.

– Дорогой, Вирджил себя обеспечивает... по крайней мере, частично. За счет своих художественных работ.

– Художественные работы, ха! Да это мусор в буквальном смысле слова. Не мрамор, не сталь, не... – Уайти подбирал

нужное слово, – не алебастр. Сколько может стоить *металлолом*?

– Мне кажется, искусство – это не вопрос материала, а того, что с ним делает художник, – с воодушевлением заговорила Джессалин. – Например, Пикассо...

– Пикассо! Ты это серьезно? Пикассо никогда бы не стал жить в Северном Хэммонде.

– Вирджил испытал влияние скульптора-затворника, делающего шкатулки... как его?.. Джозеф Корнелл. Он говорит, что занимается «искусством аутсайдеров»... такие художники не показывают свои работы в галереях.

– В галереях, ха! Пусть скажет спасибо, что может показать их в универсаме или на сельскохозяйственной ярмарке вместе с коровами и свиньями. Вот что это такое, «искусство аутсайдеров».

– Он показывал свои работы в городской библиотеке и в колледже, ты же знаешь.

– Ну да, большое достижение: выставка в помещении, а не на улице! – Уайти кипятился, умножая несправедливые высказывания.

– Ты хоть раз видел его скульптуры, Уайти? Полутораметровый петух, стоящий у меня в саду... смешной и довольно красивый. А как здорово придумано – смазать перья консервантом. И еще...

– У нашего сына нет страховки! Нет бонусов! Он «кормится от земли», как нищий.

– Дорогой, не говори глупостей. В случае чего он всегда может на нас рассчитывать. И он это знает.

Джессалин говорила с уверенностью, которой на самом деле не испытывала. Уайти взорвался:

– Он это *знает*? Откуда? Ты ему сказала?

– Нет, конечно. Вирджил никогда не просит денег... для себя. А когда они у него заводятся, он их раздает...

– Раздает! Мать честная!

У него это не укладывалось в голове: их сын, практически неимущий, жертвует, пусть даже небольшие суммы, не пойми кому – Центру по спасению животных, обществу по защите дикой природы «Зеленые акры» и Союзу защиты свобод. Вирджил – активист организации, выступающей против лабораторных экспериментов над дикими зверями. К ужасу Уайти, его сын попал на фотографию с десятком протестантов, пикетировавших научную лабораторию, а она, между прочим, принадлежит фармацевтической компании – клиенту Уайти. (К счастью, пикетчиков не сумели идентифицировать, так как фотография получилась нечеткая.)

Вирджил объяснял матери, что за всем этим скрывается философия. (Он мог нагряться к родителям в самое неожиданное время. Точнее, к матери, когда Уайти точно не было дома. Вирджили вообще была свойственна спонтанность, поэтому заранее он ее не предупреждал.) «Высший альтруизм» – кажется, так он это называл? Джессалин полагала, что начинать надо с умеренного альтруизма, а уже потом дохо-

дить до высшего. Но что-то доказывать Вирджили было бесполезно. Вот уж кто был далек от «умеренности».

Она не стала всего этого говорить Уайти, чтобы не разбедить его вспыльчивую натуру еще больше.

– Мне кажется, Джессалин, что ты нашего сына «поощряешь», как говорит Лорен. Ты делаешь его инфантильным, он никогда не повзрослеет.

– Уайти, ты к нему несправедлив. Вирджил совсем не инфантилен. Я считаю его самым социально ответственным и интеллектуально вовлеченным человеком из всех, кого мы знаем. Просто он «шагает под другой барабан»...

– Стоп. Кто это сказал?

– Что именно?

– «Шагает под другой барабан». Кто так сказал про Вирджила?

При всем своем разочаровании в младшем сыне Уайти неожиданно заулыбался. Джессалин даже несколько оторопела.

Вообще-то, это однажды сказал сам Вирджил, кажется цитируя известную фразу: «Если кто-то не ходит строем, значит он шагает под другой барабан».

Джессалин поинтересовалась, кто это сказал (прекрасный афоризм, который стоит запомнить), на что Вирджил пожал плечами: «Мама, да не все ли равно? Важно, что это было сказано»⁶.

⁶ Ср.: «Если человек не шагает в ногу со своими спутниками, может быть, это

Она ответила мужу, что уже не помнит. Кто-то так сказал. – И не все ли равно, дорогой? Важно, что это было сказано.

Ее беспокоила судьба Вирджила. Как всякая мать, она тревожилась, счастлив ли он и найдет ли кого-то, кто сделает его счастливым.

В юности у него хватало друзей, но не близких. И, насколько ей известно, ни одной подружки.

В отличие от Тома, за которым *увивались* подружки.

Она себе не представляла, как они там все живут в бывшем фермерском доме на Медвежьей горе. Что это, коммуна хиппи, как в шестидесятых, или просто какая-то развалюха с постоянно меняющимися жильцами? Они выращивали органические овощи и фрукты. Держали кур и продавали яйца. (Но не крупные, какие любил Уайти, и она их ему варила всмятку, а маленькие, от тощих кур, с отталкивающе грязной скорлупой. Джессалин приходилось их у него покупать, когда он приносил коробку или две, но она использовала эти яйца так, чтобы всячески скрыть их происхождение.)

Джессалин знала, что Вирджил «курил травку» (его выражение)... в прошлом. Покуривает ли он сейчас, ведя «органический» образ жизни, она спрашивать не решалась. От Вирджила, с его обезоруживающей откровенностью, можно

оттого, что он слышит звуки иного марша?» (Г. Д. Торо. Уолден, или жизнь в лесу. Перевод З. Александрова).

было услышать больше, чем она могла переварить.

Точно так же она не отваживалась спросить про его романтическую сторону жизни. Если слово «романтическая» в данном случае уместно. Она, конечно, видела его в компании женщин, но была ли у него с ними *связь*, еще большой вопрос. При полном отсутствии у Вирджила чувства собственника трудно было его себе представить в качестве *любownika*.

(Уйти – вот у кого было повышенное чувство собственника! Только вспомнить первые месяцы их романа... Достаточно было любому постороннему увидеть их вместе и то, как он на нее смотрит, чтобы понять суть их отношений. При одном воспоминании у нее по телу побежали мурашки.)

А с Вирджилом все непонятно. Молодые люди сейчас ведут себя совершенно иначе. Наступило «новое» время, двадцать первый век, и прежние обычаи уходят в прошлое, как бы это ни возмущало людей старой формации (вроде Уйти Маккларена).

И все же матери хотелось, чтобы Вирджил кого-то полюбил и ему ответили тем же. Трудно рассчитывать на то, что он женится и обзаведется детьми, как двое ее старшеньких... пожалуй, для него это уже слишком... но почему не помечтать?

Подругой Вирджила и тоже художницей оказалась Сабина, очень симпатичная девушка с треугольным личиком, недоразвитым искривленным телом и наголо обритой, с ме-

таллическим отливом головой. Джессалин случайно столкнулась с ними в шопинг-центре. Это был шок – увидеть, как ее сын толкает перед собой инвалидное кресло с капризной лысой девочкой, как показалось на первый взгляд! Они направлялись в хозяйственный отдел.

– Привет, мам! Познакомься с моей подругой Сабиной.

Джессалин пришлось склониться, чтобы пожать вялую ручку. Сабина растянула рот в недовольной гримасе, подобии улыбки.

– Сабина... правильно? Какое красивое имя...

На такую банальщину девушка не посчитала нужным отвечать. Она скрестила ручки на символической груди, давая понять, что ее терпение к Вирджилю вот-вот лопнет, поскольку ей позарез нужно в хозяйственный отдел.

Но или антенна Вирджила не улавливала такие знаки, или ему было в высшей степени безразлично недовольство подруги.

Он сообщил матери, что Сабина их «новая селянка» на ферме, что она вырезает «фантастические вещи» из натурального дерева, что у нее ученые степени по информатике, статистике и психологии и что она в восемнадцать лет выпустила поэтический сборник.

– Я люблю поэзию... когда я ее понимаю, – брякнула Джессалин.

– Это мама познакомила меня с Уильямом Блейком, – сказал Вирджил, глядя (умильно?) на голый синюшный череп

Сабины. – Даже если она его не понимала.

– А ты Блейка понимаешь? – Девушка вздернула глазки, сопроводив это короткой ухмылкой.

Вирджил рассмеялся, словно она сказала что-то остроумное.

Джессалин так и не поняла, была ли эта ухмылочка саркастической или приятной. Или и то и другое, нечто интимное, исключаящее ее, постороннюю.

– Приезжайте к нам в гости, – сказала Джессалин, но скривившееся личико ясно дало понять, что такой визит невозможен. Как разогнавшийся трейлер на крутом спуске, она поспешно проговорила: – В одно из ближайших воскресений? Да, Вирджил? Приезжайте с Сабиной к нам на ужин.

– Мам, даже не знаю. Сабина *веганка*, и она не переносит глютен...

Сабина смотрела на Джессалин так, словно ждала подтверждения. И Джессалин повторила приглашение, пусть и не так уверенно. Она готова посмотреть рецепты онлайн. Она приготовит Сабине особые блюда.

– Отлично, мама! – произнес Вирджил с натужным энтузиазмом.

И она прикусила язык, вместо того чтобы спросить: «Как насчет ближайшего воскресенья? Или через неделю?»

Молчаливая Сабина сидела скрестив руки на груди. Ей могло быть шестнадцать, а могло быть и тридцать шесть. Сморщенное личико сбивало с толку. Ноги тонкие, ступни

ребенка в розовых кроссовках с клетчатыми шнурками. И зубки мелкие, совсем детские.

– Мама, рад был тебя увидеть. Пока!

Вирджил с чувством облегчения покатил дальше инвалидное кресло, а Джессалин глядела им вслед.

И что она скажет Уайти? Не может же она не рассказать такую новость дорогому супругу, с которым делилась всеми подробностями прошедшего дня; а с другой стороны, как она ему объяснит эту игриво-двузначную манеру общения между Вирджилом и Сабиной? Понятно, что они близкие друзья... но насколько близкие? Неужели эта раздражительная скукоженная девушка – *любовница* их сына?

От таких мыслей у Джессалин сразу испортилось настроение. Лучше не забивать себе голову подобными фантазиями.

В общем, она сказала мужу, что случайно встретила в шопинг-центре Вирджила с напарником-художником и с ходу пригласила их на ужин.

– Хорошо. – Уайти кивнул, явно думая о своем.

– Напарник – девушка. Молодая, симпатичная.

– Отлично.

– *Веганка*. И у нее целиакия.

– Для нынешней молодежи обычное дело.

– Она в инвалидном кресле.

– *Что?* А по какой причине?

Тщательно подбирая слова, Джессалин сказала, что ей ничего не известно. Но вряд ли что-то «особенное», вроде му-

ковисцидоза... или болезни Герига.

– Я не удивлен.

– Не удивлен? В каком смысле?

– Да ни в каком. В этом весь Вирджил. Готов связаться с кем угодно.

– С кем угодно? Ты ее даже не видел!

– Да, я ее не видел. Зато я видел нашего сына и знаю его тягу ко всему ущербному. К убогим, к калекам.

– Уйти, как ты можешь такое говорить! Слово «калека» сейчас не произносят. Говорят «инвалид»...

– «Человек с инвалидностью», если на то пошло. Но я не критикую эту девушку, я комментирую действия нашего сына. – Уйти покраснел, как будто у него подскочила температура. – Помнишь, как он в десять лет привел в дом песика? Без ноги! Если бы ему встретилась собака *без двух ног*, он бы ее привел!

– Уйти, не надо так шутить.

– Если бы в радиусе десяти миль обнаружился слепой мальчик, Вирджил сразу бы с ним подружился. По-моему, он даже ездил на велосипеде в поисках знака «ОСТОРОЖНО: НЕЗРЯЧИЙ РЕБЕНОК». Его любимыми учителями были инвалиды... вспомни учителя математики с *деревянной ногой*.

– Не *деревянной*. Их делают из чего-то синтетического, вроде пластика, и называются они «протезы конечностей».

Уйти уже валял дурака. Он никогда не признается в том,

что всерьез расстроен. И Джессалин мужа не останавливала.

Главное, чтобы его больше никто, кроме нее, не слышал.

Позже, когда они лежали в постели в темноте и перебирали события дня, словно раскидывая большую мелкоячеистую сеть, Уайти неожиданно спросил:

– Ты сказала «она симпатичная»? То есть это девушка?

– Ну конечно девушка. Ее звали Сабина. – Джессалин секунду подумала и поправилась: – Ее *зовут* Сабина.

Но шли месяцы, а Вирджил ее к ним все не привозил, хотя и обещал.

– Скоро, мама! Сейчас просто много дел. Мы сажаем.

Или:

– Мы собираем урожай.

Не стоит и пытаться припереть его к стенке. Бесполезно.

Если его прижать, он может вовсе забыть дорогу в родительский дом. Пообещает приехать на ужин – и не придет. Чем вызовет раздражение отца. (Впрочем, ему обо всем этом лучше не знать.) К тому же связь с Вирджилом затруднена, так как у него нет мобильного телефона.

Со временем Вирджил сделался нескрываемо уклончивым. Он по-прежнему говорил «да», но его обиженного лица Джессалин предпочитала не замечать. Однажды она его прямо спросила:

– Ты по-прежнему видишься с Сабиной?

– Каждый день. Мы ведь живем в одном большом доме,

мама.

Он с трудом сдерживался. Она видела его морщинки на лбу (это у младшего-то сына!), бледные губы, бегающие глаза.

Ее так и подмывало спросить: *Но ты ее любишь? А она тебя? Вы живете вместе?*

Но момент был упущен. А сам Вирджил откровенничать не собирался.

В то утро он приехал на велосипеде. Уйти, понятно, не было дома.

Они трудились у нее в саду. Вирджил никогда не сидел сложа руки. Пропалывал, мотыжил, поливал, уносил с лужайки напáдавшие во время грозы ветки, помогал по кухне. Ему нравилась любая работа, только бы его не принуждали и не говорили приехать к определенному времени.

– Она здорова?

– Разумеется. Это же ее естественное состояние, а не болезнь. И не проклятье.

Он выдергивал сорняки из клумбы с маргаритками. От него пахло пóтом.

Он выразил желание принять душ. Оставалось только гадать, какие там у них ванны и душевые в фермерском доме на Медвежьей горе.

После того как он вымыл голову, Джессалин предложила вычесать ему колтуны; у него самого, похоже, это не очень-то получалось. Его красивые волнистые волосы с медным от-

ливом падали до плеч. «Как они похожи на мои. И глаза», – подумала она. И посмеялась над собственной глупой сентиментальностью.

Хотя она старалась не лезть в его личную жизнь, Джессалин оставляла за собой материнское право следить за чистой и опрятностью (взрослых) детей.

Позже, уже оседлав велосипед, который дети Беверли называли самым уродливым великом на свете и помещали фотографии в «Фейсбуке», Вирджил произнес с радостной улыбкой, как будто эта мысль только что пришла ему в голову:

– Как насчет воскресенья, мама? Ужин с Сабиной. Здесь, у вас. Через неделю. О’кей?

Кто это там с Вирджилом? Уж не Сабина ли?

Джессалин уставилась на высокого сутулого молодого мужчину в дальнем углу кафе: палевые волосы заплетены в конский хвост, из-под фермерского комбинезона выглядывает черная футболка.

Так вот он куда заходит, в больничное кафе!

(Вот где он *прячется*, сказала бы Беверли.)

Джессалин постаралась отвести глаза. Ты всегда оказываешься в неловком положении, наткнувшись на кого-то из своих детей, а они и не подозревают, что ты на них смотришь, хотя (уж точно) не собиралась за ними шпионить.

За столиком возле витражного окна от пола до потолка

яркий свет обрисовал два силуэта: Вирджила и молодой женщины, чье лицо не просматривалось. (Она лысая или в вязаной шапочке, какие носят пациенты после химиотерапии? А может, у нее отросли короткие волосы? Джессалин даже толком не могла понять, сидит девушка в инвалидном кресле или на стуле.) Они вели какой-то серьезный разговор.

Ее глаза даже при слабом освещении заволакивают слезы, можно ли им доверять? К тому же эту парочку заслоняют другие посетители.

– Вот свободный столик, мама! – Беверли вцепилась в ее локоть.

Джессалин пошатывается. Она провела несколько часов у постели мужа. Понимает, что это глупое суеверие – страх, что с ним произойдет нечто ужасное, если она оставит его одного...

Беверли отругала ее за то, что она так ни разу и не поела.

Мама, если ты заболеешь, папе легче от этого не станет. Ты должна поесть!

В семь утра, приехав в больницу, они не обнаружили на месте койку Уайти. Джессалин вскрикнула и едва не упала в обморок.

Но оказалось, что его увезли в радиологию на осмотр. Так объяснила им медсестра.

– Господи, вам что, трудно повесить на дверь записку? – возмутилась Беверли. – Так можно напугать посетителей до смерти. – А потом матери: – Не надо так расстраиваться. Они

проводят «осмотры». Невролог вчера сказал, что назначил папе МРТ на сегодня.

Да? Это было сказано? У Джессалин от переживаний в голове все перемешалось.

Отсутствие больничной койки. Белые стены и потолок. Человек исчез, как это прикажете понимать?

– Они бы нас предупредили, если... если бы произошли серьезные изменения. Тогда бы они не очистили эту дурацкую палату.

Бeverли говорила с таким напором, словно точно знала, как в таких случаях поступает медперсонал.

Когда через сорок минут в палату вкатили койку с пациентом, обвешанным капельницами, с полуприкрытыми глазами и неподвижным лицом, Джессалин показалось, что все же произошли едва заметные изменения, она даже улыбнулась. Кожа уже не такая восковая, губы не такие синюшные. Как будто по жилам снова потекла кровь.

И дышал он уже не через респиратор, а с помощью (не такой навязчивой) трубки.

Притом что каждый его вдох отражался на мониторе, фиксировавшем, сколько поглощается кислорода, чудо заключалось в том, что *он сам дышал*.

Накануне невролог им сказал, что реакции Уайти улучшаются. Прогресс медленный, но есть.

Держа его за руку, она видела, как подрагивают пальцы, чего раньше не было. Они словно хотели сжать ее руку в знак

признания, узнавания.

Привет! Я здесь!

Иногда его веки начинали дрожать – вот-вот выйдет из своего глубокого липкого сна. Можно было разглядеть его (красные) зрачки, причем левый глаз был (почти) в фокусе.

– Уайти, дорогой, ты меня слышишь?

– Папа, привет! Это Беверли...

Изматывающие надежды.

Маккларенам казалось, что их любимый Уайти барахтается под водой, прозрачной и такой осязаемой, отчаянно пытается выбраться на поверхность яви, но затем, обессилев, снова погружается на глубину.

– Папа, это Том.

– Папа, это София...

Их предупредили, как важно продолжать с ним разговаривать.

А вдруг (кто знает) он их слышит? Да (пока), не откликнется, но это еще не значит, что он *лишен восприятия*.

Вирджил тихо играл отцу на флейте. Вроде как сам ее вырезал из дерева и выкрасил в небесно-голубой цвет, напоминающий яйцо малиновки. Звуки, похожие на шепот, почти неслышные, неназойливые, едва угадываемая мелодия.

– Что это за мелодия, Вирджил? Что-то знакомое...

– Это не «мелодия». Это дыхание – мое дыхание. Чистые звуки, из которых рождается музыка.

Слышал ли Уайти эту музыку-дыхание? Джессалин пока-

залось, что его губы слабо зашевелились.

Хорошая новость: повреждение мозга у пациента «не обширное», а «локальное». Кровоизлияние в мозг было связано с главной артерией в районе мозжечка, но своевременное хирургическое вмешательство и внутривенное лечение спустя всего три часа после инсульта спасли ему жизнь.

Им показали видео МРТ. Завораживающее и одновременно пугающее зрелище: заглядывать в жутковатые закоулки человеческого мозга и видеть размытые ткани и невнятно пульсирующую кровь. Зато какое скрытое рвение в этой пульсации, сама жизнь!

(Словно зародыш в материнской утробе. Или бестелесная душа, в которой бьется живое.)

Никаких страшных опухолей или закупорки сосудов. Но просматриваются темные полосы: «дефицит мозговых клеток».

Джессалин смотрела и испытывала легкое головокружение. Где тот мужчина, которого она знала? На рентгеновских снимках?

Но МРТ – это не рентген, объяснили ей. В данном случае устанавливается «магнитное поле» и «посылаются радиоволны». Радиация больному не грозит; главное, чтобы организм не дал слабину от громовых раскатов мощной машины, от которых иногда не спасают наушники, и чтобы у пациента не случился приступ.

– А такое часто бывает? – встревожилась Джессалин.

– Если верить статистике, нечасто.

Она гнала от себя мысли, что Уайти мог испытывать страх или боль. Что он не отдавал себе отчета в том, где находится и что с ним происходит...

София, кое-что знавшая про магнитно-резонансные томографы благодаря курсу нейронауки в Корнеллском университете, рассказала, как пациента помещают в своего рода цилиндр и «загружают» в механическое устройство примерно на полчаса, чтобы выявить повреждения функций мозга. София находила эту технологию бесподобной, так как она могла доказать, что мозг инсультника продолжает функционировать, по крайней мере отдельные участки, даже если человек парализован и ни на что не реагирует. А сколько таких парализованных после инсульта больных получили диагноз «находится в вегетативном состоянии» и были брошены умирать...

В случае Уайти Маккларена можно было определенно говорить о *живом мозге*, как и о том, что у пациента проявляются *реакции*.

Он пережил инсульт и, возможно, сердечный приступ. Он пережил анестезию и хирургическое вмешательство. Его лечили внутривенно от окклюзии сосудов, и все жизненно важные проявления пристально мониторились.

Обычно жертвы инсульта нуждаются в длительной реабилитации. Если и когда Уайти можно будет перевести в реабилитационный центр, то на его лечение уйдут недели, если

не месяцы.

«Когда мой муж сможет вернуться домой?» Джессалин понимала, что доктор Фриденд вряд ли ответит ей на этот вопрос, и все же она его задала с трепетом испуганной супруги. Доктор с обескураживающей откровенностью сказал, что понятия не имеет... но через пару дней, может быть, что-то прояснится.

А где находится реабилитационный центр?

В Рочестере. Неблизкий, зато классный.

В семидесяти милях. Со временем Уайти сможет покинуть центр и жить в домашних условиях.

Жить в домашних условиях. Отличная новость!

Хотя довольно странная формулировка, если вдуматься. В этом слышится что-то зловещее.

(А что же Вирджил и Сабина? Они живут вместе?)

Джессалин не говорит остальным, что их младший брат сидит тут же, в кафе. Они его не заметили в толпе посетителей.

В десять утра Вирджил пришел в больничную палату. Он поиграл на флейте, и было впечатление, что Уайти слышит сладкие звуки-вздохи... Потом медсестра прервала его, чтобы взять кровь из несчастной вены, и Вирджил быстро покинул помещение.

– Мама, попробуй это. А киш с грибами мы можем поделить.

Беверли восторженно нашептывает. Сегодняшняя кон-

сультация с доктором Фридендом ее окрылила!

Джессалин понимает, насколько дети боятся потерять отца. Он всегда был такой сильный...

Она слушает Беверли вполуха. К ним присоединилась Лорен, которая (как всегда) сидит в телефоне.

Скоро должен появиться Том. А София сейчас сидит у постели отца, вся погруженная в свой лэптоп, обрабатывает данные для проекта в компании «Рэдклифф рисёрч партнерз».

Так это все-таки Сабина? Женский силуэт рядом с Вирджилом у окна, в которое бьет яркое солнце.

Джессалин хочется так думать. Маленькая Сабина в инвалидном кресле продемонстрировала сильную волю, кажется способную обуздать легкомысленного Вирджила.

(Но что ей делать в городской больнице? В качестве сопровождения? Вряд ли.)

Джессалин становится немного не по себе от мыслей о сексуальном начале младшего сына... его бессознательном стремлении соблазнить человека, его воркующих интонациях, его манере подаваться вперед и внимательно выслушивать собеседника, заглядывая ему в глаза...

Твой сын, он такой необычный, Джессалин.

Сразу видно, что он художник, поэт... не кто-нибудь.

Забавно: Вирджил умеет привлечь к себе внимание девушек и женщин, при этом не испытывая к ним никакого влечения.

С Сабиной иначе. На Джессалин во время короткой встречи она произвела впечатление более волевого человека, чем Вирджил.

(Реакция Уайти – «*девушка?*» – Джессалин не понравилась. А если бы в инвалидном кресле оказался парень, что-то изменилось бы? Ее подмывало задать мужу этот вопрос.)

Не вмешивайся в личные дела Вирджила, говорила себе Джессалин. Даже чтобы пожелать ему счастливой семейной жизни или просто «нормальных» отношений.

Она видела, как ему некомфортно с людьми определенного типа вроде Тома или Уайти. Агрессивными, принимающими свой мужской авторитет как данность. Вирджил подсознательно избегал старшего брата. А мать гнала от себя мысли, что Том издевался над младшеньким, когда тот еще был школьником.

А сколько раз она видела, как Вирджил съеживался от сурового отцовского взгляда. От его (безапелляционных) суждений.

Ну почему Уайти не может любить Вирджила так же, как других своих детей? Том был для него уменьшенной версией его самого, а дочерей он обожал просто как девочек.

Уайти смотрел на Тома-младенца с любовью, удивлением, озадаченностью и благоговением. Он и представить себе не мог, что когда-нибудь будет «сходить с ума» по новорожденному! Сам себе удивлялся: ребенок родился в самое заповоленное время, когда он, неопытный гендиректор малень-

кой барахтающейся компании, должен был тщательно отрабатывать каждую сделку, чтобы все не закончилось банкротством... и при этом он мог часами разглядывать младенца.

Он пытался его пеленать, хотя у него это плохо получалось.

Любовь к первому ребенку буквально перевернула Уайти. Тогда-то Джессалин и поняла, за какого хорошего, доброго и ответственного мужчину она вышла замуж. Дочек он тоже любил, хотя и без такой одержимости. Даже Лорен, самая независимая из пятерых, с детства самая большая спорщица, так не подрывала отцовский авторитет, как это делал (непреднамеренно) Вирджил.

Ребенок, не получающий достаточно любви от одного родителя, забирает всю любовь другого.

(Кто это сказал? Мудрый Уильям Блейк? Уолт Уитмен? Или сама Джессалин?)

– Привет, мам! – Прибывший последним Том наклонился и поцеловал мать в щеку.

В своей привычной твердой манере он забирает чей-то пустой стул и присоединяется к ним за семейным столом. Высокий красавец с крепкой нижней челюстью, отцовскими глубоко посаженными глазами и таким же напором. Невозможно поверить, что ему уже под сорок, настолько он по-юношески энергичен.

Пальцы, которыми он сжал ее ладонь, оказались на удивление холодными.

Том чувствует себя в больнице неудобно. Боится даже думать, каким он увидит отца.

Они спешат его успокоить: результаты МРТ обнадеживают. Похоже, Уайти скоро переведут в реабилитационный центр.

(Так сказал доктор Фридленд? Джессалин пытается вспомнить точные слова невролога, но не получается.)

Между тем в дальнем углу кафе Вирджил и его компаньонка (теперь ясно, что не Сабина) встают из-за стола. Стройная молодая женщина примерно его возраста в белом халате, видимо из обслуживающего персонала, уже успел познакомиться.

Врач-терапевт? Очень короткая стрижка, но хотя бы не лысая. Джессалин ее раньше не видела. Вирджил со многими в больнице перезнакомился, а некоторых даже зарисовал. Он ходил по коридорам и делал наброски (с разрешения «моделей», хочется надеяться). Завязывать такие мимолетные знакомства – это в его духе.

Молодая женщина на прощание трогает его за плечо. Вирджил улыбается ей вслед, снова садится, берет пальцами что-то с ее тарелки и начинает есть, довольный, что его оставили одного и можно раскрыть блокнот для рисования.

Видно, что он мгновенно забыл об этой женщине.

«Очистил душу», любил повторять он. Что он в это вкладывал, можно было только гадать.

«Свидетельство»

– Том! Что ты делаешь?..

Он снимал на айфон (явные) отцовские увечья. Округлые, похожие на ожоги ранки на лице, горле, руках и даже на предплечьях, хотя в день «аварии» он был в рубашке с длинными рукавами и в пиджаке.

– Ты вторгаешься в личную жизнь отца, Том! Ты же знаешь, как папа не любит казаться слабым или больным. Он бы категорически возражал против того, чтобы кто-то увидел его в таком непритязательном виде...

Как же не вовремя в палату вошла самая бойкая из его сестер. Том этого никак не ждал. Уайти пребывал в «мирном», бессознательном состоянии, не ведая (Том не сомневался), кто находится с ним в одном пространстве. Он дышал медленно и ритмично, а не судорожно, как раньше, но с хрипотцой, словно кто-то сминал бумагу.

– Я говорю с тобой, Том! Не делай вид, что ты меня не слышишь.

Том продолжал фотографировать, словно ее не слыша. Старший брат не обязан отчитываться перед младшими за свои действия, и с годами это правило не меняется.

Лорен попыталась вырвать айфон из его рук, а в результате он ее оттолкнул.

– Как ты смеешь, бандит?

– Не лезь не в свое дело.

– Папа – это мое дело.

Они словно вернулись в свое детство. В юность. Двое лихих Маккларенов, с которыми остальные предпочитали не связываться.

– Папа – наше общее «дело». И не ори, а то он может услышать.

– Сам не ори. Ты стоишь прямо над ним.

Том пока не собирался никого посвящать в эту передрыгу. *Передрыга* – именно так представлялась ему неординарная ситуация.

Отцовские увечья не выглядели как последствия инсульта.

Или автомобильной аварии.

Или сработавшей подушки безопасности.

Сделав дюжину фотографий, Том послал их самому себе на почту. После чего спрятал телефон в карман.

– Я... мне кажется... в данных обстоятельствах... – Лорен уже не говорила как командир; ее голос дрожал. – Когда папа выглядит таким старым... таким беспомощным... мне кажется, это нехорошо.

– Ладно. Извини.

– Ты же знаешь, какой он чувствительный, какой тщеславный...

– Эти фотографии никто не увидит, обещаю.

– Тогда зачем снимать?

– Для архива. Для себя.

Он уже успел обсудить ситуацию с Мортонем Капланом.

Мол, есть основания подозревать, что отцовские увечья не являются следствием сдетонировавшей подушки безопасности или автомобильной аварии.

– Я не исключаю, что это электрошокеры.

– Электрошокеры? То есть полиция?

– Да. Не исключаю.

Каплан не отреагировал так, как можно было ожидать от приятеля Уайти Маккларена.

Даже после того, как Том показал фотографии в айфоне, у доктора оставались сомнения.

– Но зачем? Зачем полицейским проделывать такое с пожилым человеком, у которого случился инсульт за рулем?

Пловец

Помогите. Дайте мне руку.

Умоляет. Он видит всех как в тумане.

А сам где-то на глубине, вроде акулы.

Кое-как передвигается. Ноги и руки налиты свинцом.

Их голоса до него слабо доносятся.

Говорить не может, гортань запаяна.

Конечности с трудом преодолевают липкую водную среду.

Он никогда не был хорошим пловцом. И дело уже не поправишь.

Но дышать кое-как пока удастся.

В горле проделали дырочку и воткнули туда соломинку. Через нее воздух доходит до мозга, поддерживает в нем жизнь.

Ошибочка. Дырочка проделана в трахее. И в нее вводят какую-то жгучую кислоту.

В ноздри вставлены легкие пластиковые трубочки для подачи кислорода.

Катетер связан непосредственно с сердцем. Оно ритмично сокращается.

Они вскрыли его черепную коробку. Он слышал звуки дрели. Втягивал запахи паленой кости. Свисал лоскут кожи. Кровь с шумом втягивалась через соломинки.

Остается надеяться, что они полностью удалили из вен

старую зараженную кровь. Всю ночь работают помпы, точно насосы в выгребной яме.

Бесконечная ночь. И дни воспринимаются так же.

Дикая усталость! Но сдаваться он не собирается...

Наконец (в очередной раз?) он всплывает почти к самой поверхности. Видит бурлящие слепящие буруны, сквозь которые он должен пробиться...

А по ту сторону – лица, голоса.

Уйти, дорогой!

Папа!

Вечеринка

– Мама и София едут со мной.

– Постой! Маму отвезу я.

– Ты ее утром отвозила. Она сама предложила поехать со мной.

– Но нам с мамой надо поговорить!

– *Ах, вам с мамой надо поговорить.*

Вот так она вдруг превратилась в пассажира, которого куда-то отвозят.

И говорят о ней в третьем лице.

– Давай я тебя накормлю. Пожалуйста! Я уже несколько дней не включала плиту.

В холодильнике яйца, бекон. В морозилке копченый лосось, любимая еда Уайти. И зерновой хлеб с фермерского рынка.

Она страшно устала. Голова кругом. И при этом (несчастливая, отчаявшаяся) жаждет выступить в качестве хозяйки дома.

Она будет рада сейчас, когда все в напряжении, приготовить еду – ничего изысканного, простой «ночной завтрак» для детей.

Кто получил бы наибольшее удовольствие от этого импро-

визированного застолья в старом доме, с любимыми сырами (проволоне, чеддер, бри) и любимыми шведскими крекерами? Кто достал бы из холодильника упаковку с шестью бутылками темного немецкого эля и раздал бы всем фужеры?

Уайти, кто же еще. Вот такие незапланированные, незатейливые семейные посиделки сильно порадовали бы ее мужа.

– Мама, нет! Даже слушать не желаем.

– Мам, ты садись. Мы тебя накормим.

Заранее все планируя, Беверли еще раньше привезла несколько замороженных пицц, на которые все набросятся, как голодные коршуны, несмотря на материнские протесты.

Они усадили ее за стол.

Еще не хватало, чтобы она за ними ухаживала.

– Нет, мама.

– Но...

– Тебе же говорят. Нет!

Вот выйдет Уайти из больницы, приедет домой, и тогда она будет ему готовить его любимые блюда. Будет ухаживать за ним. Со всем удовольствием.

Поначалу Уайти будет трудно подниматься на второй этаж. У него, судя по всему, отказала правая нога. Остается надеяться, что временно. Восстановление наверняка будет долгим.

Джессалин уже спланировала, как переделать гостевую на первом этаже в комнату для мужа. Оттуда можно выйти на

веранду из красного дерева. В окно от пола до потолка видно речку, текущую вдоль холма.

Ей, конечно, придется перебраться в эту комнату, поскольку Уайти не привык спать один.

Помнится, он уехал из города – это было связано то ли с бизнесом, то ли с политикой. Заночевал в Олбани, под Нью-Йорком. Позвонил сказать, как он по ней скучает.

По ночам просыпаюсь, что-то не так, чего-то мне не хватает. Моей драгоценной жены.

Новости обнадеживающие. Врачи используют разные комбинации лекарств для снижения кровяного давления и сосудистой окклюзии. Еще одно лекарство стабилизирует сердечный ритм. Поврежденную мозговую артерию восстановили с помощью хирургического вмешательства. Кровообращение и жизненно важные органы практически в норме: сердце, легкие, печень, почки. К нему мучительно возвращалось сознание – то пропадало, то снова восстанавливалось, как слабый радиосигнал. Он уже мог пить жидкости из чайной ложечки.

Глотательный рефлекс вернулся. Отличный знак!

За этим последует протертая еда – «мягкая пища».

Но такие слова, как *сосудистая окклюзия*, все еще пугали.

Оставить больного было страшно. Теперь, когда он приходит в сознание и даже пытается заговорить...

Сегодня показалось, что Уайти скоро сумеет издавать не только шипящие звуки. Вот-вот послышатся членораздель-

ные слова.

Его здоровый глаз все лучше фокусируется. А вот «прозреет» ли поврежденный правый глаз, было непонятно.

Определенно, Уайти уже узнавал свою драгоценную жену.

Несколько раз он (почти) выдавил из себя кривую улыбку.

Потребуется время. Бывают случаи регресса.

Слезящийся здоровый глаз не отрывался от лица жены, но потом тускнел, внутренний свет куда-то пропадал, и запечатленный на роговице образ гас как свеча.

Она вспоминала, как держала на коленях младенцев.

Пятерых детей вскоре после рождения. Внуков.

Этот неотрывный младенческий взгляд. Две сплошные радужки.

Жаждают познаний. Уже благоговеют перед тем, что вберет в себя их мозг.

Она наклонялась, чтобы поцеловать младенца в горячую бровку.

Сейчас поцеловала мужа в едва теплую бровь.

Люблю люблю люблю

Тактильное общение – вот самый верный диалог с жертвой инсульта (как объяснила медсестра).

Выздоровление – долгий процесс. Терапия занимает много времени.

Как долго? Никто не знает.

Мысль, чтобы его бросить, приводила ее в ужас. А ведь ему может показаться, что она бросила его одного на этой

койке, в этой палате, пока не вернется утром, чтобы снова взять в руки его ладонь и поцеловать.

Им не позволили ночевать в интенсивной терапии. Вам важно (так им сказали) поддерживать себя и спать дома.

Эти чертовы больницы – рассадники вирусов и микробов. Здесь это называется «стафилококк».

Забери меня отсюда!

(Она улыбнулась, услышав голос Уайти. Смеха ради он мог изображать неукротимую ярость.)

(Интересно, они заметили ее тихую улыбку? Задумались, чем она была вызвана?)

Резкий дух темного немецкого эля. Пицца – плавленый сыр, много теста.

Запах... сигаретного дыма?

Но ведь никто из детей не курит. Уайти тоже завязал, уже давно.

Для него это было непросто. Бедный папа!

Как же Джессалин не любила эти кубинские сигары.

Она не требовала, чтобы он бросил. Лишь бы не курил в доме.

Хорошо, дорогая. К сигарному дыму надо еще привыкнуть.

Это стало их семейной шуткой.

Шутили они по разным поводам: над привычкой Джессалин содержать дом в чистоте и порядке, над привычкой Уайти бросать вещи там, где стоит.

Над тем, как она «смирно» водит машину.

В отличие от «агрессивной» езды Уайти.

Всплыла тема отцовской «тойоты-хайлендер». Том сказал, что не обнаружил никаких следов аварии. И подушка безопасности не сработала.

– Как это понимать? – спросила Лорен.

Вдруг стол накренился. Джессалин показалось, будто ей нанесли удар в лицо.

– Мама! Что с тобой...

– Помогите ей подняться. Надо отвезти ее домой.

Она пыталась протестовать, но ее никто не слушал. Ноги подгибались, встать сама она не могла.

Вилка со звоном упала на пол.

Кто-то подставил ей локоть:

– Обопрись на меня.

Когда-то она вот так же помогала детям подняться по лестнице на второй этаж. Их пальцы переплетались. Она тянула за собой младшеньких, желавших еще поиграть вместе со старшими.

Скоро будете играть до девяти, обещала она недовольным.

Нет, не *скоро*, а *сейчас*.

Уже не вспомнить, кто из них больше всех упрямылся. Том? Лорен? Все были упрямые.

Вспоминает с улыбкой, как их отец хватал упрянца, поднимал его (или ее), дрыгающего ногами, и сажал себе на плечи. Это называлось «поехали на папе».

Они старались как-то управлять этим стадом гусей.

Каждый в отдельности более или менее слушался, но все вместе... Разбредающееся стадо гусей, которых надо как-то вести по тропе.

Если один или два подчинялись, то остальные непременно сворачивали в сторону.

– Вы переночуете здесь? Не ехать же домой в такой поздний час...

– Да, мама. Мы переночуем здесь.

Теперь можно расслабиться. Все дети под одной крышей. В безопасности.

Она хотела самостоятельно подняться наверх, но они ее поддерживали, словно не доверяя.

Она пыталась им объяснить, что в будущем они с Уайти будут спать внизу, в гостевой комнате, но ее никто не слушал. Они помогали ей раздеться, укладывали в кровать.

Ей так хотелось принять горячую ванну, но сил не было. От нее уже пахивало... может быть, утром...

Слишком рано приходится просыпаться. В этом проблема.

Провалилась в глубокий горячечный сон, а через пару часов проснулась в полной темноте и слушала одинокие удары сердца.

Пыталась вспомнить, в чем разница между КТ и МРТ.

А также названия (очень дорогих) лекарств, вводимых в вены больному, чтобы уменьшить *окклюзию*, грозящую ле-

тальным исходом.

На листке бумаги она выписала незнакомые слова... не зная правильной орфографии, не решаясь уточнить у невролога.

(Но где этот листок? Потеряла.)

(Или он где-то в сумочке. Надо будет поискать.)

(В больнице ее бросило в холодный пот – потеряла бумажник, а там кредитные и страховые карточки, водительское удостоверение, двадцати- и пятидесятидолларовые купюры, которые Уайти ей дал «на всякий случай». Она поспешила назад в дамскую комнату, но бумажника там не нашла. Еще раз перевернула сумочку с использованными одноразовыми салфетками, сложенными листками, мобильным телефоном (подарком Уайти), которым она почти не пользовалась... и обнаружила! *Слава тебе господи.*)

– Это твоя ночнушка, мама? Ты ее до сих пор носишь? – Беверли разговаривала с ней так, будто мать (уже) инвалид.

Что не так с ее цветастой фланелевой сорочкой, которую так любил Уайти, несмотря на то что она изрядно поизносилась?

Дочери осматривались. Эта «господская спальня» в детстве была для них загадкой. Они знали, что туда не надо совать нос, пока их туда не позвали.

Большая комната с тонкими белыми занавесками, которые в теплую погоду, при открытых окнах, шевелились и переливались словно живые. Маленькая София, проходя ми-

мо, старалась не заглядывать внутрь – эти волнообразные движения ее пугали.

Сейчас София держалась в стороне, пока старшие сестры хлопотали вокруг матери. Лорен не вызывала у нее теплых чувств, а Беверли, растолстевшая и истеричная, ее раздражала. Обе старались взять часть материнских страданий на себя, словно могли их облегчить. Она испытывала к ним негодование, даже ярость.

Старшие сестры всегда третировали Софию. Лорен в особенности. Беверли ей казалась такой *мясистой*... эти огромные бюстгалтеры вызывали у нее, с ее маленькой грудью, отвращение. Но при этом они ее интриговали... как и их месячные, державшиеся в тайне от мужчин... это ее сильно смущало.

Ты вот что, помалкивай. Ясно?

Интересно, Джессалин знала, как старшие сестры помыкают младшей сестренкой?

Страшно подумать о том (если только не относиться к этому с юмором), как детские модели поведения переносятся во взрослую жизнь.

– Мама, неужто ты заправляешь кровать? У тебя здесь такой *порядок*.

Но чему тут удивляться? Что Джессалин каждое утро аккуратно заправляет кровать, подтыкает простыню, разглаживает белое атласное покрывало, невзирая на семейный кризис?

Старшие дочери ласково над ней посмеивались. Но при этом в их глазах стояли слезы, которые она предпочитала не видеть.

Джессалин механически поддерживала порядок в доме. Подбирала брошенные мужем вещи, расставляла его обувь в стенном шкафу. Складывала носки, нижнее белье. Ключи от машины, бумажник, мобильный телефон, карманную адресную книжку – все, что Уайти бросал где попало. И вот, после того как муж провел несколько дней в больнице, его привычные места, вечно заваленные, теперь выглядели идеально – аккуратистка приняла вызов.

Она вспомнила слова Луизы Мэй Олкотт, которые поразили ее много лет назад: *Когда уже наконец я отдохну? Когда умру.*

А когда в этом доме наступят чистота и порядок? Когда умрет... супруг.

Только не упасть в обморок. На глазах у дочерей.

Быстро лечь в кровать и пониже опустить голову на подушке, чтобы кровь прилила к голове и восстановилось сознание.

– Мама, спокойной ночи! Постарайся поспать.

Все трое по очереди ее поцеловали, выключили свет и покинули спальню.

Постепенно проваливается в сон, слыша далекие голоса на кухне.

Убаюкивающие голоса. Иначе было бы совсем тоскливо.

Она держит его руку. Их пальцы переплелись. Все это в полной темноте.

Похоже, у нас там внизу вечеринка. Кто ее устроил?

Дети, дорогой. Кто ж еще?

Дети! Кажется, они счастливы.

Наверно. Всем хочется быть счастливыми.

А почему мы не с ними, Джессалин? Почему мы здесь? Давай спустимся и присоединимся к ним.

Разволновавшись, он выпрастывает голые ноги из-под одеяла, ему не терпится, он в недоумении, притаились тут, как убогие старики, а дети там пожирают пиццу (он уже учуял запах), пьют его эль и пиво, как будто и не покидали этот дом, но факт остается фактом: в юности, живя здесь, они никогда не устраивали вечеринки в столь поздний час, у каждого свои друзья, и все настолько разного возраста, что вместе им не сойтись, а сейчас они одно целое, очень странно, неестественно – в чем причина? что заставило их вернуться домой? *Уж не поминки ли?*

Уйти весь кипит, он требует от жены ответа.

Мутант

– Вирджил! Куда, черт возьми, ты опять сваливаешь?

Детей Маккларенов, людей ответственных, бесит, что самый младший постоянно сбегает из больницы.

Утром приезжает вместе со всеми, проводит с отцом десять-пятнадцать минут и, поиграв на флейте (можно подумать, их отец в том состоянии, когда он способен слушать эту дурацкую музыку), куда-то исчезает.

А затем снова появляется как ни в чем не бывало. Словно и не пропадал.

(Слонялся по больнице? Делал зарисовки? Заводил знакомства в своем лицемерно-хипповом стиле?)

Находясь вместе с другими в приемном отделении, он был не в состоянии усидеть больше трех минут. Слушать (идушие нон-стоп) новости по Си-эн-эн. Если кто-то задавал ему серьезный вопрос, он отвечал уклончивой улыбочкой и через несколько секунд исчезал.

Только София еще могла уговорить его перекусить с ней внизу в кафе. Редко это удавалось старшим сестрам и практически никогда – Тому.

Даже с матерью он вел себя в больнице так странно, что иногда хотелось его придушить.

Сальные белокурые волосы оттенка помоев собраны сзади в неряшливый конский хвост. Костлявые ноги в откры-

тых сандалиях выпачканы грязью. Нелепый прикид: хипповатый комбинезон фермера, мятый пуловер. Плюс блокнот для рисования! И вырезанная из дерева флейта! Невероятно, но девушки и женщины постарше поглядывали на него с улыбкой, выражавшей интерес и какие-то ожидания.

Простите. Кажется, вы...

Беверли и Лорен с удивлением увидели, как к нему обращается привлекательная молодая женщина и уточняет, действительно ли он художник Вирджил *Макнамара*, проживающий в Хэммонде, автор скульптур животных.

Их взбесило то, как их братец со свойственной ему ложной скромностью признался: «Да, просто Вирджил. Это я».

Вирджила меньше, чем остальных, волновало состояние Уайти. Если они начинали говорить об отце, он спешил перевести разговор на другие темы: общество охраны окружающей среды «Спасите наши Великие озера», активистом которого он был; пикетирование лаборатории в Рочестере, где ставят жестокие эксперименты на кроликах, испытывая косметические препараты. Вирджил, как голодный боа-констриктор, готов был вцепиться в любую злободневную тему, только не в семейный кризис, разворачивающийся на их глазах.

Вместе с другими он слушал пространные пояснения доктора Фриденда относительно состояния Уайти и необходимой физиотерапии для восстановления «когнитивных» и «моторных» навыков, утраченных из-за инсульта. Больному

понадобится разнообразная помощь – эмоциональная и физическая, – чтобы он снова начал ходить, разговаривать, есть и пить; ежедневная практика, как в реабилитационной клинике, так и дома. Когда он вернется домой.

И когда же он вернется? – спрашивали все. Кроме Вирджила.

У всех были вопросы к доктору. Кроме него.

Особенно у Софии с ее знанием биологии и нейронауки. Всех впечатлила младшая сестра, разбиравшаяся в этих вопросах гораздо лучше их и умевшая точно формулировать вопросы. А в детстве была *тихоней* и они ее просто игнорировали.

Никто и не заметил, как Вирджил испарился из врачебного кабинета.

– Ему плевать на то, что папа серьезно болен.

– Это не его реальность. Вот и все.

– Для Вирджила единственная реальность – это он сам.

– Может, у него синдром беспокойных ног.

– Это шутка?

– Ну, считай, что шутка.

– Почему шутка? Про синдром беспокойных ног можно прочитать в медицинских статьях. Неврологическое расстройство.

– Ты уверена? Больше похоже на шутку.

– У Стива что-то такое... во сне часто дергается нога.

– У Вирджила, скорее, другое неврологическое расстройство. Отсутствие части мозга.

– Не говори глупости! Вечно ты преувеличиваешь. Просто он испорченный и ленивый. Это мама его испортила.

– Не перекладывай все на мать! Он сам себя испортил.

– У него отсутствует часть мозга, реагирующая на социальные сигналы. Он один из этих... – Беверли мысленно подыскивала правильный клинический термин: нет, не *артистов*, хотя похоже. Если она произнесет что-то не то, над ней все посмеются, и важный смысл, с которым они наверняка согласны, будет потерян, – ... *аутистов*. Другое дело, что он художник-аутист. У него нет сочувствия к тем, кто этого достоин, к своей семье, зато он испытывает сочувствие не пойми к кому, к совершенно посторонним людям... к животным! Вирджил понимает, что у отца случился инсульт и что Уайти мог умереть, но для него это не настолько реально, как для нас.

От этих самодовольных жестоких слов Софию передернуло. Уже несколько минут она испытывала сильное желание заткнуть уши. Но тут не выдержала и вскочила:

– До чего же ты категорична! Он по-своему сопереживает отцу. Ты не любишь Вирджила, потому что не понимаешь. В глубине души ты его ревнуешь.

София второпях покинула кафе. Том, Беверли и Лорен провожали ее остолбенелыми взглядами.

Беверли тихо произнесла с мрачной ухмылкой:

– Ее тоже.

– Папа не имел бы ничего против.

– Ты шутишь? Папа был бы только *за*.

В ту ночь Том разливал всем отцовский виски «Джонни Уокер блэк лейбл» на кухне в семейном доме на Олд Фарм-роуд.

Они не стали разогревать пиццу в микроволновке. Ранее в больничном кафе они перекусывали посменно. В буфете обнаружили коробки с кукурузными хлопьями и сейчас пригоршнями отправляли их в рот, как орешки. Еще нашли остатки любимых отцовских сыров, а также шведских крекеров. Арахисовое масло они ели ложками прямо из банки, чего никогда бы себе не позволили в детские годы.

– Слышала про фобию арахисового масла? Страх, что оно может застрять между зубов.

– Сейчас придумала?

– Ничего я не придумала! С какой стати?

– Существуют самые разные фобии. Клаустрофобия, агорафобия... про них все знают. А вот, например, экинофобия – боязнь лошадей. Есть боязнь пауков, тараканов...

– А также собак, секса, крови, смерти... плюс «фобия».

– Да. Всего, что угодно.

Том поставил жирную точку.

Джессалин отправилась спать, как только они вернулись

из больницы. София тихо ускользнула и свернулась под одеялом в своей старой кровати, сбросив только обувь и верхнюю одежду. А Вирджил, их главная забота, и спать не лег, и не присоединился к застолью, предпочтя прогулку под холодным светом зарождающейся луны.

– Что он там делает? Общается с инопланетянами?

Эти слова были встречены смехом, но каким-то натуженным.

Глотая виски, приятно обжигавший горло и устремлявшийся прямо к сердцу, Беверли подумала: их младший брат сам похож на инопланетянина!

Вспомнилось кино, которое она смотрела подростком. «Человек, который упал на Землю»? Бесполой, с диковатыми глазами Дэвид Боуи в роли инопланетянина, прилетевший с каким-то заведомо обреченным планом... каким, она уже не помнит или тогда толком не поняла.

– А где он будет спать? Может, в подвальном этаже, на диване?

– В своей старой комнате.

– Он туда ни ногой. Сам признался.

– Это почему?

– Кто знает. Сама у него спроси.

– А мне моя старая комната нравится. Хотя так странно – проснуться утром, и тебя словно мешком по голове: *а ведь я уже не девочка, у меня у самой двое детей-подростков.*

– Ой, не говори!

– Помнишь, в школе нас спрашивали: мы, наверно, католики? Пятеро детей!

– Не так уж и много...

– Много. В моей школе удивляются семье с двумя детьми, не говоря уже о пяти.

Лорен взяла паузу, давая время обдумать ею сказанное. Беверли разозлилась, угадав подтекст: *Двое детей, рабочая семья. Чернокожие или латиносы, а если белые, то ниже плинтуса, необразованные.*

У них со Стивом в общей сложности больше трех детей, и Лорен это прекрасно знает. Но Беверли ей не позволит тыкать себе в нос.

– Мама в этих случаях очень вежливо, с достоинством, как она это умеет, отвечала: «Нет, мы не католики. Просто мы любим детей».

– На Олд Фарм-роуд мы самое большое семейство.

– Здесь в основном живут старики. Наши соседи не видят своих детей годами.

– Мы тоже давно не живем «дома». И я не считаю наших родителей стариками.

А сама подумала, что после инсульта Уайти стал похож на старика.

– Я тебе так скажу: София была ошибкой.

– И Вирджил тоже.

Старшие сестры, считавшие себя *желанными*, посмеялись, как две заговорщицы.

– Вирджил не просто ошибка, он аномалия.

– Как это называется... мутант...

– Бедная мама. Как, по-твоему, отец винит ее за то, что

Вирджил стал таким?

– Нет, конечно. Скажешь тоже. Он никогда ее ни в чем не обвинит.

– Он был против того, чтобы она работала.

– Но и не запрещал.

– Она хотела преподавать, у нее же есть степень, и она прошла необычный курс... комплит...⁷ что-то в этом роде.

– Забота об отце требует полного рабочего дня. Не говоря уже о пяти подростках и обязанностях по дому.

– Нам все завидовали. «Идеальная мать».

– Я по-прежнему так считаю.

– Кто бы спорил.

Сестры наконец умолкли. Том плеснул им еще янтарной жидкости, и они молча выпили.

* * *

– Привет, пап, – робко произнес он.

Как непривычно подходить к отцу, лежащему в постели.

(Он и ребенком никогда этого не делал.)

(Родительская спальня всегда была для них запретной

⁷ Компьютерная литература.

территорией. Даже если бы Вирджилу захотелось ее лучше рассмотреть, он бы не отважился. Нет!)

(Зато сейчас, будучи взрослым, он может шастать по дому, где ему заблагорассудится, матери до этого нет дела, она работает в саду или находится в другом месте. *Сынок, я тебе полностью доверяю.*)

(Ей даже не нужно ничего говорить. Это и без слов понятно.)

– Папа, это я, Вирджил.

Чувство неловкости. Язык не ворочается.

В реальной жизни отец и сын никогда не оказывались в такой близости.

В нормальных обстоятельствах Уайти отстранился бы от Вирджила. И Вирджил благоразумно предпочел бы сохранять дистанцию. Все это происходило на подсознательном уровне. (Какое минимальное расстояние? Двенадцать дюймов? Двадцать?) Никаких рукопожатий, никаких объятий.

Но нынешние обстоятельства нормальными не назовешь. Это больница. Вирджил с тревогой отмечает, какие здесь ненадежные полы. Казалось, крепко стоишь на ногах – и вот уже ты присел.

А на больничной лестнице он уже испытал легкое головокружение. Лифта он избегает. Людей (он замечал) раздражает его эксцентричное поведение, хотя оно совсем даже не эксцентричное, а обдуманное. Как им объяснишь, что ты не горишь желанием стоять вплотную в лифте, чувствуя на себе

их дыхание, сдавленный их телами... Том, Беверли, Лорен, даже София, даже мать... нет уж, спасибо.

Клаустрофобия. Семейная жизнь, уплотнившаяся до размеров лифта.

Он принес с собой флейту. А чем еще он может занять руки? Что он будет *делать*?

На приподнятой больничной койке шестидесятисемилетний пациент то ли спит, то ли бодрствует. Непонятно, замечает он ерзающего на стуле посетителя или не замечает. Его потрепанное лицо краснее обычного, а веки беспрерывно дрожат, как будто он сам с собой о чем-то спорит. И губы дрожат, мокрые от слюны. Кажется, что вот сейчас он заговорит, а его не совсем сфокусированный правый глаз наконец тебя *увидит*.

Над ним явно совершили какое-то насилие. Его редющие седые волосы неровно обрили, обнажив бледный пятнистый череп.

На мощных руках видны синяки и загадочные ранки, словно от укусов насекомых. В вырезе больничной рубахи, на мясистой груди, покрытой седыми волосами, тоже можно разглядеть непонятные ранки, но они уже не так заметны, почти сошли. Не хотелось думать о катетере, отводившем отцовскую мочу в пластиковый контейнер под койкой, как и о трубочках капельницы, вливавших жидкость в вены, как в затейливой машине Руба Голдберга⁸, призывающей посме-

⁸ Руб Голдберг (1883–1970) – американский карикатурист, рисовавший маши-

яться над человеческим тщеславием... или изобретательностью.

Или отчаянием.

Папа, не умирай, прошу тебя. Твое время еще не пришло.

Слишком много цветов в палате. Хризантемы в горшках и увядшие гортензии на подоконнике. Фруктовые корзинки в похрустывающем целлофане, который никто так и не снял. Карточки с пожеланиями выздоровления. Только не...

А некоторые доброжелатели додумались принести больному книги в твердой обложке («Эффект бабочки: в чем состоит смысл жизни», «Озарение: Сила мгновенных решений», «Краткая история Вселенной») из тех, которые всегда читал Уайти Маккларен... или делал вид, что читал. Какая ирония: принести книги тяжелому инсультнику, которому еще только предстоит заново научиться читать!

За дверью на стене висит санитайзер, и любой медработник, как и любой посетитель, обязан, войдя в палату, обработать руки.

Когда Вирджил первый раз сюда вошел, София его предупредила: «Не забывай мыть руки!»

Человек рассеянный, он даже не заметил санитайзера. И вообще, он считал (отчасти подсознательно): то, что предписано другим, не имеет прямого отношения к нему.

Все же он наскоро продезинфицировался. Почувствовал

ны, которые сложным способом помогают человеку выполнять простейшие задачи: например, есть суп.

себя маленьким мальчиком, моющим руки, чтобы порадовать маму. Так безопаснее.

Но только в данном случае.

– Каждый раз мой руки, Вирджил. Не забывай.

София жестом показала, как их надо мыть, и Вирджил кивнул: обязательно.

Он сделал глубокий вдох. Поднес флейту к губам. Расставил пальцы по клавишам и заиграл.

Ноты-вздохи трудно было ассоциировать с музыкальным инструментом. (Это подобие флейты Вирджил сам вырезал из ветки бузины.)

Он попытался объяснить семье, что не собирается играть традиционную музыку, да и музыку вообще, это будет особая коммуникация между ним, Вирджилом, и жертвой инсульта.

Что-то вроде молитвы – его молитвы, обращенной к отцу.

Джессалин следила за тем, чтобы каждое утро он мог побыть с Уайти наедине. Остальных это, видимо, раздражало, но мать проявляла твердость. Она знала, что старшие отодвинут его в сторонку и он не отважится подойти к больному. За это он был ей благодарен, но при этом испытывал чувство растерянности, ведь интимная атмосфера сродни крупному плану: все приобретает большее значение. Ему было комфортнее держаться на расстоянии.

В сущности, это он оттолкнул Сабину, а не она его. Хотя, если говорить о физическом, так сказать, *буквальном* аспекте, их разрыв можно было интерпретировать иначе – именно

так (вероятно) считала Сабина.

Эти мысли пронесли у него в голове, пока он играл на флейте. Язык по-прежнему казался опухшим, пальцы плохо слушались, но издаваемые звуки были прекрасны (по крайней мере, на слух исполнителя), и они (похоже) производили впечатление на прикованного к кровати – синюшные веки трепетали, губы готовы были что-то произнести, а левая рука (вся в синяках и ранках) очень медленно, с невероятным усилием потянулась к Вирджику, не способная подняться и потому ползущая по одеялу, растопыривающая пальцы, чего раньше не наблюдалось, потом рот дернулся, что-то похожее на спазм, и явственно выдавил из себя «Вир-джил» – первое внятное слово, произнесенное Уайти Макклареном за все дни в больнице.

Вир-джил.

Сын смотрел на отца в ошолоблении. Он не был уверен, что не ослышался. Флейта выпала из его рук и запрыгала по полу.

И тут он разрыдался.

Возвращение Уайти

– Привет.

Максимум, на что его хватало. Зато с улыбкой в пол-лица и со сфокусированным (красным, слезящимся) левым глазом, который *видел*.

Чем не повод порадоваться.

И он мог кивнуть. С подготовкой, с некоторым усилием – кивнуть.

А еще он мог пошевелить (пока еще не «восстановить движения в полном объеме») левой рукой, почти нормально, и его родня набирала в легкие побольше воздуха, прежде чем войти в палату в ожидании того, что они могут увидеть (теперь каждый визит сулил что-то новое): вот он, Уайти, почти прежний, уже сидит на койке с поднятой спинкой, привалившись к подушкам, держит голову (под углом), то есть мышечная координация восстанавливается – то, что мы считаем данностью, это и есть «жизнь», «бытие», «способность чувствовать». А лучше войти без всяких ожиданий и увидеть, как с помощью сиделки Уайти держит или пытается держать в дрожащей левой руке маленький пакетик с апельсиновым соком и втягивает его через соломинку.

Невозможно просчитать, сколько надо (задействовать) нейронов мозга, чтобы послать сигналы нервным окончаниям в руке, а также мышцам, кожным тканям и связкам, *что-*

бы выпить сок через соломинку.

Она целует мужа и плачет от облегчения.

Это похоже на внезапный свет, который ударил в глаза, уже привыкшие к темноте.

Благословение уже не действует

Том сделал вывод: отец не помнил, что с ним случилось в тот день. Не помнил ни самого инсульта, ни того, что ему предшествовало и за ним последовало. Он очнулся на больничной койке под звуки флейты, совершенно озадаченный и удивленный: *Как я сюда попал?* Вот только выразить удивление у него не получалось.

Лишь после того, как ему рассказали, что он возвращался с завтрака попечителей в библиотеке, когда у него случился «удар», Уайти, кажется, что-то такое вспомнил.

– Завтрак в библиотеке, папа. Вспоминаешь?

Он кивнул, но как-то неуверенно. И Том решил, что это он вспомнил предыдущее мероприятие, а не это, вскоре после которого случился инсульт.

Попечители встречались в городской публичной библиотеке раз в два месяца. В его голове это могло перемешаться.

В целом память Уайти, насколько можно было судить, серьезно не пострадала: он узнавал лица, помнил имена, понимал, где находится. А вот события, предшествовавшие инсульту, – как сел в машину, как ехал по автостраде, как начал тормозить и съезжать на обочину – напрочь вылетели из головы.

Сам «удар» он, естественно, не помнил. Единственное, что он из себя выдавил:

– Чрнт.

– Чернота?

– Ды. Чрнт.

Его здоровый левый глаз был на мокром месте, что семья интерпретировала как победные слезы: видите, я могу с вами говорить!

Когда рядом не было никого из родных или медперсонала, Том спросил Уайти, помнит ли он офицеров полиции. Может, от него потребовали остановиться?

Нет, такого не помнил.

А полицейская сирена? Патрульная машина сзади или сбоку?

Тоже не помнил.

А как затормозил и съехал на обочину?

Нет, не помнил.

Если он и удивился подобным вопросам, то внешне это никак не проявилось. После инсульта отец не только медленно говорил, он еще лишился таких эмоций, как нетерпение или любопытство. Прежний Уайти давно бы сорвался: «Какого черта ты задаешь мне эти дурацкие вопросы?», а вот новый Уайти излучал детское доверие и демонстрировал безграничную сдержанность.

Было ощущение (у Тома), что несчастный больной взывал: *Не бросайте меня! У меня нет ответов, но я же Уайти, не бросайте меня, пожалуйста!*

Не всегда было ясно, слышит ли он и понимает ли все, что

ему говорят. Зато он научился улыбаться уголком рта со всей готовностью. И проделывать маленькое круговое движение головой: *Да*.

Или: *Нет*.

В лучшие годы Уайти Маккларен всячески скрывал свои болезни. Сильную простуду, грипп, бронхит, даже пневмонию с высокой температурой, когда он угодил в больницу. Этаким стоицизмом вкупе с мужской гордостью и тщеславием. «Никогда не показывай противнику свою слабость» – это была его мантра еще в школе, где он играл в американский футбол.

Родные дети над ним посмеивались – как же для него важно, что люди о нем думают! Дочери считали это признаком мачо, что на их любви к отцу никак не отражалось.

Том его понимал. Мужчина не показывает свою слабость перед себе подобными.

А что по этому поводу думает Вирджил, Том не знал и знать не хотел.

Несколько раз Том разговаривал с докторами по поводу загадочных отцовских ран. У него были сильные подозрения, что это следы от электрошокера, пожилого шестидесятилетнего мужчину били разрядами тока в пятьдесят тысяч вольт, а этого достаточно, чтобы свалить с ног крепыша в расцвете сил!

Чтобы свалить оленя, а потом его пристрелить.

Но раны постепенно бледнели рядом со множеством синя-

ков, а также вследствие применения антикоагулянтов. Останутся только фотографии в телефоне, но они вряд ли послужат существенным доказательством. Хэммондская полиция укажет на отсутствие данных о том, что Джон Эрл Маккларен был остановлен офицерами на автостраде 18 октября.

Родня испытывает огромное облегчение, что Уайти с каждым днем идет на поправку. Разве не это главное? Может, и хорошо, что он не помнит подробностей? После пяти дней в отделении интенсивной терапии его поместили в палату для снятия телеметрических показаний, а потом переведут в реабилитационный центр при Университете Рочестера. Может, уже на следующей неделе. Отличные новости.

Измученный больничными посиделками, Том не стал делиться своими подозрениями с членами семьи. И откладывал встречу с адвокатом. Госпитализация Уайти растянется не на дни, а на недели, так что бдения продолжатся. Может, они никогда не закончатся.

Том не просил жену приехать в Хэммонд, чтобы проведать тестя. Лишние посетители – лишняя обуза для больного. Тому не терпелось войти в привычный образ жизни в Рочестере. Он старался поддерживать работу издательства через телефонные звонки и мейлы. У него надежная помощница. Но хотелось вернуться – какие-то вещи требовали его личного присутствия.

Пожалуй, стоит отложить свои подозрения до лучших времен. Тем более если Уайти придет в себя.

Он ведь мог и ошибаться. На какое-то время он утратил способность ясно мыслить. Что, если отец резко затормозил и разбил лицо о руль, о ветровое стекло? А выйдя из машины, упал и ободрал тело о гравий.

Одно Том знал точно: Уйти неодобрительно отнесся бы к риску против хэммондской полиции, так как гордился дружбой с ней в период своего мэрства. В спорах рядовых граждан с полицейскими он неизменно брал сторону последних, даже когда (на взгляд Тома) они явно превысили свои полномочия и нарушили права граждан.

У них тяжелая работа. Приходится принимать неоднозначные решения. Которые могут им стоить жизни. Не стоит сомневаться в действиях наших отважных офицеров.

Его слова, буквально. Сопровождаемые вызывающим мрачным взглядом. На языке политиков – двойная игра.

Ты занимаешь публичную позицию и стоишь на ней до последнего. Эта позиция делает тебя сильнее за счет твоего союзника, которого ты будешь прикрывать и защищать независимо от того, заслуживает он этого или нет, и точно так же, баш на баш, он будет прикрывать и защищать тебя независимо от того, заслуживаешь ты этого или нет.

Твердая рука

– София, у вас твердая рука.

Шуточная похвала? Или похвальная шуточка?

Все вместе. Можно сказать, погладил.

Вообще-то, он не соврал. В лаборатории с ним бы согласились. Из всех умелых и надежных помощниц Алистера Минса в исследовательском институте Мемориал-парк у нее, Софии Маккларен, была самая твердая рука, которой она делала инъекции грызунам, обезглавливала и препарировала грызунов.

У вас, София, красивые руки. Да вы это и сами знаете.

Молодая незамужняя и, насколько можно судить, свободная женщина. Я вам расточаю комплименты, которые никто не сможет расшифровать: откровенно сексуальные? чисто дружеские с сексуальным подтекстом? дружеские без подтекста? все вместе? ни один из перечисленных?

Мозг, извлеченный из крошечного черепа, изученный под микроскопом. Великолепные миниатюрные органы, «собранные», «разложенные», представленные в виде «данных».

Данные – это то, что существует.

Что не попало в «данные», того не существует.

Она собой гордится, еще бы, у Софии Маккларен твердая рука.

И да, красивая – длинные тонкие пальцы, ногти всегда чистые, не покрытые лаком, ровно подпиленные.

Она ловит на себе его взгляд. Глаза скользят по ее телу, на чем-то останавливаются. Возбуждение теплой волной поднимается из глубины живота до самого сердца, когда он с ней заговаривает, проявляет участие, спрашивает про *критическую ситуацию*, из-за которой она пропустила почти неделю.

Она отвечает, что кризис преодолен. Больничные бдения закончились.

– Это ваш родитель? – спрашивает он.

После короткого колебания она подтверждает:

– Отец.

– Ему уже лучше?

– Да, ему лучше.

Повисает пауза. Дальше все зависит от Софии, сообщать ли более подробную информацию.

Она не хочет произносить вслух слово «инсульт». Тогда придется уточнять: *кровоизлияние в мозг, афазия, частичный паралич*.

– Если вам что-то понадобится... – Неловкая пауза. Он как будто не знает, чем закончить.

Чаще его обращение с ассистентками сводится к отрывочным полушутливым фразам. Не разговор, а брошенная реплика, имеющая не больше значения, чем откинутый пинг-

понговый шарик, а дальше занимаемся серьезным делом.

Но сейчас Минс внимательно разглядывает Софию. Он обратил внимание на глубокие тени под глазами, на бледную кожу, на горячность в голосе. *Да, ему уже лучше. Для всех это... такое облегчение.*

Ему несвойственно стоять так близко. Он словно не понимает (или понимает?), что делает.

София немного меняет позу. Снова это ощущение поднимающейся теплой волны.

Она говорит руководителю, что рада снова быть на месте. Успела соскучиться по лаборатории, по работе.

Постеснялась сказать: *По вам! По девушке, которой я становлюсь в вашем присутствии.*

– Точные слова. Вот по чему мы скучаем в «большом мире».

Хотя он прожил в Америке много лет, его шотландский акцент все еще заметен.

– Точность, да.

София не помнит, чтобы кто-то с ней так разговаривал. Точность в собирании доказательств, в методическом сборе данных – вот чего нам не хватает в жизни, в том, что мы называем «большим миром».

Минс снова спрашивает, может ли он ей чем-то помочь. Например, отвезти ее куда-то...

– Спасибо, но у меня есть машина.

Какая глупая отговорка. Сама не понимает, что говорит.

Между ними возникает какая-то неловкость. Они стараются не смотреть друг на друга. Минс обнажает зубы в мимолетной улыбке и, махнув рукой, отходит.

Вроде бы необычный контакт в рабочих обстоятельствах. А с другой стороны, вполне банальный. Не стоит из этого делать далекоидущие выводы.

Она испытывает некоторую слабость и облегчение, что не произошло ничего ужасного... пока. Измученная бессонными ночами, она благодарна судьбе и в том числе Алистеру Минсу за его доброту в такое трудное время. А про себя думает: *Я люблю этого мужчину.*

Наша младшая дочь София, доктор наук, член высококлассной исследовательской команды, работающей над проблемами онкологии. Мы ею гордимся!

Она случайно подслушала, как отец ее кому-то нахвалялся без зазрения совести. Хотелось заткнуть уши и убежать... или посмеяться.

Разумеется, Уайти преувеличивал ее научный вклад. Он преувеличивал достижения всех своих детей, кроме Вирджила (не отдавая себе в этом отчета). Казалось, что Джон Эрл Маккларен смотрит на свое потомство с нескрываемым удивлением. *Это я произвел их на свет? Как такое могло случиться?*

Да, София Маккларен входит в команду, проводящую широкомасштабные эксперименты, но исключительно в ро-

ли ассистентки, которая лишь выполняет указания, а не продвигает (пока) передовую науку.

Из всех детей София самая умная и самая работоспособная, но я за нее немного беспокоюсь: она вся в мать, в каждом видит только хорошее, слишком доверчивая и совершенно незащищенная.

Но это же не так! – хотелось ей возразить. Я умею себя защищать. Просто родителям это невдомек.

Например, она не позволяла себе погрузиться в любовный омут. Само это клише – *любовный омут* – вызывало у нее улыбку.

Она не позволяла себе сходитья слишком близко с кем-либо за пределами семьи.

Школьные подруги быстро растворились. Неизвестно, по чьей вине. Многие повыходили замуж, стали матерями. Для Софии достаточно того, что она проявляет интерес и теплые чувства к племянницам и племянникам, к родительским внукам, хотя (порой) испытывает к ним легкую ревность, видя, как с ними цацкаются родители. А до детей подруг ей дела нет. Малыши, как это скучно! И от кузин, с которыми была близка в юности, она отдалилась, после того как выбрала научную карьеру.

А кузины, в свою очередь, находят ее серьезность и трезвый ум *скучными*.

Софии всегда хотелось, чтобы ею восхищались. Особенно она искала восхищения и одобрения родителей. Их безого-

ворочная любовь сохраняла ее юной. Даже слишком юной.

Хотя она уже не девочка, но по-прежнему любимая дочь.

Это даже хорошо, что родители ничего не понимают в ее научной деятельности. И не знают, что она отложила защиту докторской (в Корнелле), чтобы работать в лаборатории, спонсируемой фармацевтической компанией.

Возможно, это было ошибкой. В каком-то смысле она отложила переход к взрослой жизни. Она всегда была лучшей студенткой, самым ценным интерном, «незаменимой» ассистенткой. Эта роль пришлась ей впору, как перчатка. В двадцать восемь лет ей легко можно было дать двадцать или даже восемнадцать. С эмоциональной точки зрения она вполне взрослая, просто еще неумелая, неиспытанная.

Но Алистер Минс дал ей понять, что он о ней высокого мнения.

София по-настоящему увлечена «люмексовским проектом». Свою диссертацию в Корнеллском университете она считает очень уж теоретической. Собственные исследования, идеи кажутся ей не такими привлекательными, как у других, куда более авторитетных ученых; если на то пошло, она (немного) боится потратить месяцы и годы жизни на персональный проект, который может (природа науки такова!) ни к чему не привести. А «люмексовский проект» вот он, здесь и сейчас. *Как спасти от рака. Определенных видов рака.*

Теперь она живет в Хэммонде, всего в нескольких милях

от родительского дома на Олд-Фарм-роуд.

А в Итаке, рядом с огромным кампусом Корнеллского университета, она чувствовала себя одинокой, словно в изоляции. То, что она там делала, не казалось ей достаточным, не было наполнено смыслом жизни.

Скорей бы их эксперименты дали результаты! Тогда появятся сильные химические соединения, способные приостановить развитие опухолей или убить раковые клетки раньше, чем они пустят корни. Появятся лекарства, противостоящие разрушительному воздействию химиотерапии. Лечение рака будет персонифицированным...

И в один прекрасный день окажется, что Уайти не зря ею гордился. Она готова к долгому пути.

София с облегчением наблюдает за улучшением здоровья отца. Он (почти) восстановил работоспособность левой руки, и (постепенно) восстанавливается речь. Он уже может (пусть не без труда, прикладывая героические усилия) с посторонней помощью дойти до туалета неподалеку от палаты, при этом подволакивая правую ногу, такую же бесполезную, как и правую руку. На следующей неделе его переведут в восстановительный медицинский центр при Университете Рочестера.

Говорит он с трудом, давясь слюной, и довольно бессвязно. С отчаянным рвением он пытается передвинуть (парализованную) правую руку по поверхности одеяла.

– Мрт рук. Не регрт.

Из всех присутствующих только София способна расшифровать его слова.

– Мертвая рука. Не реагирует.

Уйти не кажется расстроенным из-за проблем с артикуляцией. Скорее, его лицо выражает отстраненность.

Дети Маккларенов вернулись к привычному образу жизни. Том снова живет с семьей, трудится в издательстве и периодически созванивается с матерью. Лорен и София выходят на работу, а по вечерам заезжают в больницу. Джессалин постоянно рядом с Уйти, и Беверли часто составляет ей компанию. Вирджил объявляется как бог на душу положит, чтобы поиграть на флейте, что явно доставляет отцу удовольствие.

В доме на Олд-Фарм-роуд уже никто не ночует. Беверли предлагала остаться, но мать каждый раз настаивала на том, чтобы она проводила время с семьей.

Чрезвычайные семейные обстоятельства, объясняла София руководству, почему ее так долго не будет в лаборатории.

Возвращение к нормальной жизни стало для нее некоторым шоком. Ехать по шоссе в другом направлении, на север, а не на юг, в Хэммонд. После яркого октябрьского света входить в освещенную флуоресцентными лампами лабораторию, где никакие вентиляторы не могли выветрить тяжелые запахи отходов пищеварения, физических страданий и смерти.

София вернулась, чтобы обезглавливать и препарировать, и этот тест она, лаборант с «твердой рукой», не намеревалась провалить.

Десятки клеток с запуганными дрожащими грызунами. Нервная переключка. Одни зверьки жирные и безволосые, другие истощенные, скукоженные. Третьи производят впечатление крепышей с маниакальными замашками. Большинство выглядят обессиленными. На некоторых тельцах видны опухоли, которые то ли пошли на убыль, то ли еще нет. Все это выяснится сегодня и будет отражено в «статистике».

Грызуны, получившие инъекции разного уровня в раковые клетки. В соответствии со сложным алгоритмом Алистера Минса потом грызунам вкалывали «антираковые» препараты, а через определенное время их подвергали вивисекции, чтобы определить, уменьшились ли раковые опухоли. Если были побочные эффекты (куда же без них), их документировали. Масштабный «люмексовский проект» охватывал эксперименты над тысячами животных в разных лабораториях на протяжении многих лет, и начался он задолго до того, как София Маккларен была принята в лабораторию в качестве ассистентки.

Она натягивает латексные перчатки. Такие тугие, что кожа совсем не дышит. Перчатки становятся твоей жизнью, и ты учишься дышать в них.

Мышей обезглавливают с помощью инструмента, похожего на отточенное лезвие бритвы. («Кто его придумал? – за-

дается вопросом София. – Кто запатентовал эту хитроумную гильотину? Кто ее выпускает и получает прибыль?») Но чаще их отправляют на тот свет с помощью смертельной инъекции через тоненькую иголку.

Как ни странно, крошечное существо почти не сопротивляется. Возможно, это следствие *твердой руки*.

В экспериментальной лаборатории высокоточные действия – проявление высшего милосердия.

Быстрая инъекция в животик. Последний спазм, последний писк, мертвое тельце.

Теперь за скальпель...

Работа ее увлекает. По крайней мере, в отдаленной перспективе. *Цель оправдывает средства. В это нельзя не верить.*

Взять те же лекарства, которые вводили отцу после инсульта. Все они были одобрены Управлением по санитарному надзору и проверены на животных. После спровоцированных инсультов у приматов (мартышек и других обезьян), как точечных, так и обширных. После применения коагулянтов и антикоагулянтов.

Психохирургия: разрезы черепной коробки приматов, удаление частей мозга. Искусственный паралич, разрывы спинного мозга. Способен ли поврежденный мозг регенерироваться? Как проходит нейрогенез в мозговых клетках?

Сегодня закон Соединенных Штатов запрещает проводить эксперименты на человеке без его согласия. А в про-

плом исследователи нередко ставили эксперименты на заключенных, на детях в сиротских приютах, на пациентах психиатрических больниц. Особенно уязвимыми были умственно больные и люди с проблемами в развитии – их семьи давали ученым разрешение по наивности или от отчаяния.

София Маккларен никогда бы не приняла участие в подобных экспериментах. Так ей хочется думать.

Я тобой горжусь, солнышко. Ты делаешь такую важную работу.

На глаза Софии наворачиваются слезы благодарности. Руки в обтягивающих перчатках безошибочно совершают нужную операцию, и маленькое существо, дернувшись, умирает у нее между пальцев, а запах смерти поднимается к ее ноздрям.

– София? – Пониженный до шепота голос раздается совсем рядом.

Вздрогнув, она оборачивается. Щеки вспыхнули. И давно он так стоит за ее спиной, подобравшись неслышно?

– Извините. Я хотел бы посмотреть данные, если можно.

– Да, конечно!

Она отходит в сторону и смотрит, как его пальцы бегают по клавиатуре. Он подается вперед с озабоченным видом, все внимание на компьютерный экран.

Дело идет к вечеру. Время промелькнуло, София даже не заметила, как навалилась усталость.

Сколько миниатюрных спазмов-смертей повидала эта рабочая столешница, какой урожай из крошечных органов она здесь собрала! От постоянного прищура болят глаза. Болит вытянутая к компьютеру шея.

Что бы он там ни разглядел на экране, лицо доктора Минса выражает (по крайней мере, относительное) удовлетворение.

– Спасибо, София.

Он не часто называет своих ассистентов по именам.

И произносит как-то особенно: Соф-и-я. Она в этом слышит какие-то нежные обертоны.

Минс не похож на других мужчин в институте, да и за его пределами. Мужчин, сразу дающих понять, что она им нравится, и (потому) оказывающих на нее давление, иногда неявное, иногда открыто-благожелательное, чтобы она как-то отреагировала.

Расшифровать Алистера Минса ей пока не удастся. Может, она нафантазировала его «интерес» к ней. Может, он действует бессознательно и сам не замечает того, как часто вперяет в нее свой взор. В сдержанном состоянии она никак не может решить, действительно ли ее влечет к этому мужчине, или она просто восхищается его умом, репутацией и напором настоящего ученого. Может, она испытывает постыдное желание сделать с его помощью собственную карьеру. Она даже не уверена, насколько она ему доверяет.

Алистер Минс считается блестящим ученым-исследова-

телем. Но для его команды он остается загадкой.

Временами он дружелюбен, обаятелен. А бывает резким до грубости. Он отличается джентльменством, обходительностью, терпением, добротой. Но нередко терпение ему отказывается, и он, выслушивая человека, начинает с раздражением барабанить пальцами по столу. Чаще он строго официален, не улыбается. Но улыбнется, когда этого от него не ждут.

С молодыми учеными он великодушен. Зато с коллегами (порой) не очень.

Он может положить глаз на женщину. *Но чаще он женщин не замечает.*

А вот вам неопровержимый факт: каждое утро Алистер Минс приезжает в институт в спортивном пиджаке, белой рубашке и при галстукe. Ни разу его не видели в джинсах, в хаки или чем-то подобном. Но, парадоксально, никаких парадных туфель, исключительно изношенные мокасины или не менее изношенные кроссовки. С белыми носками.

В лаборатории он надевает медицинский белый халат. За несколько дней он пускает в расход целую коробку с латексными перчатками. Хотя у него есть медицинская степень, медициной он никогда не занимался. А докторскую по молекулярной биологии получил в Гарварде.

Как узнала София, Минс опубликовал более трехсот работ по своей специальности. Его ученики работают в престижных исследовательских центрах по всей стране.

И он же не раз «пускал в расход» молодых ученых и штатных сотрудников без объяснения причин.

Хотя, возможно (все это лишь предположения), подобные слухи распространяли обиженные, которых уволили за дело.

Алистеру Минсу немного за сорок, но выглядит он старше. Его густые волнистые стального оттенка волосы редуют на лбу; морщинки на щеках похожи на трещины; короткая щетина кажется седой в сравнении с волосами на голове. Невысокий, может, поэтому он держится так прямо. Своей подчеркнутой обходительностью напоминает человека прошлого века. Он родился в Эдинбурге и уже юношей вместе с родителями перебрался в Соединенные Штаты. Акцент, хоть и слабый, его сразу выдает, притом что он прожил в США больше тридцати лет.

Слегка невнятный мелодический акцент, есть в нем что-то особенное. Софию завораживает сама музыка речи, вне зависимости от того, что́ говорит ее начальник.

Когда-то Минс преподавал молекулярную биологию в Колумбийском и в Рокфеллеровском университетах, но последние семь лет он возглавляет исследовательский институт Мемориал-парк, получивший под него миллионы долларов от фармацевтических компаний вроде «Люмекса». По слухам, Минс до абсурда бережлив, несмотря на очень высокий оклад: ездит на далеко не новой «хонде-сивик», живет в квартире с одной спальней в кондоминиуме, к тому же в ничем не примечательном квартале Северного Хэммонда.

Иногда он приезжает на работу на велосипеде, покрыв расстояние в девять миль.

В первое время, когда София только попала в лабораторию, Алистер Минс ее в упор не видел. (Хотя именно он принял ее на работу.) Ее предупредили, что не надо ему улыбаться и говорить «С добрым утром, доктор Минс». Он вздрагивает от такого нахальства подчиненных и старается на него не отвечать.

Он женат? *Был* женат? Говорят, что Минс расстался со своей женой/бывшей женой и своими (уже взрослыми) детьми, которые живут где-то в другом городе. Вдвоем с женщиной его никто не видел – во всяком случае, в институте. В компании мужчин его тоже практически не видят, только с постдокторантами, продолжателями его дела.

Всякий раз, когда София сталкивалась со своим руководителем в институте, он шел один по коридору, в задумчивости глядя в пол и не замечая никого вокруг. Иногда останавливался, чтобы сделать запись в блокноте. Она всякий раз удивлялась, видя, как он на велосипеде едет против потока машин. Но не на разбитом велике, как Вирджил, а на английском гоночном.

Она испытывала жалость к одинокому человеку, даже не осознающему своего одиночества.

О чем он думает? – спрашивала она себя. О работе? О жизни? О семье?

Но ведь у него нет семьи, не так ли?

То ли дело мое большое семейство! Эта мысль вызывает у нее улыбку.

В больнице, во время визита к отцу, при виде доктора в белом халате, совершающего обход, она вдруг задумывается об Алистере Минсе.

С ней это происходит впервые за пределами института.

Хороший или плохой знак? Чего ей точно не хотелось бы, так это стресса от *пустой надежды*.

Она борется с искушением сказать матери, что в институте есть мужчина, к которому она «проявляет интерес»... нет, это было бы ошибкой, Джессалин начнет выражать восторги, а ведь никакого будущего с этим мужчиной у нее не предвидится.

София давно привыкла к своему одиночеству. Мысль о большой любви расцветает только в ее воображении, так как в реальной жизни ей места нет. Эта мысль пускает корешки, разрастается, расцветает и так же быстро отцветает. Лепестки падают на землю, и вот уже от них остались одни сухие ошметки.

Все ее свидания с мужчинами заканчивались неуклюже. Она женщина угловатая, причем в почти буквальном смысле. Стоит кому-то прижаться к ней губами, как она начинает задыхаться. Вместе с возбуждением приходит отторжение – как будто ей сдавили грудь. И она начинает смеяться слишком громко и невпопад.

Телесный дискомфорт она впервые испытала лет в десять или одиннадцать, глядя на более зрелых школьниц и старших сестер.

Я должна выглядеть... вот так? О боже.

Для человека со стороны София Маккларен – женщина уравновешенная, вдумчивая. Всегда готовая улыбнуться в ответ. Изящная, как ее мать, на которую она внешне похожа.

Находят ли ее красивой... или не очень? Она тщеславна, вздрагивает, увидев себя в зеркале; нет, не такой хотела бы она предстать перед окружающими. Ее охватывает стыд. Большие глаза слишком глубоко посажены, похожа на изумленную, вперившуюся куда-то сову. Волосы кажутся подпаленными и топорщатся, словно от статического электричества. Руки нервно бегают, как подопытные существа, от страха залезающие друг на друга. Одежда висит на ее стройном теле – кажется, что на пару размеров больше, чем надо. Отстраненная, ушедшая в себя. Самоирония отупляет ее не хуже новокаина.

Если София поймает на себе взгляд мужчины, она спрячет лицо.

Или, еще лучше, покажет ему язык. *Нечего меня разглядывать!*

Она знает, что Джессалин озабочена ее судьбой. Все эти старые, затертые клише: дочь должна завести «друга», любовника, выйти замуж, родить детей, продолжить род... эти клише живут в голове Джессалин Маккларен, как микробы

в чашке Петри.

Мама, я, кажется, влюбилась.

Да ну, глупость. Она уже давно не школьница.

Сейчас все разговоры вокруг состояния Уайти. О предстоящем переводе в реабилитационный центр в Рочестере, намеченном на ближайший вторник. Его терапия ляжет тяжким грузом на плечи жены. Сначала много недель в клинике, потом недели, если не месяцы домашнего ухода. Пока он будет находиться в Рочестере, Джессалин поселится у Тома; клиника расположена всего в четырех милях от его дома. А когда Уайти вернется на Олд-Фарм-роуд, она станет его главной смотрительницей. Она уже изучила в Интернете рекомендации по постинсультной терапии – да, суровая, выматывающая, но (зачастую) «творящая чудеса». Она планирует пройти в муниципальном колледже курс «Жизнь после инсульта: руководство к действию». Дети давно не видели свою мать такой деятельной.

– Мама, тебе бы работать медсестрой, – сказала ей Беверли.

– Нет, – возразила София неодобрительно. – Мама стала бы отличным врачом.

После того как Уайти вышел из критического состояния, к нему потянулись визитеры. Палата завалена цветами, подарочными корзинками, книгами, даже забавными набивными чучелками животных; все уставлено, кое-что стоит на полу. Медперсонал, не знавший, что Джон Эрл Маккларен ко-

гда-то был мэром, только сейчас понял, что их больной – Уайти – весьма популярная фигура.

(«Ваш отец не даст мне автограф, пока его не выпишали?» – обратилась одна из медсестер к Софии.)

Дети Маккларенов испытывают облегчение, вернувшись к некоему подобию нормального образа жизни. Только Джессалин проводит в больнице весь день; остальные заглядывают, когда получится, или звонят. София испытывает досаду: когда бы она ни зашла в палату, Беверли уже там. Она даже ест с родителями, благо посетителям разрешают покупать еду. Беверли веселится:

– Стив обвиняет меня в том, что я «бросила собственную семью». Можно подумать, он меня замечал, когда я находилась у него под носом!

Кажется, она недолюбливает своего муженька, думает София. Когда-то любила, а теперь недолюбливает. Наверно, какие-то обиды. Или не доверяет. Некоторые браки такие странные.

Сама она о браке не думает. Даже ее фантазии относительно Алистера Минса никак не связаны с мыслями о замужестве. Она не выйдет за мужчину, который не будет ей так же предан, как Уайти своей половине. Хотя, говоря начистоту, она не способна быть преданной мужчине так, как Джессалин предана супругу.

В горе и радости, в болезни и здравии, чтобы смерть не разлучила нас.

Нет, как-то не так. *И смерть не разлучит нас?*

Пока смерть не разлучит нас?

Ну и обет. Какой человек в здравом уме в этом поклянется?

Все равно что залезть с кем-то в спальный мешок и застегнуть молнию. Навсегда!

Софии достаточно того, что ее любят родители, больше ей никто не нужен. Ни любовник, ни муж не способны соперничать с Джессалин и Уайти, которые от нее ничего не требуют, им достаточно того, что она их дочь.

Своего рода шелковый шнур. Как чудесно быть завязанной в такой крепкий семейный узел! Как-то она сказала Вирджили:

– Нам не обязательно взрослеть. И обзаводиться своими семьями.

Вирджил не воспринял это как шутку. И урезонил ее с серьезным видом:

– Родители же не вечны.

– «Не вечны» – это еще столько лет впереди. А так далеко я не заглядываю.

Реплика была брошена бездумно, как будто София не придавала значения собственным словам.

В пятницу в 17:00 Алистер Минс устроит презентацию «Эволюционная роль мутаций: теория».

Все члены лаборатории, вся его команда будет присут-

ствовать, само собой. Это начало трехдневной конференции, и Алистер Минс – один из главных докладчиков.

Приглашенные профессора, аспиранты и постдоки приехали в институт Мемориал-парк на научную конференцию. Доклады по молекулярной биологии, нейронауке, психологии. София впервые видит такое столпотворение в аудитории на пятьсот мест, где будет выступать доктор Минс.

После лекции он пригласил Софию в институтскую столовую со словами: «Ужин в мою честь». Это первое подобное приглашение.

Она отдает себе отчет в значимости события. (Хочется верить.)

Однако отказывается от приглашения. Но, увидев на его лице разочарование и нескрываемую обиду, соглашается при условии, что уйдет пораньше.

– Меня ждут в больнице, где лечится отец. Мне надо там быть не позднее половины девятого...

Она испытывает чувство вины: вчера приехала туда поздно, заработавшись в лаборатории. Хотя не пропустила ни одного визита на этой неделе.

Как чудесно войти в палату, увидеть расцветшее отцовское лицо, услышать, как с его губ слетает: *Сфи*.

Джессалин всегда вскакивает, чтобы крепко обнять дочь.

София сама поражается тому, что всегда принимала отца как нечто должное. Иногда сердилась. Иногда терялась. *Папа так любит преувеличивать. Зачем?*

Какое же счастье видеть его живым. Видеть, что он ее узнает и произносит имя... почти. *Сфи*.

Накануне они с матерью помогали Уайти пройти по палате под руководством терапевта. Как же медленно он передвигался! Но он поставил себе цель – снова научиться ходить.

В последние два дня у него небольшая горячка. Щеки покраснели, словно от возбуждения и надежды. В глазах желтоватый отлив. Из рта пахнет химией.

Ему в вены вводят столько лекарств. София ведет аккуратные записи в журнале.

Джессалин говорит, что, по словам медсестер, беспокоиться не о чем, но видно, что она обеспокоена.

Тема лекции Алистера Минса – мутации, ДНК, генная модификация – по-настоящему захватила Софию, ведь ее диссертация затрагивает все эти моменты. В больничной палате она загружает в компьютер разные публикации, включая статью Минса, напечатанную в журнале «Наука» несколько месяцев назад. Удобно использовать здесь свой лэптоп, несмотря на орущий над головой телевизор (бедный Уайти соскучился по новостям, хотя с трудом вникает в эту скороговорку). Джессалин обычно смотрит на экран вместе с ним... или делает вид, что смотрит. Веки смежаются от усталости, зато напряжение и озабоченность уже почти не проявляются.

Вчера Уайти попросил Софию выключить телевизор. Он не без усилия произнес: *Чты делш* и потом несколько раз

повторил. Наконец она это расшифровала как «Что ты делаешь?». И начала медленно и внятно объяснять: корпорация «Люмекс» выпускает лекарство, которое, если его принимать в течение сорока восьми часов после химиотерапии, снижает серьезные побочные эффекты, такие как резкое падение тромбоцитов. Это лекарство химически сложное и дорогостоящее, вот над этим работает ее лаборатория, и она принимает участие в «испытаниях».

София не боится произносить вслух слово «рак», поскольку у отца (слава богу) другой диагноз.

Все, о чем она говорит Уайти, он воспринимает с нескрываемым интересом, подавшись вперед, что ей напоминает манеру ребенка, слушающего взрослых с открытым ртом и пытающегося понять загадочные звуки, которые слетают с их губ с такой легкостью и спонтанностью.

Ее только смущают эти «пчму». Она вопросительно смотрит на мать, и та уточняет:

– Уайти спрашивает «почему?».

Но что он имеет в виду? София не понимает.

– Без мутаций нет эволюции. Без случайных ошибок в ДНК нет эволюции. Большинство мутаций в ДНК вредоносны и заводят в тупик, когда живые существа не способны к воспроизводству.

Парадокс, думает про себя София. Все примеряется к человеческой жизни со всей очевидностью, но, как спросил бы

Уйти: *Почему?*

Пятничный октябрьский рабочий день клонится к концу. Еще нет шести, но небо уже потемнело, словно на чистый раствор легло маслянистое пятно. София сидит в переполненной аудитории, в середине второго ряда, вместе с коллегами по лаборатории. Она внимательно слушает Алистера Минса, который немного частит, и какие-то слова пропадают в его шотландском бурчании; кажется, он думает вслух, спорит сам с собой в манере одновременно затейливой и возбужденной. Звучит аргумент, даже несколько аргументов, объясняющих связь между мутациями и эволюцией, а точнее, между изменениями ДНК и удачной (или неудачной) попыткой организмов передать свою ДНК следующим поколениям.

София разглядывает докладчика глазами прилежной школьницы. Беспроигрышная доверительная поза, позволяющая свободно рассуждать... без страха быть пойманной с поличным.

Он для нее слишком стар, это ясно.

Уйти подобную связь не одобрит.

Однако она находит его привлекательным. Весьма.

Его слова точны, и при этом он размахивает руками, словно радуясь собственным открытиям, и ему даже приходится умерять свой пыл. Вот она, *точность*, и одновременно *живость*. Никто так не заводит Софию, как жесткий интеллеktуал, рассказывающий тебе о вещах, до которых ты сам ни-

когда бы не додумался. Это его уникальный взгляд.

Один минус – помятый спортивный пиджак. Галстук нейтральной расцветки. Манжеты белой рубашки не выглядывают из-под рукавов спортивного пиджака. София улыбается, вспомнив, как мать останавливала Уайти перед выходом из дому, чтобы поправить галстук или предложить ему поменять рубашку или надеть другие туфли.

Господи, Джесси! Что бы я без тебя делал?

А вот от Алистера Минса благодарности вряд ли дождешься. Трудно себе представить, что ты дергаешь его за рукав и предлагаешь поменять галстук или рубашку.

София озирается – интересно, как другие воспринимают видного ученого. И есть ли в аудитории еще женщины, испытывающие восхищение не только его интеллектом.

(В институте не так много женщин. Меньше десяти процентов, и в основном младшие сотрудницы.)

Если между сотрудниками завязываются романтические отношения, они стараются не показывать виду. А уж для руководителя завязать роман с ассистенткой – это непрофессионально и даже рискованно.

Отреагировав то ли на Алистера Минса, то ли на торжественное событие, София явилась на полуофициальный ужин не в обычных джинсах, хлопковой рубашке и пуловере, а в шерстяной темно-лавандовой юбке и вязаном топе с деревянными пуговичками. Красиво распустила волосы. Выщипала брови потоньше, дужками.

Мать сразу бы поняла, что послужило поводом.

София, кто он?

Многое из того, что говорил Минс, Софии знакомо по экспериментам в лаборатории. Стресс можно вызвать в любых существах, даже в бактериях. Разволновавшиеся крысы больше подвержены мутациям, чем крысы в спокойном состоянии, но это не обязательно результат естественной селекции, скорее побочный эффект стрессовых внешних условий – таких, как повышенная жара или холод, обезвоживание, физические травмы.

Огромное разнообразие видов на планете – следствие случайных ошибок, вызвавших распространение тех или иных копий гена. Парадокс в том, что естественная селекция свела бы частоту мутаций (а следовательно, и генетические вариации) к нулю, что остановило бы процесс эволюции.

Чем заметнее изменения в окружающей среде, тем сильнее давление на живые организмы, которые должны к ним приспособиться. Старая поговорка «Лучше перестраховаться, чем потом жалеть» не применима ни к эволюции, ни даже (Алистер Минс произносит это с печальной улыбкой) к человеческой жизни, хотя сама поговорка благополучно выжила.

Он показывает слайды на большом экране. Узкоспецифическую графику, статистику. Его вдохновенная речь, касавшаяся общих тем, переходит на сухой педантизм молекулярной биологии и вычислительной науки, не представляющих

особого интереса для Софии. Она лишь отрывочно улавливает: когда внешняя среда быстро меняется, естественная селекция склонна к высокой частоте мутаций, повышается вероятность доброкачественных мутаций, что обеспечивает виду выживаемость среди других видов, соперничающих за общую пищу и территорию.

Существовали ли виды животных с мутацией, близкой к нулю? Если да, то они вымерли, ибо не сумели приспособиться к изменениям окружающей среды.

София подалась вперед и слушает с таким напряжением, что у нее уже заболела шея. Она отчаянно пытается понять *этого мужчину*. Но его аргументы все больше ускользают от нее, как и компьютерная статистика на экране. София разочарована: тема приняла оборот, понятный окружающим, но не ей. Ее охватывает страх тонущего человека, который тщетно, ломая себе ногти, пытается ухватиться за спасательную лодку. Сидящим в лодке удалось спастись, а ей – нет.

Подождите! Не бросайте меня! – вырывается у нее беззвучный крик.

Но по крайней мере, она приглашена на званый ужин в честь докладчика.

Она его гостя и впервые окажется в этой столовой. Жаль, не сможет остаться до конца, в чем ему уже призналась.

Это будет *их первый ужин вместе*. Может, когда-нибудь они отметят эту годовщину...

Лекция окончена. Бурные аплодисменты!

Посыпались вопросы. София с озабоченным видом вслушивается, пытаясь вникнуть в суть. Отчасти ей это удается. Страх начинает проходить. Просыпается надежда. В течение сорока минут Алистер Минс дает ответы – продуманные, любезные, блестящие. Он старается сохранять спокойствие, даже когда в вопросах ощущается агрессия. Даже когда они звучат высокомерно или путано. София гордится Минсом. Она украдкой достает свой телефон. Уже почти два часа, как выключен звук. Несколько пропущенных звонков.

София? Приезжай скорее. Папе очень плохо. Возбужденный голос Беверли.

И еще один звонок от нее. *София! Ты где? Почему ты не приезжаешь? Кажется, папа не выживет.*

Она вскакивает в полной растерянности. Что она натворила? Как она могла прийти на лекцию, вместо того чтобы поехать в больницу? София пробивается к проходу. *Извините! Простите!* Алистер Минс сошел с подиума и пожимает руки. Он замечает Софию Маккларен. На волне успеха ему кажется, что она пробивается, чтобы его поздравить, но, к своему удивлению, он видит, что она поворачивает в обратную сторону.

– София? Что-нибудь случилось? – обращается он к ней.

Но его игнорируют. С безразличием, грубо. Ясно, что она решительно покидает аудиторию, институт и его лично.

Возвращение домой

Хорошая новость! Мы забираем тебя домой.

Он так спешит одеться, что промахивается мимо штанины, теряет равновесие, дорогая жена над ним смеется: *Дорогой, давай я тебе помогу.* Она его то и дело целует – чтобы показать, как его любят.

Она поддерживает его за талию. Еще раз целует, чтобы заранее погасить вспышку недовольства.

Он должен спуститься. Непростое дело.

Так легко не удержаться на этих плоских штуках... он забыл, как они называются... *ступы? пеньки?*.. по ним спускаются вниз, одна нога, потом другая, со всей осторожностью.

Он крепко держится за перила. Одна нога, другая.

С удивлением видит свои голые ноги. А где носки? Туфли?

Непонятно, что на нем, похоже на ночную рубашку. Волосы на голых ногах шевелятся.

В результате он падает со штук-которые-ведут-вниз. Навзничь.

Он боится пошевелиться, вдруг сломал позвоночник?

Его кличут: *Джонни! Джонни, ты где?*

Он часто падает. Еще совсем маленький! Ножки короткие. Обе коленки разбиты. Падение нестрашное, и он быстро поднимается. Ползет на четвереньках, издавая забавные

звуки, как щенок. Щенок и есть, вертит попкой, точно хвостиком. Родители смеются, он их любимец.

Но сначала он должен раздать эти дурацкие цветы. Запах в палате точно в морге. Устроили тут мне морг!

По-вашему, моя больничная койка похожа на гроб? Еще нет!

Цветы тебе, с наилучшими пожеланиями.

Его любимая медсестра. Синеглазая полька. С неизменной улыбкой. *Называйте меня Уайти, меня так все зовут.*

Ему кажется, что она гладит его по лицу? Ободранному, в красных пятнах. А глаза напоминают прыгающие жетончики в игровом автомате. Уже не прыгают, но взгляд так и не сфокусировался.

Он устал раздавать цветы в горшках. Все такие пестрые, как в книжке-раскраске. Хоть бы кто-нибудь ему помог.

Фрукты в корзинках уже подгнивают. Воздушные шарики, похожие на подушки, взмывают к потолку.

Ему кажется или эта полька забралась своей прохладной рукой ему под ночную рубашку? Гладит мясистый торс, соски, поросль на груди, пах, и никто этого не видит...

Она точно не видит. Сидит поджав ноги в кресле, набросив одеяло на плечи.

Хорошая новость. *Он возвращается домой.*

Эту новость принесла дорогая жена. В глазах сверкают слезы счастья.

Он не вполне понимает, где провел все это время, но сей-

час он возвращается домой.

Одна печаль. Он обещал жене, что будет ее защищать, но появились сомнения.

Она достает из гардероба его вещи. Надо же, оказывается, здесь есть гардероб. Костюм-тройка из шотландки, тесный в талии, самая дорогая одежда, которую он когда-либо купил.

Но это было давно. Уже не вспомнить. Молнии бьют по телу. По лицу. Взрыв. Коллапс. Ноги поехали. Рухнул на обледенелый асфальт.

Джонни? Озабоченный женский голос.

Он так давно его не слышал, что даже онемел от неопостижимого счастья, которое примешивается к боязни упасть, *ушибиться* (он часто плачет, его детское сердечко легко ранится, но [к облегчению родителей] так же легко успокаивается).

Ноги совсем запутались в дурацкой простыне. Он выдергивает рыболовный крючок, застрявший в мягких тканях локтевого сгиба.

Голос! *Ее голос.*

Ярким летним днем он бежит ей навстречу, голоногий, по колючей траве. *Это ты, мой крошка Джонни? Беги ко мне, дорогой!*

Ножки у него короткие, вот-вот упадет. Он заранее прикусывает нижнюю губу, чтобы не расплакаться, если это случится. Но он не падает, мама подхватывает его под руки и покрывает лицо поцелуями, губы мокрые, как маленькие рыб-

ки, и такие же щекотные. Он уже не боится. Сердце, кажется, сейчас лопнет от радости, как воздушный шарик, который надувают все больше и больше, и тот переливается на солнце.

II. Осада

Октябрь 2010 – апрель 2011

«Что ты сделала с папой?»

Она просыпается в панике. Где все дети?

Минуту назад они гурьбой путались у нее под ногами, весело щебетали. Это было бог знает как давно. Она переводила их через широкую мощеную улицу вроде бульвара в каком-то заморском городе (впереди показалась на редкость уродливая конная статуя), где машины мчались в облаке выхлопных газов.

Небо обложное. Воздух оттенка старых выцветших документов.

В те далекие времена она была постоянно озабочена. Молодая мать, понимающая, что нет ничего страшнее, чем потерять ребенка.

Ее (голые) ноги в чем-то запутались. Подушка влажная. Волосы невымытые, липкие. Ночная сторона ее жизни не дает ей покоя.

Так куда же пропали дети? Ускользнули, пока она удерживала их ручки в своих, пока, словно насадка, пыталась собрать их под крыло и укрыть в объятиях.

Постоянная опасность, что кого-то из них забудешь.

А еще ужас, что кто-то из них не родится.

Только за старшего, Тома, можно не переживать. Он единственный уже *обрел имя*.

Младших детей она часто путает. Их восковые личики такие пластичные, без печати индивидуальности.

Где их папа, она не знает.

От детей надо это держать в тайне. Лучше им не знать, что их отец пропал. А мама понятия не имеет, где он и где их отель в (неназванной) стране, она потеряла сумочку с паспортами, документами, турчеками и бумажником.

Вся надежда на то, что ее (пропавшие) (временно) дети окажутся в отеле, когда она туда вернется. Что они там вместе с папой. Где ж им еще быть, других вариантов у нее просто нет.

Супруг скомкает ее ночную сорочку и втянет носом тонкий запах стирального порошка, затем вдохнет аромат вымытых волос, и на глаза навернутся слезы счастья. Она это запомнит. *Вот ведь, вытянула счастливую монетку.*

Зазвонили колокола! Церковные колокола...

Собор на кафедральной площади освещен солнцем, хотя небо по-прежнему напоминает выцветшие газеты.

Колокола, колокольчики, переговариваются на ветру.

Она всячески пытается себя убедить: *Ничего страшного не произошло.*

Еще минуту назад они стояли на заполненной городской

площади, и вот уже все собрались за тесным столом. Все – это только дети, а папы как не было, так и нет. Дети устроили перепалку. Они кажутся ей одного возраста, все, кроме Тома, перворожденного, чье лицо она отчетливо различает. Он издевается над своим братиком-малышом, это нехорошо, а старшие сестры дергают младшую за волосы, такие красивые, вьющиеся, каштановые.

Но где же отец? Кто восстановит порядок за столом?

Случилось что-то страшное. Стол уже перевернут, и дети прячутся под ним от матери. Они взывают к ней разъяренными, требовательными голосами: *Что ты сделала с папой?*
ГДЕ НАШ ПАПА?

Она вдруг понимает, что дети растут с кукол. Двое самых младших сделаны из тонкой оберточной бумаги, в которую заворачивают коробочки с подарками. От их криков, кажется, у нее сейчас лопнут барабанные перепонки.

Сердце готово выпрыгнуть из груди. Дети в ярости, они ей этого не простят. Их папа пропал и уже никогда не вернется домой.

Сильная

Дорогая, ты это сделаешь. Кто, если не ты?

Дети подавлены, растеряны. Потеряли отца! Позаботься о них.

Они подходили к ней по одному, якобы желая ее утешить, а на самом деле за утешением.

Она ведь сильная, кто ж еще.

Ради Уайти. Все ее усилия, отчаянные сердечные порывы, помогающие ей кое-как выбраться из-под мокрых от по-та простыней, пережить нескончаемый день, напоминающий бурлящий коллектор... все ради *него*.

Она производила на детей впечатление натянутого лука, а ведь боялись, что мать раскиснет. А она раскинула над ними свои руки-крылья, взяла под свою защиту. И сердце ее билось ровно, не то что у них. *Папа ушел. Даже не верится, что мы его больше не увидим.*

Они плакали в ее объятьях. А она их успокаивала, стараясь не проронить ни слезинки.

Они не могли поверить в то, что она стала вдовой. Уайти еще совсем близко. Он же не мог вот так уйти и оставить ее одну.

Он где-то рядом, смотрит, оценивает. Отпускает едкие ре-марки, которые никто не слышит.

Дети всецело зависят от тебя, Джесс. Им сейчас нелегко.

Даже Тому, хотя он не подает виду.

Поначалу они опасались, что мать развалится, как карточный домик. Или растает, как сахарная вата. Так думала Беверли.

Тонкая паутина. Такая красивая и такая непрочная. То ли по невежеству, то ли из тщеславия они полагали, что им удастся ее утешить.

В первые дни она только и делала, что прижимала их к себе. При этом говорила мало. Никаких привычных слов вроде *Мы все снова увидимся в раю*, хотя чего-то такого они от нее ждали. Так маленький ребенок ждет в утешение привычных слов, лишенных всякого смысла.

Но ее хватало только на то, чтобы пробормотать: *Я знаю, я знаю*. И еще крепче прижать их к себе.

Думать об Уайти пока рано. Он же где-то рядом с ней. Пока не может ее оставить. Если он при жизни вел себя как босс (эта мысль вызывает у Джессалин улыбку), то он и на том свете останется боссом. Те, кто близко знал Уайти Маккларена, не могут представить его себе другим. Не станет же он пассивно стоять в стороне, пока *его* обсуждают!

Они всего несколько лет были женаты, когда умер отец Уайти, что стало для него страшным ударом. И молодой жене пришлось приводить его в чувство.

Она сама была в шоке от того, как он горевал, как в нем перемешались печаль и протест.

Любой взрослый превращается в ребенка, когда умирает

родитель.

В те дни она убедилась в том, о чем раньше догадывалась: ее муж совсем не такой сильный, каким кажется окружающим, и абсолютно уверенным в себе его не назовешь. Он похож на большое дерево с неглубоко залегающими корнями в мягкой почве – мощные порывы ветра делают его весьма уязвимым.

Уйти держался где-то подле нее. Ему всегда была необходима физическая близость.

Порой это вызывало у нее (легкий) дискомфорт. Но она понимала: такая подсознательная привычка.

Вот и сейчас он отирается рядом. Конечно, он не оставит любимую жену.

Ты же знаешь, как я тебя люблю. И пока мы вместе, я в порядке.

Джон Эрл Маккларен. Родился 19 февраля 1943-го. Умер 29 октября 2010-го.

Свидетельство о смерти. Плотная бумага, одна страница, печать штата Нью-Йорк.

– Вам предстоит неоднократно делать с него копию, миссис Маккларен.

Это станет рефлексом: всякий раз при виде полного имени – Джон Эрл Маккларен – Джессалин вся сжималась.

Каждый сопроводительный документ она должна была заполнить и подписать: «Джессалин Маккларен, супруга».

Сморгнула слезу так, чтобы никто не увидел.

Это ее тайна: все происходящее она не воспринимает как реальность.

Человека, которого она близко знала, звали Уайти, а не Джон Эрл Маккларен.

Никакого Джона Эрла Маккларена не существовало. Родители и родственники называли его *Джонни*. И в школе так же. А когда волосы у него начали выцветать и приобретать необычный белый оттенок, один из спортивных тренеров окрестил его *Уайти*, и эта кличка закрепилась среди друзей. И сохранилась на десятилетия.

Джессалин подозревала, что ему самому не очень-то нравилась эта кличка. Он из нее в какой-то момент вырос, как вырос из школьных толстовок и университетских свитерков. *Эй, Уайти!* – подобный выкрик из проезжающего автомобиля должен был восприниматься скорее как принижающий.

В эру расовой напряженности не самая подходящая кличка для белого человека.

Как, впрочем, и Джонни Эрл.

Уж лучше так: *дорогой, дорогуша. Папа, папочка.*

Еще долго после его смерти она все никак не могла заставить себя говорить о нем в прошедшем времени. Не могла произнести *ушел от нас* и тем более *умер*. В логике ребенка или не до конца проснувшегося человека, которому приснился путанный сон, она стала думать о покойном муже так: *его сейчас с нами нет.*

Попробуем расшифровать: *Уайти сейчас где-то, но (похоже) не здесь.*

Она передвигается, как ребенок, который учится ходить. Шажок, остановилась. Ухватилась за что-то.

При этом продолжает успокаивать детей. Они так выма- хали, что она с трудом может их обнять. *Ребятки*, как их на- зывал Уайти.

Они до сих пор не могут понять, как так получилось, что после всех бдений в больнице, после героических усилий больного, после их сплочения в одну команду из-за страхов перед возможным летальным исходом и (преждевременной) радости, что Уайти выздоравливает, их дорогой отец все-та- ки умер: губительная стафилококковая инфекция поразила сильно ослабленное тело, температура подскочила, все выше и выше, кровяное давление резко упало, аритмия, остановка сердца.

Все произошло ранним вечером на двенадцатый день пре- бывания Уайти в больнице. В тот самый день, когда уже пла- нировалось переводить его в реабилитационную клинику в Рочестере.

Изменения происходили с необыкновенной быстротой. Горячка охватила больного, как языки пламени. От кожи шел осязаемый жар. Он слабел на глазах. Джессалин зывала о помощи. Он впал в беспамятство, затем потерял сознание.

В тот момент рядом с ним были только жена и Беверли. Но их быстро увели из палаты.

Остальных ждали к вечеру, но когда они приехали, в живых отца уже не застали.

Ей так и не удалось подержать его за руку в момент ухода. В тот момент она не осознала, что Уайти умер. Ей казалось, что это временный кризис.

Глубокий сон. Кома. Так ее заверяли.

Он и не знал, что остался один. Не понимал, что с ним происходит. Ввели трубку. Сердце снова забилося, но жены рядом нет.

Стафилококк так быстро проник в легкие и в кровь, что ни доктор Фридленд, ни главврач Мортон Каплан не успели приехать в больницу.

Даже любимые медсестры, льстившие ему, что такого красавца-пациента у них еще не было, в последние минуты не оказались рядом.

Джессалин заверили, что ее муж не успел понять, что же с ним произошло.

Стафилококк. Пожирательница плоть бактерии. Проникают в легкие. Эффективного антибиотика нет. Остановить их невозможно.

Она гадает, где теперь Уайти. Съежился до размеров булавочной головки, до световой точки в собственном мозгу, а затем и она погасла?

Но что, если она не гаснет, а переходит в какое-то другое состояние, невидимое человеческому глазу?

Отошел в мир иной. Во сне.

Легкая смерть.

Но постоит, ведь ему стало лучше? Его же собирались перевести в терапевтический центр в Рочестере?

Так что, черт побери, произошло с Уайти Макклареном?

Похоже, отец умер, как раз когда Том вернулся домой.

Разворачивайся и поезжай обратно. Других вариантов нет.

На очереди кремация.

Он посоветовал матери запросить вскрытие, пока не поздно.

Посоветовал растерзанной женщине запросить вскрытие...

Джессалин аж передернуло от ужаса и отвращения. *Нет!*

В завещании и прочих директивных документах Уайти говорил о кремации. *Без дураков*, как он любил выражаться.

Вообще-то, Уайти неохотно обсуждал такие темы. Он был из тех (деловых, занятых людей), кому не до завещания, его пришлось урезонивать, и в конце концов он поддался на уговоры в уже довольно зрелом возрасте – когда ему было под шестьдесят.

От вскрытия он бы отказался, не сомневалась Джессалин. – Я должна уважать его желания, – сказала она.

Том понимал, что у матери сильный шок. Да и сам Том

возвращался в Хэммонд как в тумане, плохо соображая.

Но мать должна (считал Том) настаивать на вскрытии. Вот только объяснять причины он (пока) не желал.

Он постарался подключить старших сестер, однако ни та ни другая его не поддержали.

Только София (все-таки научный работник), и то без энтузиазма, с ним согласилась, но давить на мать отказалась. *Только ее расстраивать...*

Даже Вирджила такая перспектива расстроила. Можно подумать, кремация легче вскрытия!

А Том продолжал настаивать. Он объяснял матери, что результаты вскрытия могут понадобиться, если вдруг откроется судебное дело...

Джессалин в испуге заткнула уши. Она не хотела ничего такого слышать.

Не хватало еще подвергнуть бедного Уайти вскрытию после всего, что он пережил!

Ее красивые (а нынче красные) глаза навывкате от слез. На губах слюна. Всегда ухоженная, с макияжем, сейчас она выглядела растрепанной, смятенной. Если бы Уайти увидел ее такой, он бы онемел.

Джессалин накричала на Тома, что не лезло ни в какие ворота:

Нет! Я сказала: нет! Нельзя с родным отцом проделывать такое!

(Когда она последний раз на кого-то кричала? Большой вопрос. Пожалуй, никогда.)

(Позже Джессалин не вспомнила, что накричала на Тома. И разговор о вскрытии стерся из ее памяти.)

(Впрочем, и Том об этом не вспоминал.)

В течение недель, если не месяцев, никто не мог произнести вслух это страшное слово: *умер*. Ни у кого язык не поворачивался.

Ни у Тома, ни у Беверли. Даже у Лорен, самой практичной и несентиментальной из Маккларенов. Грубому любовному слову-приговору – *умер* – она предпочитала более мягкое *ушел*.

Она даже еще смягчала: *ушел во сне*.

(Это так? Уйти действительно умер во сне? Строго говоря, да. Ведь он несколько часов не приходил в сознание. Его иммунная система была так сильно поражена инфекцией, что он впал в коматозное состояние, сделался «невосприимчивым».)

Для Софии тема смерти была сразу закрыта. Если ей кто-то звонил, она слушала вполуха. В доме на Олд-Фарм-роуд она хранила молчание, а сестры говорили не умолкая. Пока они вместе с матерью готовили на кухне, Беверли и Лорен не сходили с этой темы, словно считая, что если вслух не скорбеть, то это не скорбь. И как только Джессалин их выносит! Нелюбовь к старшим сестрам вспыхнула в Софии с новой

силой.

– Хватит уже об этом! Вы всех достали.

От такого выпада сестры онемели. Смотреть на мать она не решалась.

– Мама устала от этих ваших разговоров, не видите, что ли? Хоть бы один вечер помолчали.

Она убежала к себе на второй этаж.

В момент смерти отца Вирджил находился не пойми где (на то он и Вирджил). Но на следующий день он уже был вместе с семьей и, видя рассеянную материнскую улыбку, сразу понял: *до нее еще ничего не дошло.*

Он боялся матери и боялся за нее.

Беверли буквально стиснула его в объятьях. Шея намокла от ее слез. Он сделал над собой усилие, чтобы не отшатнуться от этих мягких грудей... что-то вроде поролона... *о господи.*

Лорен, слава богу, не стала его обнимать. Только сжала локоть – жест соболезнования, быстрый, твердый, а в глазах стоят слезы скорби и отчаяния. *Кошмар. Этого никто не ждал.*

Лорен – жесткая и бесполоая, как репа. Даже Вирджил, ничего не смыслящий в женской моде, понимал, что ее брючные костюмы – позапрошлый век и какого-то грязно-оливкового цвета.

Волосы (невероятно для директора школы) выбриты, ко-

роткая щетина, как у морского пехотинца. Суровое лицо словно вырезано ножом, небольшой рот поблескивает ярко-красной помадой... чтобы сразу тебя окоротить.

Когда Вирджил был маленьким, она порой защищала его от большого заносчивого брата. Но бывало, цеплялась к нему не хуже Тома, доводя до слез.

Со временем он понял, что им нельзя доверять. Ни старшему брату, ни сестрам.

После той злосчастной ночи на семейной кухне Вирджил и Том друг друга избегали. После смерти отца Вирджил разглядел в глазах Тома едва скрываемое бешенство... почему-то именно по отношению к нему.

Наблюдая, как тот поглощает отцовский виски, он понял, что его старший брат выпивоха.

Том начал попивать еще в школе. Дружки-спортсмены выпендривались друг перед другом. А позже – в Университете Колгейт, в большом мужском братстве, названном загадочным греческим именем, которое Вирджилю даже вспоминать не хотелось из презрения и неодобрения. Лорен называла их «свиньями и сексистами», на что Том огрызнулся: *Ты ни хрена не понимаешь. Декесы классные парни.*

Вирджил давно перестал удивляться тому, что старший брат его не выносит. А вот нелюбовь отца его озадачивала. Только в конце жизни, уже в больнице, где Вирджил играл ему на флейте, в глазах отца появилось что-то похожее на нежность.

Хри. Мн нр.

Вирджил наклонялся, чтобы получше расслышать. Что отец с таким трудом пытался ему сказать?

В отличие от него, Джессалин и София обычно расшифровывали эти нечленораздельные звуки.

В ту ночь Вирджил держался от всей родни подальше. Он испытывал... не то болезненную грусть и ошарашенность от потери, не то (вот уж неожиданно) *воздушность, полетность*.

Больше никогда он не увидит отца. Этот прищур с ухмылочкой, эту (почти осязаемую) заминку перед приветствием: *Вирджил, как дела?*

Он тогда спрятался в отцовском кабинете. Ребенком он здесь почти не бывал, только когда изредка приглашали. *Здесь вам, ребята, нечего делать. Дверь закрыта, стало быть, от ворот поворот.*

Сюрприз: большой письменный стол и рядом стол поменьше очищены от бумаг. Отец привел их в идеальный порядок, как будто знал, что не вернется.

На письменном столе ультрасовременный компьютер с темным экраном. Интересно, подумал Вирджил, какой у отца был пароль для входа.

Влезть в чужой комп – задача для него непосильная. У Вирджила нет компьютерных навыков. Сабина и та соображает лучше.

Да и желания нет влезать в чужую частную жизнь. Если у

отца были какие-то секреты, лучше о них не знать.

И свои секреты Вирджил предпочитает оставить при себе.

До него почти не долетают голоса в другом конце дома.

Они далеко, а значит, никогда не узнают...

Вирджил украдкой приближается. Двадцать с лишним лет он мечтал о таком, и вот случилось. *Уайти уже не узнает.*

Он выдвигает ящики письменного стола.

Вроде ничего интересного: документы, папки, конверты, марки.

В нижнем ящике – банковские счета, чековые книжки, распечатки фондовых акций.

Будь у него побольше времени, он бы, возможно, поизучал документы. Хотя ему не так уж интересно, сколько денег скопил его отец. Есть в этом что-то отталкивающее. Ни к чему все это ворошить.

Узнав о смерти Уайти, он в тот момент подумал: *Наверняка он не упомянул меня в своем завещании.*

Он решил не заморачиваться по этому поводу. Да плевать.

На краю стола лежало пресс-папье. Такой тяжелый треугольный камень размером с кулак, розоватый, переливающийся. Кварц? Полевой шпат? Чей-то дар с сентиментальным подтекстом; а может, Уайти сам его приобрел, и тогда он точно имеет сентиментальный подтекст.

Вирджил сунул камень в карман. Никто не обратит внимания на пропажу.

– С дедушкой случилось что-то плохое.

Внуки знали про тяжелую болезнь деда, поскольку их приводили к нему в больницу. Они с трудом узнавали избитого мужчину на больничной койке, который странно дышал и странно пахнул, а когда с ним заговаривали, он странно отвечал, так что нельзя было ничего понять.

– Дедушка ушел...

Эти туманные, уклончивые слова адресовались младшим внукам, не имевшим представления о том, что такое «смерть». Но и старшие внуки совершенно терялись, видя перед собой залитые слезами лица взрослых. Они кусали губы и ждали, когда же эта неловкая ситуация закончится.

– Дедушка ушел... Он тебя так любил!

Они испытывали чувство вины. Как нашкодившие дети. Но где они нашкодили, было непонятно.

Старшие внуки знали дедушку Уайти много лет – целую жизнь!

Не то что карапузы, для них он был единственным «стариком», который их веселил и никогда не ругал. В чем-то он был как они: этакий командир, непредсказуемый, порой ворчливый, но почти всегда смешной. Он был совсем не похож на других дедушек, с ним было забавно.

И вот он «ушел». Не смешно, скорее страшно. В первую минуту. А потом быстро прискучило.

Что они могли сказать или сделать в ответ?

Он ушел – только взрослые могут разговаривать на таком

языке. Дети не в состоянии в этом участвовать. И только самые маленькие задавали глупый вопрос: *А куда ушел дедушка?*

А внуки постарше сочувственно закатывали глаза.

Для внуков вечер сразу после *крем-ации* (загадочное событие, на которое их не позвали и о котором им почти ничего не рассказывали) превратился в настоящее испытание. Они с трудом выдерживали режим тишины и покоя. Бегать вокруг дома им запретили. Как и бегать по лестницам. Их заставили надеть «хорошие» костюмы, отчего все тело чесалось. Ковырять в носу строжайшим образом запретили. Жуть!

Даже не посмеяться. Везде, куда ни заглянешь, нахмуренные взрослые.

Как странно, столько взрослых, а дедушки Уайти нет!

К этому им еще предстоит привыкнуть – жизнь без него.

Бабушка Джессалин наготовила отличную еду, но их сразу предупредили, чтобы *не лезли, как поросята, носом в салаты и не роняли жирные куски на чистую одежду*.

Старшие внуки сбились в кучку в конце шведского стола, где пытались поговорить о дедушке Уайти так, чтобы взрослые не слышали, особенно бабушка Джесс и тетя Беверли, которая все время шмыгала носом и сморкалась. При них они бы себя чувствовали совсем неуклюже и слова звучали бы не так.

Хотя что тут скажешь? И слезами горю не поможешь.

Дедушка Уайти уже по ту сторону оврага. Прихрамывая, уходит куда-то. Видны только спина и затылок. В больнице их напугали произошедшие с ним перемены, поэтому не хотелось вспоминать *такого* Уайти, можно сказать, незнакомца, лучше помнить его, каким он был до больницы.

Слово *инсульт* они не упоминали. Это взрослое слово, клинический термин применительно к старикам, а значит, к ним он неприменим.

Все внуки были кузенами и кузинами. Старшему семнадцать, младшему шесть.

С одними дружили, с другими соперничали.

Дети Беверли (отчасти) сторонились своих кузенов, зная, что их отец (дядя Том) был дедушке ближе, чем их мать, по крайней мере, она так считала и *вечно ворчала по этому поводу* (слова Брианны). Дядя Том был деловым партнером деда, а Беверли не имела никакого отношения к семейному бизнесу.

(Значит, семья дяди Тома богаче, чем мы? Так, что ли?)

Среди внуков постоянно возникали разные союзы. Старшие предпочитали компанию старших (даже если они друг друга недолюбливали). Скучно же иметь дело с мелкотой.

Они ходили в разные школы. Только двое – Брианна Бендер и Кевин Маккларен – учились в одной школе, но в разных классах, Брианна в десятом, а Кевин в выпускном.

Долговязый лохматый Кевин рассказал остальным, как на его десятый день рождения дедушка Уайти повел его в буки-

нистический магазин в центре, где всю стену украшали комиксы в целлофановой упаковке. Уайти знал толк в комиксах и, побеседовав с хозяином, купил для внука старые издания: «Экшн-комиксы», «Флэш», «Бэтмен», «Супермен», «Человек-паук». Для Кевина было открытием, что дедушка столько всего знает про комиксы, любит их и не пожалел денег на такие редкие подарки, вот только (сам признался) он не помнит, куда их положил, то ли в ящик стола, то ли в стеной шкаф; однажды, придя из колледжа, он их обнаружит, так и не распакованные, но помятые, пожелтевшие, и испытает боль потери, как если бы получил удар ногой в живот. *О, дедушка Уайти.* И вытрет глаза тыльной стороной руки.

Брианна украдкой в очередной раз проверила телефон. Не пришла ли эсэмэска, которую она ждет весь день. Нет.

Блин.

– Убери свой телефон! Как это некрасиво! – прошипела в ухо невоспитанной племяннице тетя Лорен.

Брианна, смутившись, быстро убрала телефон в карман. И как ее подловили?

– В такое время! Твой родной дедушка *ушел*, а ты торчишь в своем дурацком телефоне. Постыдилась бы.

У Брианны выступили слезы. Она сглотнула и вся сжалась, пристыженная.

А Кевин успел с ней перегляднуться. *Хорошо, что не меня поймали!*

Все внуки не любили тетю Лорен и боялись ее – она видела их насквозь, несмотря на показное хорошее поведение. Даже самые младшие не ускользали от ее всепроникающего взгляда хищника. Она терпеть не могла все эти детские секреты: ковыряют в носу, распространяют небылицы, пакостничают в туалете, по-настоящему не моют руки, оставляют всякие следы на нижнем белье и пижаме.

А мальчики-подростки *пачкают простыни*. Это вызывало у нее особое отвращение и недоумение, никакие твои улыбки при встрече с ней и бодренькие приветствия с невольным заиканием – «З-здравствуйте, тетя Лорен» – не могли расположить ее к тебе. Она все про всех знала, про девочек-подростков даже больше – как *они* пачкают простыни во время месячных, что от них попахивает, а слова о «болезных спазмах» – это всего лишь отговорки, чтобы пропустить физкультуру. А их юбочки как у шлюшек, вызывающая косметика, ногти, раскрашенные во все цвета радуги!

Лорен произнесла мрачно, понизив голос:

– Постарайтесь хотя бы *изобразить* свою скорбь по бабушке... хотя бы.

Как будто им надавали шваброй по головам. Даже Кевин, с его ростом пять футов десять дюймов⁹, съежился.

Взгляд тети Лорен что твой лазер. Другим взрослым легко можно навесить лапшу на уши, и это прокатит, но только не с ней. *Эта* видит все.

⁹ 175 сантиметров.

Брианна начала заикаться: «Мы с-с-скорбим...» Она сказала это так тихо, что тетя Лорен сделала вид, будто ничего не услышала.

Даже странно, но внуки еще помнят времена, когда тетушка была с ними доброй. В раннем детстве они ей даже нравились. Она с ними глупо сюсюкала. Покупала им «образовательные» игрушки, в основном книжки. Но стоило им пойти в школу, как она насторожилась. В этом возрасте, сказала, дети становятся обманщиками. Какая ирония судьбы: малыши Кевин и Брианна были ее любимыми племянниками, но стоило им превратиться в подростков, как они стали ей противны.

(Связано ли это как-то с полом? – недоумевали старшие внуки. Или только с их телами, которые Лорен находила отталкивающими?)

А сегодня все выглядело еще хуже. Тетя Лорен по-настоящему разозлилась, завелась. Ее коротко обрезанные волосы оцетинились, как перышки у сойки на грудке. Тонкогубый рот дрожал. Можно было подумать, что известие об уходе Уайти свалилось на голову директрисы хэммондской школы и она не понимала, как это встраивается в ее деловую жизнь. Словно вдруг обнаружила в публичном месте, что у нее грязные руки и их негде вымыть.

Вот кого они любили, так это тетушку Софию. С ней-то все о'кей.

Уже не девочка, но выглядит молоденькой. Обычно ходит в джинсах и белой рубашке навывпуск. Волосы убраны назад, лицо открытое. Никакой косметики или помады. Даже на поминки пришла ненакрашенная, с искренним выражением печали. Вот уж кто не схватит тебя в охапку и не завоюет тебе прямо в лицо, наводя ужас.

На старших внуков производило впечатление то, как умная София (в отличие от изображавшей себя умной Лорен), настоящая ученая, говорила о серьезных вещах впроброс, как будто всем известно, что такое «митоз», «естественная селекция», «темная материя». На любой школьный вопрос, особенно по математике и точным наукам, у нее находился ответ, она объясняла тебе доходчиво, терпеливо и без всяких насмешек, а в конце могла похвалить: *Отлично! Мы все усвоили.*

Но почему дедушка Уайти *ушел*? Разве он не пошел на поправку? – спросила ее тринадцатилетняя Алиса Маккларен, так как больше ей не у кого было спрашивать. И София начала объяснять: ослабленная иммунная система, смертельная стафилококковая инфекция... но тут у нее перехватило горло.

Она быстро отошла, и Алиса смотрела ей вслед, чувствуя себя ужасно.

Бабушка Джесс обнимала каждого со словами, как дедушка его/ее любил и как ему будет их не хватать.

Конечно, это была не первая смерть за ее шестьдесят с лишним лет жизни.

При всей усталости она оставалась хозяйкой прекрасного дома, который весь пропах цветами.

А обязанность хозяйки состоит в том, чтобы гости чувствовали себя как дома и им не хотелось уходить.

– Не уходите, пожалуйста. Еще совсем рано.

Или так:

– Вы знаете, как Уайти любил вечеринки.

Хотя какая же это вечеринка? Только семья, близкие родственники и старые друзья.

Подавали лучшие напитки покойного. Вино, пиво, темный немецкий эль. Некоторые гости были так убиты, что от всего отказывались.

Ну и конечно, любимые орешки Уайти, в основном кешью, а также этот жуткий зеленый арахис, который он мог есть пригоршнями... васаби?

Шведский стол с его любимыми блюдами: тушеный лосось с укропом, провансальский салат с курицей и пастой, тефтельки с острой приправой, нанизанные на зубочистки. Шведские крекеры, сыры.

Этот импровизированный сбор на Олд-Фарм-роуд не был настоящей траурной церемонией (официальная церемония прощания пройдет в декабре, и на нее придут сотни людей, чтобы помянуть Джона Эрла Маккларена), а скорее поводом

вспомнить ушедшего. А гости, любившие его, пришли утешить вдову и детей.

Впрочем, Джессалин Маккларен полноценной «вдовой» еще не стала. У нее было такое лицо, будто ее сильно ударили дубинкой по голове, но ведь череп не разлетелся на кусочки и покрасневшие, слезящиеся глаза сохраняли твердый взгляд.

– Уйти был бы так рад, что вы пришли! Позвольте, я вам налью...

Взрослые дети Маккларенов выглядят ошарашенными, растерянными. Даже Том. А Беверли вся опухшая, зареванная. Хотя, казалось бы, чему удивляться: их без малого семидесятилетний отец умер от осложнений после инсульта.

Так сказано в некрологе: «Умер от осложнений после инсульта».

(По лицу Уйти сразу было видно, что у него повышенное кровяное давление. По меньшей мере тридцать фунтов лишнего веса, выпивал, ел много красного мяса и жареных луковых колечек, курил.)

(И все же это стало шоком. Такой замечательный, щедрый. Честный политик! Всегда такой *живой*.)

– Не надо так расстраиваться. Уйти вас всех очень любил...

Она улыбалась. Так надо. Пергаментные губы потрескались, и ей пришлось пойти на отчаянный шаг: накрасить губы красной помадой, которые на бледном лице светились,

словно неновые огни.

Волосы, никогда не казавшиеся бесцветными или сальными, она зачем-то зачесала назад, обнажив лепку лица, что сразу как-то отрезвляло и печаливало.

Бедная Джессалин! Как же она будет теперь жить одна...

Но вслух все рассыпались в похвалах: как она «элегантна» в своей черной шелковой кружевной шали на плечах, в светло-серых туфлях. Два раза обернутое вокруг шеи ожерелье из розового жемчуга шевелилось в такт ее учащенному дыханию.

Никто не знал: за неделю она так похудела, что ей пришлось закрепить на талии булавкой черную шелковую юбку, доходящую до середины икр.

Никто не знал: после утренней кремации, во время которой Джессалин чуть не потеряла сознание, она испытывала головокружение и тошноту, каждые полчаса бегала в туалет с ощущением, что у нее в кишечнике жарится сало...

Уйти лучше не знать такие подробности.

В последнее время ему о многом в ее жизни лучше было не знать.

Ничего, как-нибудь справится.

И других утешала: я справлюсь.

Родня. Соседи. Школьные друзья Уйти конца шестидесятых – начала семидесятых, потрепанные, болезненные и испуганные, как дайвер на высокой доске, с которой хочешь

не хочешь, а придется прыгать. *Если я чем-то могу вам помочь, Джессалин, скажите мне.*

Мистер Колвин, овдовевший бывший сосед, которого приглашали на все домашние посиделки – включая День благодарения и Рождество, несчастный Лео Колвин, так давно вышедший на пенсию, что его профессию уже никто не помнил, живущий в пансионате для престарелых в Восточном Хэммонде, в проеденном молью, оливкового цвета заношенном кардигане на молнии, в старых мокасынах с кисточками, был потрясен смертью Уайти и так вцепился в руку хозяйки дома, что Вирджил, весь вечер не отходивший от матери, уже готов был вмешаться.

Если я чем-то могу вам помочь, Джессалин, скажите мне.

Мистер Колвин приехал голодный. Он то и дело подходил к шведскому столу, и столу некуда было деться.

Возле стола с выпивкой кто-то задал дерзкий вопрос: будет ли Джессалин продавать дом?

Прекрасный дом времен Войны за независимость, несколько акров земли – два-три миллиона, не меньше. Конечно, сейчас не самое подходящее время обсуждать такие вещи, но если вдруг...

Том сухо ответил: нет, вряд ли мать станет продавать дом в ближайшее время.

Ответ Беверли прозвучал агрессивнее: точно нет! А когда Джессалин примет такое решение, дом не будет «выстав-

латься на продажу», а уйдет по-тихому.

Если я чем-то могу вам помочь, Джессалин, скажите мне.

Чтобы хорошо продать недвижимость, требуется толковый риелтор.

Слава богу, Джессалин была окружена детьми, готовыми ее опекать и успокаивать. Без них она бы не пережила этот шок.

Утреннюю кремацию настоящей «церемонией», пожалуй, не назовешь.

Только близкие. И конечно, никаких внуков.

Прах (невозможно произнести вслух *прах Уайти*) поместили в урну, сделанную как будто из антикварного камня, хотя на самом деле она из дешевого синтетического материала, что-то вроде картона, с очень плотной крышкой.

Тяжелее, чем можно было предположить, но не слишком.

Они отнесут урну на кладбище Северного Хэммонда, где церковный двор (за пресвитерианской церковью) одновременно служит местом захоронения, и Маккларены покоятся там начиная с 1875 года.

В одном месте без труда помещаются две урны.

Пока никаких планов насчет мемориальной церемонии.

Возможно, в декабре, перед Рождеством.

Зазвонил дверной колокольчик. Кто-то сильно припозднился.

Том уже сыт по горло. 21:20, с ума сойти! Для домочад-

цев день начался в шесть утра. Половину этих гостей никто не приглашал. Откуда они вообще взялись? А вот мать после очередного звонка всех зовет в гости. Уйти бы ей давно сказал: *Джессалин, запри уже дверь на засов и погаси свет в доме!*

В комнате рядом с гостиной мистер Колвин сидит на стуле, широко расставив ноги, болезненно-бледный, словно после обморока, а одна из их соседок вокруг него хлопочет. *Его-то кто позвал?*

Наверху, в санузле для гостей, где так пахнет лавандовым мылом, что невозможно дышать, заросший Кевин достал из пакетика косячок для Брианны. Оба хихикали, предварительно заперев дверь.

– Может, открыть окно?

– Хорошая мысль.

А внизу дети приглядывали за матерью.

Сколько раз она уже повторила: «Уйти бы так удивился, увидев столько народу в нашем доме!» На самом деле его реакция была бы другой: *Что здесь происходит? Большая вечеринка посреди недели! А меня почему не позвали?*

– Ты знаешь Диогена?

Вирджил говорил импульсивно. Они стояли за домом. Из его рта шел пар.

– *Знаю?* Ты хотел спросить, знаю ли я, кем *был* Диоген?

– Ну да. Кем *был* Диоген.

– Древнегреческий философ, живший тысячу лет назад.

Том произнес это с безразличной, полупрезрительной интонацией. Но Вирджил не отступал:

– Две тысячи лет назад. Даже больше.

Уже стемнело. Воздух был волглый, прохладный, с запахом прелых листьев.

Гости разошлись, а вот дети Маккларенов не спешили разъезжаться.

Они прогуливались по тронутой изморозью траве. Перед ними возвышался их семейный дом, похожий на корабль в ночи, в котором освещены отдельные каюты.

Они были если не пьяные, то подвыпившие. Даже не употребляющая алкоголя София выпила несколько бокалов отцовского белого вина и не могла не признать, что вино превосходное.

Лорен неумело чиркнула спичкой, чтобы зажечь позаимствованную у Тома сигарету.

– Диоген был стоиком, и о нем существует много грязных историй. Например, как он сидел голый в бочке... или в корыте? – Она задумалась. – Нет, в корыте сидел другой... который крикнул «Эврика!»... как его звали-то...

– Архимед.

– Что?

– Не что, а кто. В корыте сидел Архимед. Тот, который открыл закон всемирного тяготения.

– Эй, погодите. – Софию развеселило невежество родни.

Забавно, но они бóльшие американцы, чем она: на вещи, которые действительно важны, смотрят с беззаботностью и равнодушием. – Неужели вам не известно, что закон всемирного тяготения открыл Ньютон?

– А что тогда открыл Архимед?

– Много чего! «На тело, погруженное в жидкость, действует выталкивающая сила, равная объему вытесненной жидкости». Он имел в виду свое тело при погружении в ванну.

– Это же очевидно, – заговорила Беверли, до сих пор хранившая молчание. Когда ушел последний гость, она скинула тесные туфли на высоком каблуке и влезла в старые отцовские ботинки. Из рта у нее шел пар так, словно она задыхалась. – Ты садишься в полную ванну, и вода переливается через край. В чем тут открытие?

Лорен ее слова позабавили.

– То есть ты, Бев, сделала сейчас такое же открытие, как Архимед две тысячи лет назад?

Но та не унималась:

– Стив иногда заливает весь пол в ванной. Когда принимает душ. Как это у него получается? Вот тебе и тело, погруженное в жидкость! И шторы не снаружи, а внутри... – Беверли умолкла, окончательно запутавшись.

– Мы говорили о научных открытиях, Бев.

– В общем, я ничего неизвестного не обнаружила. Даже микробов...

Это уже перебор. Неудачно пошутила.

Именно микробы погубили их отца. Пусть их и называли более вычурно *бактериями*.

Семейство Маккларен находило только Лорен остроумной, даже когда она не давала повода. А вот когда Беверли позволяла себе пошутить, все дружно хмурились.

Если София выглядела честной школьницей, то Лорен была сардонической директрисой. Том выступал в роли босса, чей сарказм все находили забавным, если он не касался их лично. Ну а Вирджил был просто Вирджилом.

«Всегда ли мы были такими, – подумала София, – или мы играем эти роли, оказавшись вместе?»

В стиле школьницы-отличницы София объяснила всем, что открытие Архимеда позволило по-новому измерять объем тел. Это важно. А история про ванну – «Эврика!» – скорее всего, апокрифическая.

– Апокрифическая, апокалиптическая... делов-то!

Лорен грубо расхохоталась. Она явно перебрала.

– Я хочу сказать, какая, в жопу, разница. Seriously.

Она заговорила на школьном жаргоне. Когда подростки бездумно чертыхаются, матерятся. Лорен одновременно притягивало и отталкивало то, какими малограмотными казались разговоры подростков между собой. Это же касалось идиотских эсэмэсок, которыми они обменивались. Даже самые умные. С тех пор как Лорен стала учительницей, а затем школьным администратором, она перешла на особый жар-

гон, грубоватый, одновременно забавляющий и пугающий. И все вдруг увидели в своей сестренке, когда-то такой заводной и веселой, вроде участницы марша, наступающей тебе на пятки, злую, отчаявшуюся тетку, отчего хотелось закрыть глаза.

– Упс! – выкрикнул Том, подхватывая Лорен, которая споткнулась в своих черных кожаных ботинках.

– Не распускайте руки! – хохотнула она, выдыхая порции теплого пара.

Все это время Вирджил шел отдельно, что было никак не связано с неодобрением или неприятием родни. Скорее с его возмутительной отрешенностью, как будто он тут совсем один.

Он вдруг поскакал большими прыжками вниз по склону к речке, вздувшейся после недавних дождей. Она вся искрилась в тусклом свете молодого месяца.

Все поглядели ему вслед. Чем он их так раздражал?

– Сегодня он весь вечер вел себя как призрак Гамлета, вы заметили?

– Это такая игра. На смерть отца ему наплевать. Для него это «иллюзия», «мир теней», вся эта буддийская чушь. С него все стекает, как... как с гуся жир.

– Как с гуся жир? Это что значит?

– Ну, у гуся жирные перья, вот с них и течет.

– Он пришел со своей дурацкой флейтой. Всерьез собирался играть для гостей.

Почему он этого не сделал, никто так и не понял. Все видели, как Джессалин явно просила его сыграть. Он из тех, кого надо уговаривать сделать то, о чем он сам мечтает, но по какой-то загадочной причине, возможно из противоречия, он так и не сыграл на своей дурацкой флейте.

– А что, мы бы послушали, – сказала София. – У нее такой завораживающий звук.

– Да это же фигня, а не флейта! Сам вырезал и просверлил дырочки. Настоящий флейст...

– Флейтист.

– ...над ним бы посмеялся. Все, что делает Вирджил, – это *любительщина*.

Тут даже не о чем спорить. А все, что делают Том, и Лорен, и София, – это профессионально.

Беверли, возмущавшуюся младшим братом не меньше других, задело это осуждение любительского искусства, и она заступилась за Вирджила:

– А папе нравилось, как он играл на флейте. Не важно на чем. Когда Уайти был здоров, наверняка заткнул бы уши, а вот в последние дни жизни эта музыка его порадовала, а вы даже не поняли.

– У бедного Уайти не было выбора. Вынужденный слушатель.

– Нет. Ему правда нравилось. И мама была Вирджилу благодарна, сама сказала.

– Ерунда все это. Мама скажет что угодно, а то ты не зна-

ешь.

– То есть как «что угодно»? Мама никогда не врет.

– Мама никогда не врет... с ее точки зрения. Но многое из того, что она говорит, не имеет никакого отношения к реальности.

– Тебе-то откуда это известно?

Беверли в ярости накинулась на чванливого старшего брата. Том ее уже достал! После госпитализации Уайти он принял на себя роль главы семьи, а также главы корпорации «Маккларен инкорпорейтед».

Главный акционер в семейном бизнесе. Не забывайте!

Завтра в адвокатской конторе огласят завещание Уайти. Беверли с ужасом думает об этом. Она знает, что отец очень ее любил, больше, чем Лорен или Вирджила, но Том, как первый ребенок, был ему особенно дорог.

София ей казалась *легковесной*. Но отец гордился младшей дочерью... неужели так же, как ею, самой старшей, родившей таких красивых внуков?

(Уайти и Джессалин считали их красивыми, по крайней мере в младенческом возрасте.)

Над их головами в чернильно-черном небе плыл бледный месяц.

А в доме, в укромном месте, стоит урна с прахом, сделанная «под камень», с особо плотной крышкой.

У речки, где они любили в детстве играть, Вирджил сидел на корточках, к ним спиной. За речкой виден ельник, а над

ним беззвездное небо.

– Как вы думаете, мама продаст дом? Надеюсь, что нет.

– Со временем, конечно, продаст. Уйти на это не пошел бы, но мама человек практичный. Она поступит разумно...

– То есть отдаст дом *тебе*?

– Она не станет его никому отдавать! Что за чушь... – Беверли почувствовала себя задетой, даже оскорбленной.

– И где же мама будет жить, если она продаст дом?

– Купит поменьше. Или въедет в кондоминиум. Все ее вдовы-подруги умерили запросы. Есть прекрасная «коммуна для пенсионеров», называется «Десять акров». Там живет мистер Колвин. Будут вместе играть в бридж! К этому все шло... я имею в виду продажу дома... даже если бы отец... если бы у отца не случился... инсульт.

– Мама могла бы жить с нами. Я думаю, Брук это бы понравилось.

– Помогать с внуками? Вести хозяйство? Брук это точно понравится.

– Беверли, ты о чем? У нас и без матери есть служанки.

У нас и без матери есть служанки. С каким апломбом он это сказал! Беверли криво усмехнулась, но промолчала.

Даже смешно. К ним раз в неделю приходят убираться. И есть нянька, которая возится с маленькими детьми. Это называется *слуги*!

В разговор вмешалась Лорен:

– Что он там делает? Стоит на мелководье?

Все уставились на темный силуэт в пятидесяти футах от них. Не зная они, что там человек, решили бы, что это стертник или гриф подошел к воде.

– Сегодня он весь вечер вел себя как призрак Гамлета, вы заметили?

– Ты это уже говорила. Разве у Гамлета был призрак? Ты, кажется, путаешь Гамлета с его отцом.

– Он не отходил от мамы. Никому не давал к ней подойти.

– Бедный Вирджил! Для него это стало настоящим ударом...

– Можно подумать, для нас не стало!

– И почему это он «бедный»? Он не любил отца. Просто прилип к маме.

– Вот именно. Прилип к маме. Он будет тянуть из нее все папины деньги, чтобы потом их раздать разным дурацким благотворительным фондам.

– Неправда. Он ничего такого не сделает.

– Но мама такая...

– ...глупости...

– ...твердая. Настоящий кремьень.

– Она его поощряет. Он же как наркоман. Хиппарь-наркоман. А мама его *поощряет*.

– Нам надо с ней поговорить. Проявить твердость. Надо ей четко объяснить, чего хотел Уайти.

София стояла поодаль, не желая присоединиться к их приватному разговору. А хотелось возразить: *Я могла бы*

снова жить с мамой. И Вирджил тоже. Почему нет?

Вскоре Вирджил бодро к ним вернулся, как тренированная гончая. Глаза его блестели, но прямого контакта он избегал. Возбужденным голосом объявил:

– Я, можно сказать, встретился с духом нашего отца... Он называл эту речку «ручьём». Какое прекрасное тихое место...

На Вирджиле была застегнутая на шее длиннополая кожаная куртка темного цвета, вся мятая, потрескавшаяся, придававшая ему вид православного священника времен Достоевского, столь же страстного, сколь и наивного. Весь его наряд выглядел вызывающе глупо. Как будто все это было приобретено на барахолке.

Не эти ли коричневые вельветовые джинсы он носил еще в школе? Беверли с отвращением поглядела на его ноги в сандалиях: большие пальцы уже почти проделали дырки в темных носках.

Все старались его игнорировать.

– Кто-то останется ночевать с мамой? Могу я.

– И я могу.

– Она не желает, чтобы мы ее «нянчили», сама сказала.

– Переночевать в доме еще не значит «нянчить». Она даже не узнает, поскольку уже наверняка легла.

– Да, но сможет ли она уснуть?

Вопрос бесшумно порхал между ними, как бабочка. Никто из них толком не спал все это время, пока отец лежал в

больнице.

– Кажется, она принимает снотворное.

– Еще раз: она не хочет, чтобы мы ее нянчили.

– Для нее *это* реально?

– По-моему, нет.

Беверли подавила всхлип.

– О господи. Как мама будет дальше жить? Они были женаты сорок лет...

– Послушай... – неуверенно начала София. – Люди умирают каждый день, а их семьи продолжают жить. Как-то.

Вышло не то, о чем она подумала и что хотела сказать.

– Ну, то есть... у мамы много овдовевших подруг. Все они как-то выжили.

Опять не то. София продолжила, стараясь на этот раз быть точной:

– Просто это случилось раньше, чем мы ожидали. И мы оказались... не готовы. В процессе лабораторных экспериментов над животными, которых подвергают стрессу, одни не выдерживают и сразу сдаются, зато другие (срабатывает генетика, и в этом суть экспериментов) постепенно приспосабливаются и выживают... до поры до времени. – София осеклась. Что она такое несет? Похоже, на нее смотрят с ужасом и отвращением. И она закончила, вслепую нащупывая правильный вывод. – У нас не было времени на притирку. И у мамы тоже. Все произошло слишком быстро. Мы-то ждали, что папа поправится.

Прозвучало на редкость разумно! Даже удивительно, что ей удалось так сформулировать, притом что голова шла кругом. Как же ей хотелось, чтобы ее вечно недовольные братья и сестры наконец-то восприняли ее всерьез, а не отмахнулись как от *мальшки*.

(Была ли София девственницей? Беверли и Лорен часто обсуждали эту тему. Первая считала, что да, а вторая, что нет. У каждой были весомые аргументы, только они не убеждали другую сторону.)

(У братьев не было мнения по этому поводу, и они ни с кем не стали бы это обсуждать.)

– Стресс убивает, – мрачно заключила Лорен.

– А Диоген? – подал голос Вирджил, по-прежнему отводя поблескивающие глаза.

– Что – Диоген?

Все надеялись, что он уже забыл, о чем хотел им рассказать. Как бы не так!

Невероятно, но он по глупости произнес слова жестокие, оскорбительные, непростительные, тяжело ранившие старшего брата и сестер:

– У Диогена было правильное отношение к смерти. Мы к ней относимся слишком серьезно. Суеетимся без надобности. А ведь тело – всего лишь «материал», который отбрасывается за ненадобностью. В сущности, человеческое тело – это мусор. Диоген объявил: когда он умрет, пусть его тело сбросят с городской стены на съедение падальщикам. – Его

неожиданная улыбка хлестнула по лицам, точно холодный влажный ветер.

– Вирджил, побойся Бога...

– Козел. А ну проваливай.

Лицо Вирджила, бесхитростное и при этом вызывающее, наглое, хотелось отхлестать по щекам, настолько неуместно прозвучали эти слова сейчас, в день прощания с отцом.

В считанные секунды их дорогой отец превратился в *материал*.

А Вирджил упрямо продолжал:

– Разве Диоген не прав? Он называл себя *киником*, то есть циником (по-гречески «собака»), но в его словах нет никакого цинизма, это чистая правда. Если вы верите в душу, как Диоген, то должны понимать: душа бессмертна, а тело – отбросы. Оно разлагается, в отличие от души.

– Заткнешься ты наконец?

Том схватил младшего брата за грудки, и сестры напрасно пытались вмешаться.

Вирджил попытался высвободиться, но Том был для него слишком силен, несмотря на выпитое и усталость. Таким же захватом шеи старший брат парализовывал его маленького.

– Том, что ты делаешь? Это безумие! – выкрикнула Беверли.

– Это он обезумел. Мелет своим дурацким языком первое, что в голову придет.

Том, ворча, швырнул брата на землю. Тот тяжело упал на

бок в тронутую изморозью траву и поначалу даже не мог пошевелиться. Том почувствовал восхитительный прилив адреналина в крови.

А Вирджил лежал, словно мертвый. Насмерть перепуганный. В ушах звенело. Из ноздрей текло что-то темное, на расширенные от страха глаза навернулись слезы.

– Том, прекрати! – взмолилась София. – Он просто высказался...

– Никто не хочет слушать его бредни.

– Мама может услышать. Господи...

Том со злостью высвободился из объятий вцепившихся в него сестер. Вирджилу удалось наконец подняться, и он стоял, дрожа, перед старшим братом.

– Не бойся, больше не трону. Хотя хочется убить.

Ярость вспыхнула и погасла.

Вирджил, прихрамывая, побежал в дом, как побитый пес. Будет плакаться матери в жилетку, подумал Том. Черт бы его побрал!

Сестры держались в отдалении, тоже побаиваясь старшего брата. Том стоял, широко расставив ноги, и тяжело дышал. Сердце колотилось как ненормальное.

Он отвернулся, чтобы сестры не увидели, как его глаза горят от радостного возбуждения.

В кармане у Вирджила лежало пресс-папье в виде треугольного камня.

Упав на землю, он его нащупал. Вытащил не без труда. Встал сначала на четвереньки, потом кое-как поднялся на ноги. Над ним нависал Том, краснощекий, brutальный, подвыпивший, бешеный. Вирджил размахнулся и ударил обидчика в левый висок. Тот вскрикнул от боли, брызнула кровь. Вирджил отшатнулся, а вокруг раздалась женские крики:

Вирджил, не надо! Вирджил, остановись!

Она лежит на кровати, на своей половине.

Мысли медленно накатывают клочковатыми словами, похожими на разорванные облачка.

Удивление: она еще жива.

Первый и самый глубокий сюрприз для вдовы: *еще жива.*

Бдение. Такое же бесконечное, как пустыня Сахара с песком, блестящим под жаркими, слепящими лучами солнца. К ней тянется столько рук, и всех надо утешить.

На что только не пойдешь, чтобы справиться с этим изнурительным бдением!

В ванной на белоснежном столике лежат таблетки. Ее и мужа. Относительно новые и совсем старые. Какие-то были приобретены аж в 1993 году.

Сильные болеутоляющие, сохранившиеся со времен, когда Уайти чистили зубной канал. Пятьдесят миллиграммов. Ей пришлось разрезать их на две, а то и на три части зубчатым ножом, прежде чем проглотить вместе с водой.

Их много. Почти полная пластиковая упаковка.

Таблетки в аптечке, таблетки на столике. Сколько же их?

Пятьдесят, восемьдесят, сто?

Разной формы, разного цвета. Даже интересно их разглядывать.

Может, этой ночью обойдешься без них? А, Джессс?

Правильный совет. Она ведь так устала. Уснет и без таблеток.

За вечер она выпила один или два, а может, даже три бокала вина. Поди запомни, когда тебе надо встречать гостей, обниматься с ними, целоваться. Неудивительно, что сбилась со счета.

Иди сюда, Джессс. Сядь рядышком.

Как всегда, он обнимает ее. Их руки сплетаются. Ему не мешало бы побриться.

Мужчина крупный. Даже когда лежит, кажется, будто он над ней нависает.

Он всегда будет ее любить и защищать. Пообещал же.

Это даже не голос Уайти, а просто такой спокойный умиротворяющий голос. *Вдова – единственная связь между умершим и миром живых. Без тебя меня нет.*

Последняя воля и завещание Джона Эрла Маккларена

Все мое состояние должно быть поделено поровну между моей дорогой супругой и моими дорогими детьми...

Дорогие дети ошарашены. Они в ярости. Не верят своим ушам.

Он все поделил на равные части! То есть оставил Вирджи-лу столько же, сколько каждому из них.

Он оставил Вирджилу столько же, сколько Тому (его правой руке), а Беверли (не проработала ни одного дня и вышла замуж за банковского служащего) столько же, сколько Лорен и Софии (всю жизнь горбатятся).

Разве справедливо, кипела Беверли, завещать сестрам (незамужним, бездетным, которым не надо никого обеспечивать, кроме себя) столько же, сколько ей, матери двоих детей? Уйти что, забыл, как дорого они нынче обходятся?

Разве справедливо, кипела Лорен, завещать Тому (прибравшему к рукам семейный бизнес и получившему огромную прибавку к окладу) столько же, сколько ей (вкалывающей много лет за скромную зарплату государственного служащего)? И разве справедливо оставить хоть что-то толстой, нудной Беверли, имеющей мужа, который ее всем обеспечивает?

Том не мог поверить в то, что отец оставил Вирджилу

хоть что-то.

София тоже была ошарашена, но по совсем другой причине. Она не могла себе представить, что отец завещает ей такие деньжищи, не говоря уже об акциях компании «Макларен инкорпорейтед» – эквивалент пяти годовых зарплат в институте (без налоговых вычетов).

Папа, я этого не заслужила! Она ведь не получила докторскую степень в Корнелле, как считала вся семья. Она была не ученым, а всего лишь лаборанткой, выполняющей указания руководителя. Ей не хватало цельности. Ее бедный отец ничего этого не знал.

Казалось бы, Вирджил, не имеющий никакого дохода, должен был получить больше других, но она не осмелилась сказать об этом вслух.

Кстати, он единственный из всех детей не пришел в адвокатскую контору.

– Зачем мне приходить? Чтобы почувствовать себя униженным? – сказал он Софии. – Я ведь знаю, что думал обо мне отец.

В последнюю неделю перед смертью Уайти был к нему расположен как никогда, но завещание-то отец написал несколько лет назад.

– Но как ты можешь знать заранее? – возразила она ему.

На что получила твердый ответ:

– Я знаю.

В глазах брата она увидела горечь обиды и не стала раз-

вивать тему. Но сейчас, после оглашения завещания, София подумала: в его буддийском отказе от желаний, как и в изначальной готовности к постоянному поражению, было нечто самодовольное, даже высокомерное. И он оказался не прав.

– Но зачем отец это сделал? «В доверительном управлении». Зачем?

Второй сюрприз касался загадочного условия о передаче денежной доли вдовы в доверительное управление.

Помимо совместной недвижимости, которая после смерти Уайти автоматически переходила к его вдове, он еще открыл внушительные счета, но доступ к ним у Джессалин будет только через доверительное управление. А распорядителем назначен Арти Баррон, адвокат Уайти, которого Том и компания почти не знают.

– Простите, мистер Баррон... но почему отец так поступил? И почему он назначил *вас*?

– Когда папа сделал такое распоряжение? Мы про это ничего не знали. А ты, мама?

Джессалин замедленно помотала головой. То ли не знала ответа, то ли не расслышала вопроса.

Джессалин сидела рядом с Арти Барроном за полированным столом красного дерева, сидела тихо, как мышка. Все обратили внимание на то, какая она усталая, глаза покрасневшие. Если раньше, встретившись с кем-то взглядом, она сразу улыбалась, то сейчас смотрела куда-то мимо с жалким

подобием улыбки.

Когда Баррон зачитывал завещание резковатым четким голосом, чем-то напоминавшим метроном (если, конечно, метроном умел бы говорить), Джессалин слушала его с вежливым видом человека, надеющегося, что о его глухоте никто не догадается.

Баррон спросил, понятны ли ей условия доверительного управления. При этом он наклонился к ней, словно к больной с блуждающим взглядом.

– Я думаю... да. – Увидев лица, на которых были написаны озабоченность и жалость, она поспешила добавить: – Да. Конечно.

– Мама, ты понимаешь, в чем суть доверительного управления? – спросил ее Том.

– Не в деталях, конечно, но в целом... да...

– Джессалин, если хотите, я вам объясню подробнее. Сейчас или в любое удобное для вас время. Могу приехать к вам, если вам так удобнее. Я не знал, что ваш муж не проинформировал вас и детей об учреждении траста...

– И что он выбрал вас в качестве распорядителя. Нет, нам не говорили.

– Нам *никто* не говорил.

Беверли произнесла это резко, с вызовом глядя на адвоката, словно обвиняя его (хотя он-то тут при чем?) в том, что отец распределил наследство между детьми в равных долях.

Джессалин вспомнила, как они вместе с Уайти пришли в

адвокатскую контору, «Баррон, Миллз и Макги», в эту роскошно обставленную комнату, несколько лет назад, чтобы подписать оба завещания. Ей пришлось уговаривать мужа составить завещание и приехать сюда для подписания.

Не то чтобы он был против. Уайти никогда не говорил жене «нет». (Или почти никогда.) Просто забывал о самом разговоре. (Сейчас это вызвало у нее улыбку.) Обязанность помнить такие вещи ложилась на нее.

Сколько раз он повторял: *Дорогая, я помню, помню. Но у меня сумасшедшая неделя. Давай на следующей...*

В этой покрытой коврами комнате Джессалин улавливала голос Уайти. Интересно, слышат ли его другие.

Напомни мне еще раз, ладно? Спасибо, дорогая.

Адвокат (как бишь его? ах да, Баррон) упрямо продолжал зачитывать многословный документ, не позволяя себя прервать. (*Счетчик включен и тикает: «оплачиваемые часы»*, как сказал бы Уайти.) Понятно, что Баррон не в первый раз имеет дело с неприятными сюрпризами и недовольными наследниками. Том поинтересовался, сколько душеприказчик будет получать за свои услуги, и получил в высшей степени уклончивый ответ.

Джессалин улыбнулась, вспомнив, что сказал Уайти, когда они покинули контору, подписав завещания. *В чем разница между школой для пираний и школой для адвокатов?* Смешной ответ уже забылся, но она помнит, как рассмеялась. Ее всегда смешили шутки Уайти. Что запомнилось, так

это его язвительное замечание: *Этот юмор нам влетел в копеечку.*

Он взял ее за руку, и они так и шли всю дорогу до парковки.

Кажется, у него тогда пальцы были холодные? Или ей изменяет память?

Вокруг нее летали разные умные слова. *Траст. В доверительном управлении. Душеприказчик. Оклад. Назначение.* Слова опасные, как летящие камни. А затем их укладывали неумело, тяп-ляп, и вот уже кладка начинала расшатываться.

Она ощутила во рту какой-то сухой ошметок – то ли хитиновый покров мертвого жука, то ли кусочек сброшенной змеиной кожи.

Ее чуть не стошнило, кровь отлила от лица.

Она кое-как поднялась из-за стола красного дерева. Одна из дочерей тоже начала вставать, но Джессалин показала ей жестом: сиди.

Ей надо просто выйти в туалет. Сопровождать ее не обязательно.

Все-таки она встала слишком резко, и голова закружилась. В приемной ей навстречу выкатился этакий старенький троллейбус, что вызвало настоящий хаос. Лязг и грохот, из проводов летят искры. Откуда он взялся *в закрытом помещении?* У Джессалин от ужаса округлились глаза. Она отшатнулась и присела. Позже администраторша скажет, что миссис Маккларен втянула голову, как черепаха, испугавшаяся,

что ее сейчас раздавят.

– Насколько я понимаю, Уайти опасался, что ваша мать будет сорить деньгами. Он ее считал «мягкосердечной» и «недостаточно скептической». Он опасался... – Арти Баррон доверительно понизил голос и обвел взглядом присутствующих, как бы лишний раз убеждаясь, что среди них нет того, кому здесь быть не надлежит, – что ваш брат Вирджил начнет обращаться к ней за деньгами для разных «хипповых» организаций и что она не сможет ему отказать. Не то чтобы Уайти ей не доверял, но он был озабочен ее благосостоянием. Сумма, которую Джессалин будет получать ежемесячно от доверительного управления, немалая, и при желании она сможет поделиться какой-то частью, зато у нее не будет искушения отдать слишком много, так как она на это живет. У вашей матери нет никакой возможности отдать, например, девяносто процентов инвестиций вашего отца.

– Мама не такая наивная, чтобы отдать девяносто процентов чего угодно. Это звучит оскорбительно.

– Да, оскорбительно. Нам приходится ее уговаривать, чтобы она себе что-то купила.

Сестры возбудились не на шутку. Что касается Арти Баррона, то он продолжал сохранять уверенный ровный тон, как какой-нибудь асфальтоукладчик.

– Я цитирую вашего отца. Он не одну неделю размышлял об этом, пока мы работали над формулировками. Од-

нажды он мне признался, что потерял сон. Он считал вашу мать слишком доброй, чем могут воспользоваться третьи лица, когда... если с ним что-то случится. – Баррон, как бы из вежливости, умолк.

Том вдруг вспомнил довольно неловкий и невнятный разговор с отцом несколько месяцев назад, который его тогда озадачил. Уайти высказал озабоченность, как бы кто-то не «использовал» Джессалин в своих целях, если с ним что-то случится.

В их разговорах возможность смерти могла облекаться только в расплывчатые фразы. *Если со мной что-то случится. Если Джессалин останется одна.*

Уайти откровенно давал ему понять, что судьба компании «Маккларен инкорпорейтед» его не беспокоит – к тому времени Том уже принял на себя половину бизнеса и «легко» мог стать единоличным владельцем. А вот «дорогая жена» вызывала у отца озабоченность.

Том тогда заметил, что Джессалин уж точно не останется одна; он и сестры о ней позаботятся, если их помощь понадобится.

(Кажется, Уайти не обратил внимания на то, что Том не упомянул Вирджила.)

Но отца его слова не убедили. Он был странным образом заиклен на том, что Джессалин понадобится дополнительная защита.

– У вас, ребятки, своя жизнь. Собственные дети. Поэтому

я должен ее обеспечить. Она вконец растеряется, если останется одна.

Он нахмурился. Что-то его мучило. Может, он был у врача, подумал тогда Том.

– А в «доверительном управлении» есть какие-то преимущества? – спросила София, так и не дождавшись этого вопроса от других.

– Да, конечно! Вдова защищена от так называемых охотников за сокровищами. А также от сомнительных исков желающих наложить лапу на ее недвижимость. Существует много недобросовестных людей, готовых развести женщину, потерявшую мужа. Доверительное управление – это законная защита от мародеров.

Баррон явно имел в виду *состоятельную вдову*. Уайти беспокоился, что его дорогая супруга, в силу темперамента, не способна распорядиться большим наследством.

– Мы сами можем защитить нашу мать от мародеров, – воинственно заявила Беверли. – Для этого нам не нужно доверительное управление.

Тут вмешалась Лорен:

– Хватит уже этих разговоров о «защите» матери. Джессалин Маккларен не инвалид. Она заботилась об Уайти с первых дней их брака... и главной силой, если на то пошло, была она, а не он. Мы все поражены тем, как она стоически переживает папин уход...

– Как надо.

– Да, как надо.

– Если не считать...

– ...ну да...

– Она никак не может свыкнуться с мыслью, что папа умер.

Повисла пауза. Лорен сама удивилась, что произнесла вслух: *папа умер*. Ее бледное лицо сурового эльфа неожиданно сморщилось, и из глаз брызнули слезы.

Вот уж неожиданное зрелище: деловая, жесткая Лорен разрыдалась в публичном месте. А за ней и Беверли. Ну и трепетная София к ним присоединилась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.